

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

3(75)'2019

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – Вып. 3 (75). – 148 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2019. – Issue 3 (75). –
148 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»



ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(75)'2019

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”



POLITICAL LINGUISTICS

3(75)'2019

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications and Mass Media. Registration certificate ПИ №ФС 77-34838 of 25.12.2008.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
М. Б. Ворошилова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

В. Н. Базылев Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания
Е. В. Дзюба Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
С. В. Иванова Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай
Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
Д. Вайс Университет Цюриха, Швейцария
А. де Лазари Лодзинский университет, Польша
И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания
Б. Ю. Норман Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
П. Серрио Лозаннский университет, Швейцария
Й. Сипко Прешовский университет, Словакия
У Айхуа Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
Дж. Шарафутдинов Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia

M. B. Voroshilova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, China

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

D. Weiss University of Zurich, Switzerland

A. de Lazari University of Łódź, Poland

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

J. Sipko University of Prešov, Slovakia

Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сковородников А. П.	О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антипode	12
---------------------	---	----

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гаврикова О. А.	Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе	22
Гридина Т. А. Талашманов С. С.	Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект	31
Гуляева Е. В. Макарова М. В. Никитина И. С.	Коммуникативные неудачи в речи политиков	38
Ергалиева С. Ж. Мельник Н. В.	Лингвоперсоналогический потенциал политических интернет-комментариев	46
Исмаилова О. И.	Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе	54
Кондратьева О. Н. Игнатова Ю. С.	Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова)	60
Муравлева В. Р.	Информационная война: лингвистические вопросы формирования и структурирования терминологической системы	71
Якунин С. А.	Лингвистические средства ведения информационной войны	77

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Иванова Е. Н.	Письма Акинфия Демидова к власти имущим первой половины XVIII в. (к вопросу о диахронном подходе к политическому дискурсу в России)	83
Корниенко Е. Р.	Предисловие как паратекст (на материале наследия Н. И. Новикова)	89
Наумова К. А.	Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте	96
Сидоров В. В. Зиннатуллина З. Р. Ашрапова А. Х.	Дилеммы языковой политики в современной России (на материале языковой ситуации в Республике Татарстан)	106
Спирчагов С. Ю.	Метонимия в англоязычном банковском дискурсе	112

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Гришанина А. Н. Гришанина М. Ю.	Вопросы психолого-лингвистического исследования мотивов экстремистского речевого поведения молодежи в социальных сетях	120
------------------------------------	--	-----

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ибрагим Ваиль Фахим Мауад Абануб Адель	Приемы перевода текстов русского дипломатического дискурса на арабский язык 126
Юе Сюе	Эволюция взглядов на этнокультурологические аспекты русского языка в рамках политической лингвистики 135

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Савенкова Л. Б.	Информационно-психологические войны сквозь призму лингвистики 140
------------------------	--

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 145

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Skovorodnikov A. P.	On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode.....	12
---------------------	--	----

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Gavrikova O. A.	Clickbait as a Factor of False Narrative Creation in Political Mass Media Discourse	22
-----------------	--	----

Gridina T. A. Talashmanov S. S.	Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic Aspect	31
------------------------------------	--	----

Gulyaeva E. V. Makarova M. V. Nikitina I. S.	Communicative Failures in the Speech of Politicians	38
--	---	----

Yergaliev S. Z. Mel'nik N. V.	Linguopersonological Potential of Political Online Commentaries	46
----------------------------------	--	----

Ismailova O. I.	Linguistic Means of Realization of Destructive Speech Strategies in Russian and British Political Media Discourse.....	54
-----------------	--	----

Kondrat'eva O. N. Ignatova Yu. S.	Metaphorical Modeling of Russia's Future in Political Forecasts (on the basis of the texts by Vladimir Pastukhov).....	60
--------------------------------------	--	----

Muravleva V. R.	Information War: Linguistic Issues of Formation and Structuring of the Terminological System.....	71
-----------------	--	----

Yakunin S. A.	Linguistic Means of Conducting Information War	77
---------------	--	----

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Ivanova E. N.	Letters of Akinfiy Demidov to those who Held Power in the First Half of the 18th Century (To the Question of the Diachronic Approach to Political Discourse in Russia)	83
---------------	---	----

Kornienko E. R.	Preface as Paratext (based on the heritage of N. I. Novikov).....	89
-----------------	--	----

Naumova K. A.	Comparative Content Analysis of Military-Political and Military-Media Discourse Formats	96
---------------	--	----

Sidorov V. V. Zinnatullina Z. R. Ashrapova A. Kh.	Language Policy Dilemmas in Modern Russia (on the basis of the linguistic situation in the Republic of Tatarstan)	106
---	---	-----

Spirchagov S. Yu.	Metonymy in English Banking Discourse	112
-------------------	---	-----

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Grishanina A. N. Grishanina M. Yu.	Questions of Psycholinguistic Study of the Motives of Extremist Speech Behavior of Young People on Social Networks	120
---------------------------------------	--	-----

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Ibrahim Wael Fahim Mauad Abanoub Adel	Techniques of Diplomatic Discourse Translation from Russian into Arabic	126
Yue Xue	Evolution of Views on Ethnoculturological Aspects of the Russian Language in Political Linguistics.....	135

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Savenkova L. B.	Information Psychological Wars through the Prism of Linguistics	140
Manuscripts Requirements		145

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета journals.uspu.ru, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте cognitiv.narod.ru, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, выбранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'271
ББК Ш105.55
DOI 10.26170/pl19-03-01

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

А. П. Сковородников

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x

✉ E-mail: skapnat@mail.ru.

О сверхсильной речевой агрессии и ее модалном антиподе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу дифференциации речевой агрессии по степени ее интенсивности. В работе демонстрируется, что не все разновидности речевой агрессии, отличающиеся силой эмоциональной тональности, получили отражение и терминологическое обозначение в исследованиях, посвященных изучению этого феномена, в том числе и в дефинициях этого явления, предлагаемых разными авторами. Рассматривается такая разновидность речевой агрессии, которая представляет собой крайнюю, экстремальную степень негативной эмоциональности и характеризуется ненавистью к объекту оценивания и желанием его физического и/или морального уничтожения. Для обозначения этого феномена предлагается термин «лингвонекрофилия». Указывается также, что в силу речевой системности, как ее аксиологическое проявление, существует противоположное лингвонекрофилии явление высшей степени положительной, иногда даже восторженно-сакрализирующей оценки, которое мы обозначаем термином «лингвобиофилия». Системность речевой аксиологии проявляется еще и в том, что явлениям лингвонекрофилии и лингвобиофилии изоморфны некоторые жанры, например, речевые жанры проклятия и славословия (дифирамба) и литературные жанры памфлета и панегирика. Текстам, созданным в стиле лингвонекрофилии и лингвобиофилии, свойственно конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе разнообразной пейоративной и мелиоративной лексики и фразеологии в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. В итоге формулируются дефиниции лингвонекрофилии и лингвобиофилии и делается вывод об опасности для социума лингвонекрофилии, а при определенных экстралингвистических условиях и лингвобиофилии, о необходимости выявления и ликвидации социальных причин такой опасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевая агрессия; речевое поведение; экстремальная эмоциональность; негативная эмоциональность; позитивная эмоциональность; лингвонекрофилия; лингвобиофилия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сковородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а, к. 1-16; e-mail: skapnat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сковородников, А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модалном антиподе / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 12-21. — DOI 10.26170/pl19-03-01.

*Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.*

Вадим Шефнер

Введение

Процессы эмоциональной негативации русской речи тесно связаны с таким социально-коммуникативным явлением, как речевая (или словесная, вербальная) агрессия. Известный исследователь современного состояния русской речи и русского языка В. И. Шаховский замечает, что «появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов», что приводит «к негативации языковой картины у носителей языка» [Шаховский 2016: 122—123; Шаховский 2013: 303]. В нашей статье разговор пойдет о той речи, которая, по выражению Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской,

«характеризуется повышенной агрессивностью, в том числе активным использованием соответствующих стратегий и тактик речевого поведения: **угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления** и т. д.» (выделено мной. — А. С.) [Петрова, Рацибурская 2011: 21—22]. Эти и другие признаки речевой агрессии не всегда упоминаются авторами дефиниций речевой агрессии в силу их (дефиниций) лаконизма и обобщающего характера, в том числе не включены они и в дефиницию, предлагаемую упомянутыми авторами: «...под речевой агрессией в данном пособии понимается жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отноше-

ния к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская 2011: 24]. Ср. определения речевой агрессии у других авторов, например: [Гордеев 2017: 176; Завьялова 2003: 562; Трошева 2003: 340; Щербаков 2014: 525] и др.

Однако в ряде дефиниций и характеристик речевой агрессии указания на некоторые ее конкретные признаки, манифестирующие ту или иную негативную эмоцию, присутствуют. Например, в диссертации Э. Э. Паремузашвили говорится о том, что «иронические высказывания и намеки используются в речи также для того, чтобы в зависимости от целей говорящего выразить **порицание, упрек, обвинение, грубое требование, пренебрежение, насмешку, оскорбление, угрозу** и др.» (здесь и далее выделено мной. — А. С.) [Паремузашвили 2013: 7]. К формам речевой агрессии А. В. Щербаков относит «**оскорбление, враждебное замечание, угрозу, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрёк, обвинение), насмешку, донос, клевету, ссору, жалобу** и нек. др.» [Щербаков 2014: 526]. Т. А. Воронцова считает, что «при узком понимании агрессия в речи рассматривается как речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: **оскорбление, насмешка, угроза**. При широком понимании под словосочетанием „речевая агрессия“ подразумеваются все виды доминирующего речевого поведения» [Воронцова 2006: 83]. К. Ф. Седов пишет, что «прямая (она же — явная) речевая агрессия — результат коммуникативного акта, иллюзия которого содержит открытую, очевидную **враждебность...: оскорбления, угрозы, злопожелания (иногда содержащие табуированную лексику)**» [Седов <http>]. В. В. Кислица [Кислица 2016], по сути дела, повторяет определение Ю. В. Щербининой, которая в своем фундаментальном исследовании предлагает такую дефиницию речевой агрессии, уточняя определение А. Басса: «...вербальная (речевая, словесная) агрессия — это **словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме**» [Щербинина 2008: 15]. Кстати, полагаю, что в этой формулировке, как и в некоторых других, не хватает указания на адресность агрессивного высказывания, направленность его на адресата (например, человек, который в ситуации публичности, поскользнувшись и упав, выругался, нарушил

этико-речевую норму, но вряд ли такое высказывание представляет собой речевую агрессию).

Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, отсутствие единого основания в перечне релевантных признаков речевой агрессии. Так, в ряду «угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, навешивание ярлыков, оскорбления» угрозу, брань, оскорбление, по-видимому, можно отнести к разряду речевых жанров; игнорирование, дискредитацию, ложь — к речевым стратегиям, а навешивание ярлыков — к речевым приемам. Во-вторых, такие феномены (по сути — речевые жанры), как порицание, упрек, обвинение, насмешка, ссора, жалоба, могут квалифицироваться как речевая агрессия в определенной ситуации и при соответствующем подборе лексических средств. Сами же по себе эти речевые жанры не несут основного содержательного признака речевой агрессии — враждебности.

В литературе, посвященной проблеме речевой агрессии, нет ее общепринятого определения и характеристики разновидностей (см. об этом, например, в работе [Закоян 2008]). Считаю приемлемой вышеприведенную дефиницию речевой агрессии, предложенную Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской, с некоторой ее конкретизацией, в частности с учетом определения понятия агрессии, данного в авторитетных словарях современного русского языка, включающего сему враждебности («открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [Толковый... 2011: 5], «о словах или действиях, выражающих неприязнь, враждебность» [Большой толковый... 1998: 28]). Это определение может быть таким: **речевая / вербальная агрессия — это спонтанное или целенаправленное речевое действие (высказывание), выражающее враждебное (часто — оскорбительное) отношение к какому-либо объекту в широком смысле (лицу, коллективу, народу, социальному институту, стране и т. п.) и имеющее целью нанесение этому объекту того или иного вреда.**

Впрочем, нас интересуют не столько предлагаемые разными авторами дефиниции речевой агрессии, сколько дифференциация ее видов по интенсивности эмоции, деление ее на слабую и сильную. Говоря о том, что виды речевой агрессии можно классифицировать по интенсивности, Ю. В. Щербинина справедливо замечает, что «брань или грубое требование явно более выраженные способы агрессии нежели невежливый отказ или скрытый упрек». К сильной речевой агрессии Щербинина относит

«брань, ругань — особо обидное оскорбление, крайне эмоционально и экспрессивно выраженное прямое порицание; грубое требование, произнесенное в явно повышенном тоне („крик“») [Щербинина 2008: 133]. И дает такие примеры: «Ты дурак! Урод!! Ненормальный!!! Пошел вон отсюда!!!», «Мы же уже де-е-лали это! — Ты чо?! — Заткнись, подонок!!» [Там же].

Однако такие характеристики и иллюстрации сильной речевой агрессии не «схватывают» главного признака того вида речевой агрессии, который мы имеем в виду. А именно такого вида речевой агрессии, который можно назвать **сверхсильной речевой агрессией**, воплощающей такие «категориальные эмоциональные ситуации» (термин В. И. Шаховского), как **ненависть, бешенство, ярость** (см.: [Шаховский http]), **и, главное, такую субъективную модальность, как желание смерти, уничтожения объекта эмоции.**

Цель настоящей статьи — определение содержательных релевантных признаков данного вида речевой агрессии с нахождением для нее подходящего терминологического обозначения; выявление основных языковых средств выражения этого вида речевой агрессии и помещение ее в контекст речевой системности. Достижению этой цели служат прежде всего интенционально-прагматический, лингвоаксиологический и контекстуально-семантический методы анализа, главной задачей которых является вычленение, демонстрация и комментирование тех высказываний и фрагментов текста, которые в совокупности своих контекстуальных связей обуславливают аксиологическую тональность текста в отношении того или иного объекта (мишени — в терминах лингвистики информационно-психологической войны). Это предполагает выявление в тексте (а по мере возможности, в текстах всего дискурса данного автора или источника информации) ключевых идеологем, их сочетаемости в речевой ткани текста, что «способствует выявлению смысловых и этических приращений, отражающих точку зрения автора на те или иные политические события» [Купина 2015]; установлению и описанию лингвоидеологической парадигмы субъекта [Мирошниченко 1995]; его рационально- и эмоционально-оценочных суждений и квалификаций, а также языковых и речевых средств их выражения.

Исследование

Приведем примеры речевой агрессии, которую мы обозначили как сверхсильную.

• *Не существует в природе никаких „русских националистов“. Почему? Да потому,*

что животные не имеют национальности. Русское быдло темное, пьяное, тупое. Свиньи, скот, мразь, говно. Не люди, нет. Недочеловеки. Людьями эти отбросы человечества именоваться недостойны. И вот именно такими населена вся Россия... Россия — это мразь. Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире... (из статьи Б. Стомахина «Мысли вслух». Цит. по: [Неменский 2013: 57]).

• *„Срань господня!“ — совершенно правильно назвали этого „патриарха“ и его банду долгополых солистки „Pussy riot“. Вы мразь и нечисть, ребята в рясах и клобуках. „Православные ублюдки“, — про вас уже вполне можно снять фильм под таким названием, куда там Тарантино!.. <...> Да, ваша „православная церковь“, РПЦ МП (КГБ/ФСБ) — это дрянь, мразь и срань. Ваши попы — подонки, мерзавцы и стукачи. Вся „социальная группа“ черносотенных мракобесов в рясах, да-да. Все, до одного, подонки, — нормальный человек там служить не сможет и не будет. Все ваши „верующие“, у которых постоянно „оскорбляются“ некие „чуйства“, — это такое же дерьмо, генетический мусор, отстой и отбросы цивилизации. Характеризовать „социальную (или какую там?..) группу“ „православные верующие“ в России можно только одним словом: дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо!!!» [Стомахин Б. http].*

• *Ельцин ушел жалко и отвратительно. Сбежал из власти. Ненавидимый, сгнивший, был отторгнут страной, которая всеми своими сословиями молила о его скорейшей смерти, всеми слезами и проклятиями приближала его крах. <...> Страна оттолкнула его, как пушкинский рыбак отталкивает веслом утопленника, и он, разбухший, без глаз, с языком, в который впились раки, пиявки и улитки, поплыл в безвременье, напоминая кусок гнилой мешковины (из статьи А. Проханова «Ельцин погрузился как гнилой топляк». Завтра. 2000. № 1).*

• *...Потому что народ в массе своей — тупой скот. Огромная толпа. Именно поэтому я народ и не люблю. Я люблю людей. И великое счастье и одновременно заслуга глобализма состоит в том, что он убивает народ, как феномен. Расстаскивает его. Атомизирует. Не будет в грядущем этих тупых узколобых големов, на которых молятся и которыми клянутся политики (фрагмент текста Александра Никонова. Цит. по: [Чумаков http]).*

Главной особенностью и эмоционально-смысловым ядром этих и подобных им тек-

стов является яростная ненависть и презрение к объекту эмоциональной оценки; желание (в перспективе или ретроспективе) его полного уничтожения, ликвидации, исчезновения. Этим текстам свойственно множественное, конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе (факультативно) разнообразной инвективной лексики и фразеологии, в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. Так, например, в первом фрагменте мы последовательно обнаруживаем прием диалогизации монолога (*Не существует в природе никаких „русских националистов“. Почему? Да потому...*); зооморфную метафору, или прием бестиализации (*...животные не имеют национальности*); словесный ярлык инвективного типа и цепочку инверсированных отрицательно-оценочных эпитетов (*Русское быдло темное, пьяное, тупое*); нагнетание инвективных предикатов в неполном бесподлежащем предложении (*Свиньи, скот, мразь, говно*); редупликацию отрицания в сочетании с плеоназмом и политическим ярлыком (*Не люди, нет. Недочеловеки. Людями эти отбросы человечества именоваться недостойны*); гиперболу (*И вот именно такими населена вся Россия...*); инвективный предикат (*Россия — это мразь*); итоговое оценочное суждение в форме речевого жанра «вердикт» категорической тональности (*Её полному уничтожению нет никакой разумной альтернативы в нашем мире...*).

Рассматриваемый здесь феномен сверхсильной речевой агрессии ассоциируется с теорией злокачественной агрессии — некрофилии — Эриха Фромма, изложенной им в книге «Анатомия человеческой деструктивности» [Фромм 1998]. По Э. Фромму, есть два вида некрофилии: «во-первых, имеется в виду сексуальная некрофилия (страсть к совоплощению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии», которую «можно определить как *страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это **страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это **страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей*****» (курсив Э. Фромма. — А. С.) [Фромм 1998: 437, 435].

Весьма примечательно, что Э. Фромм упоминает о наличии некрофильского языка:

«Прямым проявлением речевой некрофилии является преимущественное употребление слов, связанных с разрушением или экскрементами» [Там же: 446]. Цитированные выше тексты служат убедительной иллюстрацией некрофильского языка — явления, для обозначения которого мы предлагаем термин **лингвонекрофилия**. Лингвонекрофилию мы можем обнаружить не только в отдельных текстовых фрагментах, но и в целых текстах большого формата. Иллюстрацией может служить книга А. Г. Невзорова «Отставка господ бога. Зачем России православие?» [Невзоров 2015]. В этой книге автор делает мишенью своих злобных нападок многое из того, что особенно дорого для русского человека. Это прежде всего православие, русская ментальность и те выдающиеся страницы истории русского народа и те наши соотечественники, которые являются предметом национальной гордости; национальные традиции и патриотизм; русская классическая литература; российская государственность, так называемая русская идея и т. д. В совокупности, взятые как целое, эти словесные атаки Невзорова создают «полноценный» лингвонекрофильский продукт — книгу. Взятые же по отдельности, представляют собой некий предуготовительный «полуфабрикат» — высказывания, основными модальностями которых выступают циничное глумление и сарказм, направленные на дискредитацию и/или десакрализацию мишени. Вот несколько примеров:

- *Суворова, как и прочие архаичные комиксы, вроде радонежских, невских, пересветов, пожарских, кутузовых и пр., надо было бы оставить историкам, которые умеют с ними обращаться бережно и аккуратно, пользуясь пинцетом, в резиновых перчатках (с. 58);*

- *Единственное, что не вполне ясно из этого закона, — так это судьба самого бога: встанет ли он швейцаром к думским дверям или депутаты отделаются от него талонами на двукратное посещение своей столовой (с. 89);*

- *А по меркам и классической, и современной психологии 75 % святых христианской церкви подлежат немедленной госпитализации и принудительному лечению аминазином и галоперидолом с доведением дозы до 30 мг в сутки (с. 164);*

- *Как сказал классик, духовность — это газ, который выделяют попы из разных бородатых отверстий (с. 176).*

Анализ книги Невзорова свидетельствует также о том, что для лингвонекрофильского текста не обязательно употребление инвектив, обцензизмов, жаргонизмов, грубо-

го просторечия. Лингвонекрофильский эффект может создаваться и достигать высоких степеней накала путем использования лживых, предельно циничных и кощунственных высказываний, грубо нарушающих этическую норму. Эта особенность невзоровской лингвонекрофилии (без использования этого термина) замечена журналистами. Так, Анатолий Макаров в статье «Братья по глумлению» пишет: «О власти, надо сказать, повсюду не принято отзываться с особым почтением. Но „сверхчеловек“ Невзоров плюет и в то заветное, что теплится даже в очерстевшей душе. Достоевский — макулатура, концерт в Пальмире — пытка виолончелью, Родина — что ею дорожить, просто дрянь. Понимаю: это подло кощунственный стёб, но ведь не легкомысленный, а заранее обдуманый, как тщательно подготовленная террористическая акция» (Литературная газета. 2016. № 30). А писатель А. А. Проханов, рассуждая в статье «Крымское солнечное затмение» о причинах внутреннего бунта человека, замечает: «...в человеке разверзается бездна, о которой писал Достоевский. В этом страшном подполье начинает плодиться зло, в человеке рождается Невзоров, в человеке происходит расчеловечивание» (Завтра. 2018. № 31). Так к характеристике признаков лингвонекрофилии прибавляются цинизм и глумление.

Отсутствие в лингвонекрофильских текстах «крепких выражений» типа обценнизмов, бранных выражений, грубых жаргонизмов и просторечий восполняется целым рядом приемов, из которых наиболее очевидным представляется постановка дискредитируемого слова-понятия в один ряд с названиями категорически отвергаемых социумом явлений. Например: *Гомофобия, православие, нацизм, путинизм — боюсь, эти пороки уничтожат Россию...* [Ivanism 2011]; *Гомофобия — преступление против человечности, наряду с расизмом, антисемитизмом и фашизмом. Источник гомофобии — мракобесие церковников. В современных условиях — это Православие* [Леонов И.] (примеры взяты отсюда: [Копни-на 2017: 209]).

Итак, сформулируем предварительное определение-характеристику понятия «лингвонекрофилия»: **это такая разновидность речевой (вербальной, словесной) агрессии, для которой характерна интенция морального и/или физического уничтожения объекта негативации, сопровождаемая эмоциями враждебности, ненависти и презрения; реализуемая в модальностях цинизма, глумления, кощунства, сарказма, клеветы, очернения, уничтоже-**

ния; тяготеющая к воплощению в некоторых речевых и литературных жанрах (например, в речевом жанре проклятия и литературном жанре памфлета) и в совокупности этих признаков результирующая текстом с запредельным нарушением этической нормы.

Обращение к феномену лингвонекрофилии заставляет вспомнить мысль, высказанную Н. А. Бердяевым более ста лет тому назад, которая звучит достаточно актуально и в наше время: «Раздор и вражда растут с каждым годом, теряется общий язык и всякая возможность взаимного понимания. Революционному отщепенству все люди другого, враждебного им круга представляются иной расой, низшей породой, относительно которой существует другая этика, чем та, которая действует в их кругу. Совершенно так же реакционному отщепенству все люди другого, враждебного им круга представляются иной расой, относительно которой все дозволено. Теряется не только сознание национального единства, но и сознание единства человеческого» [Бердяев 1998: 92]. Недаром утверждают, что «информацией (облаченным в необходимый образ или форму словом) действительно можно убить. Или фактически оздоровить, рекреационировать человека» [Илющенко 2019]. И не так уж неправ Н. Д. Голев, когда заявляет, что, хотя выражение «слово убивает» пока воспринимается как метафора, но пора подумать и о юридической квалификации подобных речевых действий [Голев [http](http://)].

Теперь обратимся к другой стороне рассматриваемого явления. Э. Фромм противопоставляет некрофилии *биофилию*, под которой понимается «страстная любовь к жизни и ко всему живому; это желание способствовать развитию, росту и расцвету любых форм жизни, будь то растение, животное или идея, социальная группа или отдельный человек. Человек с установкой на биофилию <...> стремится творить, формировать, конструировать и проявлять себя в жизни своим примером, умом и любовью...» [Фромм 1998: 481]. Полагаю, что выделение биофилии, с точки зрения идеи системности, дает основание по аналогии с лингвонекрофилией говорить также о *лингвобиофилии*, которая, по-видимому, не столь характерна для текстов российского публичного дискурса, как лингвонекрофилия, но обнаруживается не только в русской поэзии и художественной прозе, но и в публицистике. Приведу несколько примеров стилистики лингвобиофилии из публицистики Александра Проханова:

• *Умер Фидель Кастро. Но он не умер. Умерла его утомленная, прожившая столь-*

ко лет на земле плоть, а его ослепительный дух бессмертен. Он вырвался из плоти и продолжает сверкать над нами, как путеводная звезда. Герои не умирают. Фидель Кастро — герой. Герой в самом классическом, в античном смысле. Это герой, ополчившийся на космическое зло, на космическую тьму. Это он, штурмуя казармы Монкада, кинулся в схватку с драконом, ринулся на бой со змеем. Он разрубил змея на части, зашвырнул змея в океан, где тот сгинул в пучине. <...> Сегодня Фидель, носитель божественной мечты, дает нам надежду. Мы знаем, что эта мечта реет совсем близко от нас, всматривается в каждого из нас, ищет среди нас того героя, в кого она вселится. Душа Фиделя вселится в этого героя, душа Фиделя вселится в этого нового человека. Смерть Фиделя — это форма его бессмертия. Он говорил: „Родина или смерть!“ Смерть минует, Родина восторжествует [Проханов 2016].

- Смерть Чавеса вспыхнула над миром радугой его бессмертия. Он появился из магмы латиноамериканского континента. Он — слиток, родившийся из огненного вулкана. Он — индеец, в чьих жилах бушует наследие ацтеков и инков. Он — потомок испанских конкистадоров, вонзивших в Латинскую Америку свой окровавленный меч, воздевших над американским континентом свой католический крест. Он — социалист, тот красный пассионарий, который полтора века сражается за народ, отрицая жестокую несправедливость мира. <...> Смерть Чавеса — горе миллиардов. Мир рыдает, провожая гроб, в котором покоится великий десантник. Мир не хочет расставаться с Чавесом, а желает видеть его вечно, помещенным в стеклянный саркофаг. Народ на руках вносит Чавеса в историю. <...> Вот путь для народного вождя и героя. Вот доля десантника, которого сбросил на землю с небес Господь Бог (Завтра. 2013. № 11).

- С каждым годом Победа обретает все больше черт великого религиозного праздника, который соразмерен с Пасхой и Рождеством Христовым. <...> Война советского народа против фашистской Германии сорок первого — сорок пятого годов — это явление Христа на землю. Это второе Его Пришествие, когда Он встал среди русских полей и лесов. Облачился в форму пехотинцев и летчиков. Мчался в горящих танках и стреляющих кораблях. Те, кто падал, пробитый железом под Сталинградом и Курском, кого мучали в застенках и сжигали в пылающих избах, кто умирал в голодных обмороках у стен Адмиралтейства и Эр-

митажа — все это был Христос, что сражался с сатанинской тьмой. Победа сорок пятого года — это красная Пасха, делающая советский период русской истории величайшим мессианским периодом... (Завтра. 2013. № 20).

Стилистика лингвобиофилии в значительной степени зеркально повторяет стилистику лингвонекрофилии, но с противоположными эмоционально-оценочными значениями языковых и речевых единиц. Главной особенностью и эмоционально-смысловым ядром таких текстов является интенция горячей, часто восторженной, доходящей до сакрализации, любви к объекту эмоциональной оценки; желание (в перспективе или ретроспективе) его вечного существования, хотя бы в благодарной памяти людей. Этим текстам также свойственно множественное, конвергентное использование экспрессивных языковых средств и приемов, в том числе разнообразной мелиоративной лексики и фразеологии в разных синтаксических позициях, чаще всего в позициях определения и предиката. Так, например, в первом фрагменте из приведенных выше трех последовательно обнаруживаются прием псевдо-противоречия в сочетании с антитезой эпитетов и оценочных предикатов (*Умер Фидель Кастро, но он не умер. Умерла его утомленная, прожившая столько лет на земле плоть, а его ослепительный дух бессмертен*); персонификация в сочетании с образным аллюзивным сравнением (*Он вырвался из плоти и продолжает сверкать над нами, как путеводная звезда*); экспрессивный (интенсифицирующий) лексический повтор оценочного предиката в конструкции анадиплосиса (*Фидель Кастро — герой. Герой в самом классическом, в античном смысле. Это герой...*); гипербола в сочетании с плеоназмом (*Это герой, ополчившийся на космическое зло, на космическую тьму*); развернутая метафора-иносказание, стилизованная под фольклор (*Это он, штурмуя казармы Монкада, кинулся в схватку с драконом, ринулся на бой со змеем. Он разрубил змея на части, зашвырнул змея в океан, где тот сгинул в пучине*); эмоционально-оценочный эпитет (*божественной мечты*); развернутая персонификация с частичным синтаксическим параллелизмом и экспрессивной тавтологией (*Мы знаем, что эта мечта реет совсем близко от нас, всматривается в каждого из нас, ищет среди нас того героя, в кого она вселится. Душа Фиделя вселится в этого героя, душа Фиделя вселится в этого нового человека*); парадокс (*Смерть Фиделя — это форма его бессмертия*); экспрессивная цитата, став-

шая фразеологизмом (*Он говорил: „Родина или смерть!“*); изоколон (полный синтаксический параллелизм) в сочетании с рифмой (*Смерть минует, Родина восторжествует*).

Предлагаем следующую рабочую дефиницию лингвобиофилии: **это такая разновидность речевой (вербальной, словесной) позитивации (эмоционально-позитивирующего контекста), для которой характерна основная интенция гипертрофированной хвалы объекта, реализующаяся в модальностях восторженного превознесения, поклонения, сакрализации, обожествления; тяготеющая к воплощению в некоторых речевых и литературных жанрах (например, в речевых жанрах восхваления, славословия (дифирамба) и литературных жанрах панегирика, оды и т. п.).**

Этическая квалификация лингвобиофилии зависит от соответствия или несоответствия ее пафоса объекту позитивации. В этой связи заметим, что тексты, написанные в стилистике лингвобиофилии, могут быть и неэтичными, и манипулятивными. Покажем это на примере книги К. М. Александрова «Мифы о генерале Власове» (М.: «Посев», 2010. 256 с.), написанной с явной целью обелить предательское поведение генерал-лейтенанта А. А. Власова в немецком плену, ставшего орудием немецко-фашистских агрессоров в войне против тогдашней России — СССР: по его инициативе была создана из советских пленных солдат и офицеров так называемая Русская освободительная армия (РОА), которую он и возглавил и которая воевала вместе с немецкими фашистами против Красной армии.

Книга представляет собой сплошную апологетику генерала Власова: все обвинения, предъявляемые генералу исследователями его биографии, или отрицаются путем переинтерпретации фактов, или, в случае невозможности их отрицания (например, двоеженство и развратность генерала), объявляются простительными по принципу «не он один, все так делали». Для создания положительного, даже обаятельного облика Власова многократно приводятся хвалебные отзывы его воинских советских начальников и немцев, с которыми он имел дело в плену; даже отзывы его односельчан. В качестве примера приведу опубликованный в книге фрагмент воспоминаний Валентины Карбаевой, его родственницы: «Мы все очень любили Андрея Андреевича. До войны он почти каждый год приезжал в Ломакино. Помню, шел он по селу такой высокий, широкоплечий. Подходил к маме и спрашивал: „Ну что, Дуня, поедem в Гагино, ребятишкам чего-

нибудь купим“. Своих детей у него не было, вот он и баловал нас... Хоть и в высших чинах был, а не чурался общаться с односельчанами. Каждый его приезд был событием для села. По вечерам выступал в клубе, рассказывал о том, что творится в мире. Не боялся и крестьянской работы. Он все умел: и косить, и пахать. К нему во время отпуска любой односельчанин мог подойти за помощью в хозяйстве — он никому не отказывал. А как он умел петь?! Всегда возил с собой гармонь, на которой исполнял русские народные песни» [Александров 2010: 32].

Читают такое наивные люди и думают: «А ведь правда, какой приятный, симпатичный человек!» Ненаивные тоже начинают колебаться в оценках, так как книга насыщена позитивной информацией со ссылками на документы и конкретных свидетелей. Это делает концепцию автора книги убедительной и, вполне возможно, частично соответствующей действительности. **Однако не следует забывать главного! Суть дела все же в том, что, какими бы достоинствами ни обладал генерал-лейтенант А. А. Власов, это не отменяет главного: он изменил Родине. Причем в очень трудный и опасный для нее час. И нанес ей своим предательством большой вред. И тексты, подобные рассматриваемому, тоже приносят вред, так как способствуют разрушению ценностной матрицы нашего народа.**

Выводы

Основной вывод из всего сказанного таков. Если под речевой системностью понимать взаимосвязь и взаимообусловленность языковых и речевых единиц, участвующих в создании текста, в том числе составляющих смысловые и стилистические оппозиции, то следует признать одним из проявлений этой системности существование и функционирование семантико-стилистической оппозиции «лингвонекрофилия — лингвобиофилия». Причем стилистика текстов, демонстрирующих лингвонекрофилию и лингвобиофилию, аксиологически резко противоположна, а со стороны типологии языковых средств в значительной степени изоморфна. Речевая системность в данном случае проявляется также в том, что противопоставлению лингвонекрофилии и лингвобиофилии аксиологически соответствуют некоторые жанровые оппозиции, например, оппозиция речевых жанров проклятия и восхваления и литературных жанров памфлета и панегирика.

Напрашивается также вывод об опасности для любого социума лингвонекрофилии, а при определенных экстралингвистических

условиях и лингвобиофилии (например, в случае восхваления, рекламы этически недостойного или опасного для благополучия и даже жизни людей объекта); о необходимости выявления и ликвидации социальных причин такой опасности. Но это уже проблема, лежащая в значительной степени за пределами лингвистики.

ИСТОЧНИКИ

1. Александров К. М. Мифы о генерале Власове. — М. : Посев, 2010. — 256 с.
2. Невзоров А. Г. Отставка господ бога. Зачем России православие? М. : Эксмо, 2015. 224 с.
3. Проханов А. Гений мечты [Электронный ресурс] // Известия. 2016. 26 нояб. URL: <https://iz.ru/NEWS/647788#IXZZARIAQOUWH>.
4. Стомахин Б. Срань господня! [Электронный ресурс] // Livejournal. 2012. 24 июн. URL: <https://rights-freedom.livejournal.com/361381.html>.
5. Чумаков В. Портрет либерала [Электронный ресурс] // Конт. 2017. 8 февр. URL: <https://cont.ws/@vitalchuk/517376> (дата обращения: 03.01.2019).

ЛИТЕРАТУРА

6. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции [Электронный ресурс] : сб. ст. — СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1998. С. 9—300. URL: <https://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/91044-duhovnyy-krizis-intelligencii/> (дата обращения: 03.01.2019).
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
8. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83—86.
9. Голев Н. Д. Юрислингвистика в социальном пространстве современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z33.html> (дата обращения: 03.01.2019).
10. Гордеев Д. И. Способы вербализации агрессии (на материале русскоговорящих анонимных форумов) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. Вып. 1. С. 175—181.
11. Завьялова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи : энцикл. слов.-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.] — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 562—564.
12. Закоян Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований // Вестн. РУДН. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». 2008. № 2. С. 46—51.
13. Илющенко Роман. Человек — существо информационное [Электронный ресурс] // Русская народная линия. 15.01.2019. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/01/15/che_lovek_suwestvo_informacionnoe/ (дата обращения: 03.01.2019).
14. Кислица В. В. Изучение вербальной агрессии подростков в образовательном учреждении [Электронный ресурс] //

Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1023—1027. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29069/> (дата обращения: 05.01.2019).

15. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.
16. Купина Н. А. Русская идея в контексте современности: «Бесы» Достоевского и аксиологические суждения Бердяева // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 31—37.
17. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс]. — Ростов н/Д, 1995. 112 с. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshni_chenko/tech/1/ (дата обращения: 23.01.2018).
18. Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26—65.
19. Паремузашвили Э. Э. Речевая агрессия в непрямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. 24 с.
20. Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2011. 160 с.
21. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия [Электронный ресурс]. URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170.html> (дата обращения: 03.01.2019).
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
23. Трошева Т. Б. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 340—343.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М. : АСТ — ЛТД, 1998. 672 с.
25. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : моногр. — Волгоград : Изд. ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
26. Шаховский В. И. Медийная неэкологичность как способ / средство диффамации адресата // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский ; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, ред. кол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. — Волгоград : Перемена, 2013. С. 302—317.
27. Шаховский В. И. Эмоциональная толерантность в межперсональном речевом общении [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/mBTgcz> (дата обращения: 04.01.2019).
28. Щербаков А. В. Речевая агрессия // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) [Электронный ресурс] : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова ; члены редколлегии: Г. А. Копнина, Л. В. Куликова, О. В. Фельде, Б. Я. Шарифуллин, М. А. Южанникова. 2-е изд., перераб. и доп. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.
29. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 360 с.

A. P. Skovorodnikov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0171-596x 

 E-mail: skapnat@mail.ru.

On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode

ABSTRACT. *The article deals with the issue of differentiation of speech aggression by the degree of its intensity. It demonstrates the fact that not all varieties of speech / language aggression differing in the degree of emotional tonality are reflected and terminologically denoted in the studies devoted to this phenomenon, and specifically in the definitions suggested by different authors. The author considers such type of speech aggression which represents the extreme degree of negative emotionality and is characterized by hatred towards the object of evaluation and the desire for their physical and / or moral destruction. The author suggests denoting this phenomenon with the term “linguonecrophilia”. It is also noted that due to speech consistency, there exists a phenomenon, opposite to linguonecrophilia. It emerges as the axiological manifestation of*

the former and denotes a phenomenon of the highest degree of positive, enthusiastic sacralizing evaluation which may be denoted with the term “linguobiophilia”. The consistency of speech axiology is also manifested in the fact that some genres are isomorphic to the linguonecrophilia and linguobiophilia, for instance the speech genres of curses and hymns (dithyramb) and the literary genres of pamphlet and panegyric. The texts created in the style of linguonecrophilia and linguobiophilia are characterized by the convergent use of expressive language tools and techniques, including diverse pejorative and ameliorative vocabulary and phraseology in different syntactic positions, most often in those of an attribute and the predicate. As a result, the definitions of linguonecrophilia and linguobiophilia are formulated, and a conclusion is drawn about the danger of linguonecrophilia for the society, as well as of linguobiophilia – under certain extralinguistic conditions. Another conclusion is about the need to identify and eliminate the social causes of this danger.

KEYWORDS: *speech aggression; speech behavior; extreme emotionality; negative emotionality; positive emotionality; linguonecrophilia; linguobiophilia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Skovorodnikov Aleksandr Petrovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Skovorodnikov, A. P. On the Extreme Speech Aggression and Its Modal Antipode / A. P. Skovorodnikov // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 12-21. — DOI 10.26170/pl19-03-01.*

MATERIALS

1. Aleksandrov K. M. Myths about General Vlasov. — Moscow : Sowing, 2010. — 256 p. [Mify o generale Vlasove. — M. : Posev, 2010. — 256 s.]. — (In Rus.)
2. Nevzorov A. G. The Resignation of God. Why does Russia Need Orthodoxy? — Moscow : Eksmo, 2015. 224 p. [Ostavka gospoda boga. Zachem Rossii pravoslavie? M. : Eksmo, 2015. 224 s.]. — (In Rus.)
3. Prokhanov A. The Genius of a Dream [Electronic resource] // News. 2016. 26 Nov. [Geniy mechty // Izvestiya. 2016. 26 noy-ab.]. URL: <https://iz.ru/NEWS/647788#IXZZ4RIAQOUWH>.
4. Stomakhin B. Holy shit! [Electronic resource] // Livejournal. 2012. 24 Jun. [Sran' gospodnya! // Livejournal. 2012. 24 iyun.]. URL: <https://rights-freedom.livejournal.com/361381.html>. — (In Rus.)
5. Chumakov V. Portrait of a Liberal [Electronic resource] // Cont. 2017. 8 Feb. [Portret liberala // Kont. 2017. 8 fevr.]. URL: <https://cont.ws/@vitalchuk/517376> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

6. Berdyaev N. A. The Spiritual Crisis of the Intellectuals [Electronic resource] : collection of articles. — Saint Petersburg : Typography of Comrade “Public Benefit”, 1998. P. 9—300. [Dukhovnyy krizis intelligentsii : sb. st. — SPb. : Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1998. S. 9—300]. URL: <https://predanie.ru/berdyaev-nikolay-aleksandrovich/book/91044-duhovnyy-krizis-intelligentsii/> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
7. Big Dictionary of the Russian Language / comp. and chief ed. S. A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : Norint, 1998. 1536 p. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998. 1536 s.]. — (In Rus.)
8. Vorontsova T. A. Speech Aggression in the Communicative-discursive Paradigm // Proceedings of VSU. Ser.: Linguistics and intercultural communication. 2006. No. 1. P. 83—86. [Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoy paradigme // Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. № 1. S. 83—86]. — (In Rus.)
9. Golev N. D. Legal Profession in the Social Space of Modern Russia [Electronic resource]. [Yurislingvistika v sotsial'nom prostranstve sovremennoy Rossii]. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z33.html> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
10. Gordeev D. I. Methods of Verbalization of Aggression (on the Material of Russian-Speaking Anonymous Forums) // Computational Linguistics and Computational Ontologies. 2017. Vol. 1. P. 175—181. [Sposoby verbalizatsii agressii (na materiale russkogovoryashchikh anonimnykh forumov) // Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. 2017. Vyp. 1. S. 175—181]. — (In Rus.)
11. Zav'yalova O. N. Speech (Linguistic, Verbal) Aggression // Culture of Russian Speech: Encycl. dictionary / ed. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva [et al.]. — Moscow : Flinta : Science, 2003. P. 562—564. [Rechevaya (yazykovaya, verbal'naya) agressiya // Kul'tura russkoy rechi : entsikl. slov.-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryayeva [i dr.]. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 562—564]. — (In Rus.)
12. Zakoyan L. M. Speech Aggression as a Subject of Linguistic Scientific Research // Proceedings of RUDN. Ser. “Education

issues: languages and specialty”. 2008. No. 2. P. 46—51. [Rechevaya agressiya kak predmet lingvisticheskikh nauchnykh issledovaniy // Vestn. RUDN. Ser. «Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'». 2008. № 2. S. 46—51]. — (In Rus.)

13. Ilyushchenko Roman. Man is a Creature of Information [Electronic resource] // Russian folk line. 15.01.2019. [Chelovek — sushchestvo informatsionnoe // Russkaya narodnaya liniya. 15.01. 2019]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2019/01/15/chelovek_suwestvo_informatsionnoe/ (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

14. Kisliitsa V. V. Study of Verbal Aggression of Adolescents in an Educational Institution [Electronic resource] // Young Scientist. 2016. No. 9. P. 1023—1027. [Izucheniye verbal'noy agressii podrostkov v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Elektronnyy resurs] // Molodoy uchenyy. 2016. № 9. S. 1023—1027]. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29069/> (date of access: 05.01.2019). — (In Rus.)

15. Kopnina G. A. Speech Tactics and Methods of Discrediting Orthodoxy in the Modern Information-psychological War (on the Material of Internet Texts) // Political Linguistics. 2017. No. 5 (65). P. 206—216. [Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 206—216]. — (In Rus.)

16. Kupina N. A. Russian Idea in the Context of Modernity: Dostoevsky's «Demons» and Berdyaev's Axiological Assertions // Political Linguistics. 2015. No 2 (52). P. 31—37. [Russkaya ideya v kontekste sovremenosti: «Besy» Dostoevskogo i aksiologicheskie suzhdeniya Berdyaeva // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 31—37]. — (In Rus.)

17. Miroshnichenko A. A. Interpretation of Speech. Basics of Linguistic and Ideological Analysis [Electronic resource]. — Rostov on Don, 1995. 112 p. [Tolkovanie rechi. Osnovy lingvoideologicheskogo analiza. — Rostov n/D, 1995. 112 s.]. URL: http://www.kazhdy.ru/andrey_miroshnichenko/rech/1/ (date of access: 23.01.2018). — (In Rus.)

18. Nemenskiy O. B. Russophobia as an Ideology // Questions of Nationalism. 2013. No. 13. P. 26—65. [Rusofobiya kak ideologiya // Voprosy natsionalizma. 2013. № 13. S. 26—65]. — (In Rus.)

19. Paremuzashvili E. E. Speech Aggression in Indirect Communication (on the Material of Russian Classical and Modern Literature) : synopsis of thesis ... Cand. of Philol. Sciences. — Moscow, 2013. 24 p. [Rechevaya agressiya v nepryamoy kommunikatsii (na materiale russkoy klassicheskoy i sovremennoy literatury) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2013. 24 s.]. — (In Rus.)

20. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Language of Modern Media: Means of Verbal Aggression : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2011. 160 p. [Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2011. 160 s.]. — (In Rus.)

21. Sedov K. F. Aggression as a Type of Speech Influence [Electronic resource]. [Agressiya kak vid rechevogo vozdeystviya]. URL: <http://gigabaza.ru/doc/100170.html> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)

22. Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words / RAS, Inst.

of Rus. lang. named after V. V. Vinogradov ; resp. ed. N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 2011. 1175 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova ; otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2011. 1175 s.]. — (In Rus.)

23. Trosheva T. B. Speech Aggression // Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language / ed. M. N. Kozhina ; Editorial Board members: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. — Moscow : Flinta : Science, 2003. P. 340—343. [Rechevaya agressiya // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy ; chleny redkollegii: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 340—343]. — (In Rus.)

24. Fromm E. Anatomy of Human Destructiveness. — Moscow : AST — LTD, 1998. 672 p. [Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M. : AST — LTD, 1998. 672 s.]. — (In Rus.)

25. Shakhovskiy V. I. Ecological Dissonance in the Communication Circle: People, Language, Emotions : monograph. — Volgograd : Ed. Polikarpov I. L., 2016. 504 p. [Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krughe: chelovek, yazyk, emotsii : monogr. — Volgograd : Izd. IP Polikarpov I. L., 2016. 504 s.]. — (In Rus.)

26. Shakhovskiy V. I. Media Non-environmental Friendliness as a Method / Means of Defamation of the Addressee // Emotive linguoecology in the Modern Communicative Space : collective monogr. / scientific ed. prof. V. I. Shakhovskiy ; resp. ed. prof.

N. N. Panchenko, ed. col. : Ya. A. Volkova, A. A. Shteba, N. I. Korobkina. — Volgograd : Peremena, 2013. P. 302—317. [Mediynaya neekologichnost' kak sposob / sredstvo diffamatsii adresata // Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. monogr. / nauch. red. prof. V. I. Shakhovskiy ; otv. red. prof. N. N. Panchenko, red. kol.: Ya. A. Volkova, A. A. Shteba, N. I. Korobkina. — Volgograd : Peremena, 2013. S. 302—317]. — (In Rus.)

27. Shakhovskiy V. I. Emotional Tolerance in Interpersonal Speech Communication [Electronic resource]. [Emotsional'naya tolerantnost' v mezhpersonal'nom rechevom obshchenii]. URL: <https://goo.gl/mBTgcz> (date of access: 04.01.2019). — (In Rus.)

28. Shcherbakov A. V. Speech Aggression // Effective Speech Communication (Basic Competences) [Electronic resource]: Dictionary-reference book / ed. A.P. Skovorodnikova ; Editorial Board members: G. A. Koptina, L. V. Kulikova, O. V. Felde, B. Ya. Sharifullin, M. A. Yuzhannikova. 2nd ed., changed and add. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2014. 852 p. [Rechevaya agressiya // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slovar'-spravochnik / pod red. A. P. Skovorodnikova ; chleny redkollegii: G. A. Koptina, L. V. Kulikova, O. V. Fel'de, B. Ya. Sharifullin, M. A. Yuzhannikova. 2-e izd., pererab. i dop. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2014. 852 s.]. — (In Rus.)

29. Shcherbinina Yu. V. Verbal Aggression. 2nd ed. — Moscow : Publ. House of LKI, 2008. 360 p. [Verbal'naya agressiya. Izd. 2-e. — M. : Izd-vo LKI, 2008. 360 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ


УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI 10.26170/pl19-03-02


ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

О. А. Гаврикова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3801-9159 

 *E-mail*: olesia.gavrikova@mail.ru.

Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена очень важной проблематике — кликбейтингу в СМИ, обладающему большим потенциалом в контроле внимания читателя, дозированного управления информацией и конструирования нарративного пространства. Актуальность данного исследования обусловлена масштабным расстройством в СМИ разнообразных явлений, представляющих собой ответ на вызовы современности, в частности, смещения фокуса повествования и появления новых форм представления информации. Цель работы — рассмотреть феномен кликбейтинга в связи с феноменами постправды, фейковых новостей и ложного нарратива как их материальное воплощение, как инструмент их реализации, форму существования. Кликбейтом именуют 1) новостные заголовки, апеллирующие к любопытству читателя, 2) контент, цель которого — заманить читателя на необходимую страницу, 3) контент, благодаря которому повышается трафик посещения какой-либо страницы, 4) средство продвижения контента в соцсетях. На примере кликбейт-заголовков онлайн-издания «The Guardian» показано, что в процессе создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе кликбейт выполняет связующую, аттрактивную и направляющую функции. Такие свойства кликбейта, как сенсационность, яркость и эффективность в привлечении внимания сделали его популярным инструментом манипулирования сознанием читателей. Тем не менее в работе ставится вопрос о двойственной природе кликбейта, служащего прежде всего в качестве средства выделения материала из общего информационного потока. Источники, цитируемые в настоящей статье, отражают современный взгляд на исследуемую проблему не только в отечественной, но и в зарубежной лингвистике, что дает более полное представление о степени разработанности темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; кликбейтинг; постправда; ложная информация; фейковые новости.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврикова Олеся Анатольевна, аспирант, кафедра лингводидактики и переводоведения, факультет романо-германской филологии, Башкирский государственный университет; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: olesia.gavrikova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврикова, О. А. Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе / О. А. Гаврикова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 22-30. — DOI 10.26170/pl19-03-02.

Тяга к познанию окружающего мира заложена в человеке самой природой. В этой фразе нет ничего нового и сенсационного. Она, скорее всего, даже банальна. Однако следует учесть тот факт, что в век информационных технологий внимание общества сфокусировано на им же создаваемых явлениях, которые порой выходят из-под контроля. Таковым является Интернет — некогда искусственно созданная площадка для накопления и распространения знаний, со временем ставшая альтернативной нашему миру реальностью. «Каждый человек моделирует „свой Интернет“, создает собственное информационное поле, структурирует пространство в Сети, доставая из глубин Интернета то, что интересно, полезно, необходимо» [Горина 2014: 174]. Потребитель информации «имеет возможность выбирать, принимать решения, искать, настраивать, подписываться или отписываться, комментировать и, самое главное, писать, говорить

и снимать» [Ориуэла 2017]. Но именно ввиду этого достоинства Интернета и следует относиться ко всему «происходящему» там со здоровой долей скептицизма. Нельзя недооценивать его мощь, его способность управлять массовым сознанием с помощью дарованных ему самим человеком инструментов.

Всевозможные форумы, сообщества, социальные сети, площадки для дискуссий и обмена информацией играют не последнюю роль в формировании картины мира пользователей Сети, общая численность которых в 2019 г. достигла отметки в 4,39 млрд человек [Сергеева 2019]. Но самым влиятельным и авторитетным источником знаний об окружающей действительности по-прежнему остаются средства массовой информации (СМИ). «Медиа стали тем контекстом, где обретают свои культурно-идеологические формы все социальные процессы, где получают содержательную разработку все формы социальной мысли, где вызревает пере-

© Гаврикова О. А., 2019

живаемое и закрепляемое в сознании людей в виде поведенческих и нравственно-эстетических эталонов знание о мире, о текущей жизни и о самом себе» [Полонский 2018: 233]. Рассуждая о возросшей роли новых медиа, исследователь А. Ю. Суворова справедливо замечает, что «реальные действия и события становятся значимыми лишь в том случае, когда они представлены в масс-медиа». В то же время медиареальность, конструируемая СМИ и субъективная в силу своей природы, воспринимается аудиторией как объективная [Суворова 2017: 71]. Данное явление получило название «медиатизация» [Клушина 2014; Шмелева 2015 и др.]. «О медиа(тиза)ции всего» (2017) пишет в своей статье профессор социальной психологии С. Ливингстон, утверждая, что исследование процессов, происходящих в окружающем мире, в частности политических, невозможно без учета специфики деятельности СМИ [Ливингстон 2017]. Не менее популярным для обозначения описываемого процесса стал и термин «медиакратия»: в рамках одноименной теории СМИ рассматриваются не только как посредник между властью и народом, но и как сила, достаточная для преобразования самой действительности.

Все больше современных исследователей массмедиа пишут о смене парадигмы в данной области. Главной задачей СМИ стала не достоверная передача фактов действительности, а их интерпретация с учетом интересов аудитории. Произошла переоценка приоритетов и установок СМИ, изменилось отношение к основным элементам системы распространения общественно значимой информации: «...пользователь — часть коммуникационного процесса, контент — личность медиа, мультимедиа — новый универсальный язык, здесь и сейчас — единственное доступное время, гипертекст — новая грамматика, знания — новая информация» [Ориуэла 2017]. Главный фокус повествования сместился с автора и текста на адресата. Происходит его «конкретизация»: медиатексты пишутся не для абстрактной аудитории, а для людей с определенными возрастными, гендерными, культурно-образовательными и профессиональными характеристиками, что существенно «дополняет понятие „фактор адресата“ и столь же существенно меняет содержание понятия „фактор адресанта“» [Синельникова 2014: 254].

В своих работах, посвященных исследованию медиатекстов и создаваемой ими реальности, А. В. Полонский пишет о возникновении ангажированной коммуникации как процессе общения, целью которого «являет-

ся не обмен информацией, а формирование во „встречном сознании“ комплекса установок, вовлекающих его в долгосрочный, ресурсообразующий информационный проект, который мотивирован потребностью определенного социального субъекта» [Полонский 2016: 69]. Он указывает на тот факт, что в современном мире информация наделена особым статусом важнейшего общественного ресурса. Не последнюю роль в этом сыграла установка на креативную обработку фактов как «способность к динамическому конвертированию запросов аудитории в успешный информационный проект», а вследствие этого и конкуренция между информационными ресурсами [Полонский 2016: 69].

СМИ, как и любой другой социальный феномен, функционируют в рамках ценностей и установок определенной культуры. Удивительным оказывается их взаимное влияние, которое, к сожалению, далеко не всегда оказывается позитивным. Будучи эффективным инструментом манипуляции массовым сознанием, массмедиа стали незаменимым каналом трансляции идеологии лингвистического, а точнее лингвополитического моделирования реальности. «Аудитория утратила способность анализировать причины социальных процессов. Ее приучили „заговаривать“ социальную реальность — перепрограммировать, „перезагружать“, „переозначивать“ и проводить иные информационные манипуляции», а неудобные понятия стали заменять другими, более удобными со смещением смыслового акцента» [Щипков 2014: 18].

В этой связи представляется уместным вспомнить об информационной модели медиалингвистического анализа Т. Г. Добросклонской. На ее основе «можно досконально проследить не только механизм превращения события реальной жизни в событие медийное, или новость, но и понять особенности влияния медиасреды на формирование информационной картины мира» [Добросклонская 2016: 18]. Данная модель представлена автором в виде замкнутого круга и состоит из пяти компонентов: отбор фактов, интерпретация (освещение) событий, создание образов, формирование стереотипов, культурно-идеологический контекст. Для настоящего исследования наибольший интерес представляет этап интерпретации, поскольку именно здесь события обретают свою словесную оболочку, происходит их «лингвомедийное конструирование» в определенном интерпретативном диапазоне [Добросклонская 2016: 18].

На пересечении двух интересующих нас

областей — политического и медийного дискурсов — берет свое начало политический нарратив. Он представляет собой «совокупность медиа-текстов разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Кириллов 2010: 54], «информационную систему, состоящую из огромного количества информационных узлов и отношений между ними» [Кириллов 2010: 57]. При этом существует два вида отношений между элементами нарратива: линейные — когда события перед читателем разворачиваются последовательно, одно за другим, и нелинейные — когда устанавливается информационная связь между элементами, отличными по темпоральным, локальным и причинно-следственным характеристикам, что нередко «осложняет процесс ориентации адресата (аудитории)» [Кириллов 2010: 57].

Примером реализации нелинейных отношений может служить так называемое тематическое преобразование, суть которого заключается в том, что «при помощи гиперссылок журналисты могут расширять значение субдискурса, той темы, которая предлагается в публикации, причем расширение темы может быть настолько мощным, что первоначально предложенная тема изменится до неузнаваемости. При помощи тематического преобразования можно проследить, как субдискурсы образуются, вытекают один из другого, расширяются и приобретают самостоятельность» [Горина 2014: 177]. В этом проявляется гипертекстовый характер политического нарратива, который, с данной точки зрения, можно рассматривать как «гипер-медиа-событие со множеством расположенных в нем информационных узлов (медиа-событий), восприятие которых возможно целиком и последовательно, либо частично и выборочно» [Кириллов 2010: 57].

Такая форма представления информации имеет один существенный для читателя плюс — доступность изложения. «Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события». Однако нередко это происходит за счет своеобразного «упрощения реальности» [Шейгал 2007: 88]. Как признает М. Мак-Куин, «обучать общественность — роль благородная, однако вместо того, чтобы помочь людям понять всю сложность окружающего мира, медиа изображают его чрезвычайно упрощенно, хотя это совсем не так» [McQueen 2017].

Благодаря основной функции, которую выполняет нарратив, — объяснительной, или интерпретационной — данный термин приобрел «коннотацию недостоверности,

степень которой варьируется от упрощенного представления реальности до лжи» [Шейгал 2007: 92]. Информация, представленная таким образом, обязательно несет отпечаток ангажированности. Даже если само новостное сообщение не является откровенной ложью, заголовки могут ввести в заблуждение или исказить факты с целью соответствовать какой-либо идеологической модели [McQueen 2017].

В современных лингвистических исследованиях и журналистской практике «идея нарратива окончательно утвердила мысль о том, что можно по своему усмотрению использовать язык в качестве инструмента выражения субъективных смыслов и моделирования аксиологической картины действительности в политическом дискурсе» [Чанышева 2019: 113].

Все вышесказанное подводит нас к одной из самых главных проблем современного общества — вопросу о степени объективности и достоверности потребляемой информации. Не секрет, что «в настоящее время специалисты по медийной политической коммуникации отличаются большой изобретательностью в выборе форм языковой упаковки и искусностью в части отбора заведомо ложной и отсева нежелательной информации» [Иванова, Чанышева 2014: 39—40]. Факты сохраняют свою релевантность только в том случае, если подаются в легкодоступной форме [Evans 2017]. В 2016 г. словом года стала «постправда», «пост-правда» (*post-truth*, *Oxford Dictionary*), а в 2017 — «фейковые новости» (*fake news*, *Collins Dictionary*). По мнению Е. Стецко, это «равносильно вручению Оскара за высшие достижения в сфере информационных технологий и политических стратегий, воздействующих на массовое сознание» [Стецко 2017]. В работах современных лингвистов данные понятия фигурируют все чаще. Рассмотрим вышеуказанные явления подробнее.

В эпоху информационных войн поиск правды теряет свою первостепенную значимость. Преподнесение ложных фактов как истинных становится благодатной почвой для всевозможных теорий заговора и безнаказанного обмана читателя. Именно благодаря этой тенденции понятие постправды так прочно вошло в политический дискурс XXI в. [Корецкая 2017: 137]. «Информация до читателя проходит через призму оценочных установок и чувств журналиста, излагающего и интерпретирующего сообщения. В результате политический дискурс приобретает такие важные характеристики, как эмоциональность и экспрессивность» [Нигматуллина 2018: 74]. Как отмечает А. В. Бушев, «не так

важна реальность факта, если реальны последствия», а вкупе с эмоциональной составляющей и формируется «параллельный мир постправды» [Бушев 2018]. Таким образом «впечатления превращаются в прибыль» [Politics and news 2018].

Примечательным является то, что аудитория склонна отдавать большее предпочтение уже готовым интерпретациям событий, чем аналитическим выводам и конкретным фактам. При этом картина мира, создаваемая таким образом, должна соответствовать личным убеждениям потребителей информации, а факты, не вписывающиеся в идеологию постправды, отвергаются [Гарбузняк 2019: 186]. «Девальвация факта при одновременном росте влияния сетевых сообществ (где позиция, как правило, доминирует над фактом) является базовым условием для возникновения феномена постправды» [Гарбузняк 2019: 189].

По словам Е. Стецко, «эффект постправды» основывается на таком свойстве человеческой психики, как «привычка подводить новую информацию под уже имеющиеся стереотипы». Это позволяет людям не размышлять над истинностью потребляемой информации и чувствовать себя сведущими в важных вопросах. Последующее «обнаружение» правды принесет читателю скорее разочарование, чем какие-либо другие чувства, поскольку она не будет соответствовать его убеждениям, которые, по его мнению, не могут оказаться неверными [Стецко 2017]. Решение людей о правдивости или ложности чего-либо зависит от переживаемых ими в данный момент эмоций. Чувство злости способствует восприятию информации независимо от ее точности, если она соответствует политическим убеждениям читающего [McQueen 2017].

На этой слабости человеческой природы и основана деятельность создателей фейковых новостей по построению альтернативной реальности. Вслед за американскими исследователями Р. Морао и К. Робертсоном мы определяем фейковые новости как «дискурсивное образование, обладающее как элементами новостного „идеала“ (фактичность, объективность и нейтральность), так и характеристиками, привносимыми в нормативную модель профессиональной журналистики извне (дезинформация, сенсационность, кликбейт и ангажированность)». Главная цель их создания — привлечение внимания скорее к источнику, чем к новости, стремление получить какую-либо политическую или экономическую выгоду [Mourão, Robertson 2019]. Исследователями очень тонко подмечено, что «ложность ново-

стей может существовать в континууме, то есть иметь непрерывный характер, когда некоторые истории представляют собой наглую ложь, а другие — полуправду, но более дезориентирующую и, по большей части, достоверную» [Mourão, Robertson 2019].

Одну из ключевых особенностей современных информационных ресурсов описывает Н. Н. Вольская. Рассуждая о технике подачи ложной информации в интернет-коммуникации, исследователь отмечает, что ложь не подается пользователям в открытом виде. Она преподносится «исподволь», с помощью специфических лексических и грамматических средств и как бы оставляет выбор за самим читателем. Истинная информация раскрывается постепенно в результате переходов, осуществляемых посредством последующих кликов» [Вольская 2018].

Развивая тему о возможностях новейших онлайн-ресурсов, исследователь массмедийного дискурса З. З. Чанышева указывает на ряд недавно возникших новых жанров, «раздвигающих границы ложного нарратива». К ним относят виральный контент, кликбейты, линкбейты и другие формы бейтинга [Чанышева 2018: 183].

Кликбейт, к примеру, настолько распространен в Сети, что соответствующий термин лег в основу продуктивной модели словообразования «существительное + bait». Bait, с данной точки зрения, рассматривается как *libfix* (liberated + fix) — термин, предложенный лингвистом Арнольдом Цвиги [Zwicky 2010] для обозначения высвобождаемых частей слов, которые в дальнейшем функционируют как аффиксы [Carey 2015]. Например, *likebait* — посты для сбора «лайков», *bachelor bait* — незамужняя женщина, *tourist-bait* — нечто привлекательное для туристов и др. [Kelly 2016]. Отдельного внимания заслуживает неологизм *litbait* (literature + bait) — краткое содержание литературного произведения передается в виде заголовка с преувеличенным драматизмом, что значительно повышает внимание современной молодежи к классической литературе [Teich 2017].

В последние годы наблюдается возрастание интереса лингвистов к исследованию подобных феноменов. 10 октября 2017 г. в Москве на базе МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась Международная конференция, в рамках которой прошло заседание круглого стола «Языковая политика в информационном пространстве Интернета». Из 13 докладов 5 были посвящены проблемам определения и функционирования кликбейта в Интернете. Тем не менее нельзя не согласиться с испанскими исследователями А. Базако,

М. Редондо и П. Санчес-Гарсия в том, что, несмотря на довольно обширную географию, количество работ академического характера, вносящих ясность в определение понятия «кликбейт» и теоретические положения по данной проблематике, все еще остается незначительным. Кроме того, данное явление можно и нужно рассматривать с точки зрения различных дисциплин: информатики, лингвистики (прагматики), коммуникативистики и др. [Bazaco, Redondo, Sánchez-García 2019: 97]. Проанализировав определения кликбейта в современных исследованиях, можно сделать вывод, что в большинстве случаев кликбейтом именуют 1) новостные заголовки, апеллирующие к любопытству читателя, 2) контент, цель которого — заманить читателя на необходимую страницу, 3) контент, благодаря которому повышается трафик посещения какой-либо страницы, 4) средство продвижения контента в соцсетях. С учетом вышеуказанных характеристик исследователи предлагают собственное определение этого сложного явления: динамичный коммуникативный феномен, представляющий собой псевдожурналистский контент, созданный с помощью стратегий экономии внимания, близких сенсационности и информации развлекательного характера (*infotainment*). Основная идея кликбейта состоит в оформлении сообщения как приманки, цель которой сравнима с маркетинговой благодаря созданию кричащих заголовков, прямому обращению к читателю и контенту поверхностного содержания и с преувеличенным значением [Bazaco, Redondo, Sánchez-García 2019: 98]. Представленный ниже пример кликбейтинга в политическом медиадискурсе можно назвать классическим:

What the Mueller report tells us about Trump, Russia and obstruction [The Guardian 18.04.2019].

Заголовок оформлен в виде косвенного вопроса, затрагивающего актуальную до сих пор тему выборов в США в 2016 г. Прочтение такого рода заголовка порождает множество догадок относительно итогов экспертизы, что заставляет читателей кликнуть именно по этому заголовку среди прочих на ту же тему. Все дело в так называемом «информационном пробеле», который наше подсознание торопится заполнить.

Ярким примером трансляции постправды в политическом медиадискурсе является следующий кликбейт-заголовок:

Trump claimed he knew about damaging Clinton emails in advance [The Guardian 18.04.2019].

Информационная функция СМИ заклю-

чается в освещении последних событий. На первый взгляд, представленный заголовок вполне с ней справляется. Однако он оформлен таким образом, что в сознании читателя возникает образ Трампа, лично сообщающего данную новость, иными словами, признающего свою вину. При чтении первого абзаца (*lead*) в статье выясняется, что речь идет о показаниях свидетелей в докладе Р. Мюллера о расследовании дела. К тому же следует отметить, что на самом деле новость относится к событиям трехлетней давности, происходившим во время предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г.

Особенно актуальным представляется исследование кликбейта в русле теории ложного нарратива. С учетом психологических особенностей массового читателя З. З. Чанышева выделяет несколько основных характеристик кликбейт-заголовков и линкбейт-переходов. Прежде всего это форма, которая с легкостью захватывает внимание читателя, порождает и подогревает интерес. Далее — содержание, намекающее на интригующее продолжение. И наконец, «ложная информация, усиленная выражением глубоко личностных оценок автора», которая «обеспечивает эмоциональное восприятие сообщения со стороны читателя и вызывает эмпатию» [Чанышева 2019: 116]. Примером фейковых новостей может служить следующий заголовок, также оформленный в лучших традициях кликбейтинга:

Five key things to look for in the Mueller report [The Guardian 18.04.2019].

Прежде всего на читателя действует магия цифр. Так называемые *listicles* — статьи с конкретным количеством пунктов — излюбленное журналистами средство привлечения внимания, обладающее поразительным воздействующим эффектом на читателей. Но самое интересное кроется в тексте статьи. Автор сдержал слово: в статье действительно 5 пунктов, однако каждый из них наравне с фактами содержит множество догадок автора, оформленных с применением вводных слов категории эвиденциальности, модальных глаголов и вопросов. Более того, статья заканчивается словами, которые в определенной мере противоречат заголовку: *But key sections of the Mueller report might remain redacted for now* [The Guardian 18.04.2019].

Ранее написание заголовков считалось особым навыком, но в цифровую эру кликбейт стал синонимом онлайн-журнализма, строящегося по бизнес-модели *Pay per click* (с англ. «платить за клик»). По мнению оппонентов, это может привести к ухудшению качества контента в погоне журналистов за кли-

ками и прибылью. Журнализм приобретает характер сиюминутного удовольствия, а кликбейт-истории в какой-то степени умаляют ценность самих новостей [Frampton 2015].

Многие исследователи кликбейтинга сходятся во мнении, что в мире, где успех контента определяется количеством просмотров и оценок, данная техника привлечения внимания аудитории представляет собой лишь реакцию на вызов современных условий высокой конкуренции между информационными ресурсами. На фоне всеобщей паники и повышенной подозрительности к потребляемой информации среди пользователей Интернета некоторые онлайн-издания решили расставить точки над «i» касательно своей политики в отношении кликбейта. Например, в 2017 г. от имени редакции «The New York Times» выпустили статью под названием «How We Define Clickbait (Which We Do Our Best to Avoid)» («О том, как мы определяем кликбейт (и всеми силами стараемся его избегать)»). Основополагающим правилом издания является запрет на заголовки, заставляющие читателей чувствовать себя обманутыми после прочтения статьи. «Это наше определение кликбейта. Главным вызовом в конкурентной среде массмедиа является создание заголовков, цепляющих внимание читателей, при условии соблюдения стандартов. Так, в аналитических статьях вы можете заметить большее количество заголовков, начинающихся со слов «Как», «Почему» или «Что». Однако вы не встретите заголовков типа «Ты не поверишь, что произошло после!» [The NY Times 2017]. Подобные заявления только подтверждают мысль о том, что в быстро меняющемся мире массмедиа обречены, если не научатся оперативно подстраиваться под интересы аудитории.

Интересные (если не жизненно важные) советы о том, как отыскать правду в мире кликбейта и пропаганды, дают в своей работе Д. Мак-Каллоу и Б. Медина: «Прежде чем сообщать миру о том, как ты зол из-за новости, появившейся 30 секунд назад, изучи различные точки зрения по этому поводу. <...> Было бы мудрым следовать правилу 24 часов. Подожди, пока история обрстет деталями. <...> Задумайся, подтверждают ли факты из текста истерику заголовка» [McCullough, Medina 2019].

Кроме резко негативного отношения к кликбейтингу в Сети, существует и иная точка зрения, согласно которой кликбейт — это лишь один из многих способов привлечения внимания аудитории. В сущности это представление информации в таком виде, который, по мнению медиаплощадки, максими-

зирует количество просмотров. В конечном счете, он может оказаться довольно эффективным способом передачи сообщения и привести читателя к более стоящему контенту [Hind 2013; Гаврикова 2018]. Представленный ниже заголовок содержит классическую для кликбейта фразу *What happens next*, однако сама статья посвящена серьезной теме выхода Великобритании из ЕС и содержит ответы на многие волнующие вопросы:

What happens next with Brexit? [The Guardian 09.04.2019]

По справедливому замечанию российского исследователя кликбейта А. В. Николаевой, его «нельзя классифицировать просто по формальным языковым признакам. Заглавие вполне может быть образным, но удачным, уместным, относящимся именно к теме текста. С другой стороны, название может быть выстроено как информативное и при этом являться настоящим кликбейтом» [Николаева 2018: 47].

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы еще раз обозначить место кликбейтинга в исследовании массмедийного дискурса и ложной информации в Интернете.

Во времена, когда поток информации настолько силен, что становится физически невозможным уследить за ходом тех или иных событий, «на помощь» обывателям приходят СМИ. Посредством такого инструмента, как ложный нарратив, они моделируют действительность, преобразуют происходящее во внешнем мире в режиме онлайн. В попытке преуспеть в своем деле и не исчезнуть под натиском конкурентов, творцы медиамира идут на хитрость, создают новые средства борьбы за выживание. Постправда получила признание в качестве средства сглаживания острых углов, позволяющего отложить освещение реального положения дел до лучших времен, в то время как фейковые новости позволяют сообщить о событиях немедленно, но с необходимой точки зрения. Кликбейт в сложившейся ситуации служит средством воплощения идеологии ложного нарратива в реальность. Такие свойства кликбейт-форм, как сенсационность, неоднозначность толкования и гибкость, сделали их незаменимым оружием в борьбе за первую полосу и, конечно же, клики потребителей информации. В качестве негативного момента следует отметить обесценивание новостей как объективного повествования о текущих событиях.

Мнение о том, что кликбейт представляет собой не только способ введения ложной информации, но и инструмент выделения материала в общем информационном пото-

ке, на данном этапе исследований не получило широкого распространения. Тем не менее, на наш взгляд, эта проблема заслуживает особого внимания со стороны исследователей и порождает множество вопросов, ответы на которые еще только предстоит найти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушев А. В. Медиаграмотность в условиях политики пост-правды // Современный дискурс-анализ. — 2018. С. 23—28.
2. Вольская Н. Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2018. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (дата обращения: 12.01.2019).
3. Гаврикова О. А. Функционирование кликбейтинга как инструмента информационного моделирования реальности в интернет-пространстве // Молодежь в науке: новые аргументы : сб. науч. работ 8 Междунар. молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 30 марта 2018 г.) / отв. ред. А. В. Горбенко. — Липецк : Научное партнерство «Аргумент», 2018. Ч. 2. С. 259—264.
4. Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. — 2019. № 1. С. 184—192.
5. Горина Е. В. Тематическое преобразование — структурная особенность Интернета // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 173—179.
6. Иванова С. В., Чанышева З. З. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 39—49.
7. Кириллов А. Г. Интертекстуально-гипертекстуальный характер политического нарратива // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. С. А. Стройков. — Самара : Изд-во Самар. гос. соц.-пед. ун-та, 2010. С. 54—58.
8. Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. 2014. № 1. С. 66—73.
9. Корецкая О. В. Концепт post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-3 (73). С. 136—138.
10. Ливингстон С. О медиации всего / в пер. А. Волковой и Ю. Черненко // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. № 2. Т. 2 С. 146—170.
11. Нигматулина Э. Р. Эмотивы в англоязычном политическом дискурсе: роль и условия реализации // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 73—81.
12. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ // Русская речь. — М. : Рос. акад. наук, 2018. С. 43—47.
13. Ориуэла Х. Л. 10 новых парадигм медиакommunikации в эпоху цифровых технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/lifehacker-ru/the-10-new-paradigms-of-communication-in-the-digital-age-rus-13476afd7cb7> (дата обращения: 13.02.2019).
14. Полонский А. В. Медийный текст и его статус в современной культуре // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. 2 Междунар. науч.-практ. конф. и 2 Междунар. науч. сем. : сб. науч. работ / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. — ИД «Белгород», 2016. С. 68—74.
15. Сергеева Ю. Вся статистика Интернета на 2019 год — в мире и в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 4.04.2019).
16. Синельникова Л. Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Науч. ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 253—261.
17. Стецко Е. Fake news и феномен пост-правды: информационно-политические тренды года [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (дата обращения: 3.02.2019).
18. Суворова А. Ю. Роль новых медиа в контексте медиатизации политических процессов // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 1. С. 69—78.
19. Чанышева З. З. Ложный нарратив в современной политической коммуникации // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : материалы 4 Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Р. А. Газизов. — 2018. С. 179—184.
20. Чанышева З. З. Методики исследования прагматики ложного нарратива // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: сб. науч. ст. по материалам 3 Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. Т. 1 : Методы в лингвистике. С. 112—117.
21. Шейгал Е. И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 22. С. 86—93.
22. Шмелева Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования [Электронный ресурс] // Вестн. НовГУ. 2015. № 7 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-i-obekt-issledovaniya> (дата обращения: 07.10.2018).
23. Щипков А. В. Феномен лингвополитического и реальная политика // Армия и общество : науч.-инф. журн. — М. : Научно-исследовательский центр «Наука-XXI», 2014. № 6 (43). С. 18—21.
24. Bazaco A., Redondo M., Sánchez-García P. Clickbait as a strategy of viral journalism: conceptualisation and method // Revista Latina de Comunicación Social. 2019. № 74. P. 94—115.
25. Borger J. Trump claimed he knew about damaging Clinton emails in advance [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/18/trump-claimed-he-knew-about-damaging-clinton-emails-in-advance> (date of access: 18.04.2019).
26. Carey S. It's a libfix-aganza! [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionaryblog.com/its-a-libfix-aganza> (date of access: 15.04.2019).
27. Evans P. How our clickbait culture is changing the face of politics [Electronic resource]. URL: <https://www.varsity.co.uk/science/11747> (date of access: 10.04.2019).
28. Frampton B. Clickbait: The changing face of online journalism [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-wales-34213693> (date of access: 01.03.2019).
29. Hind S. In defence of clickbait [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/04/in-defence-of-clickbait> (date of access: 14.04.2019).
30. Kelly J. These words will change the way you think of clickbait forever [Electronic resource]. URL: <https://blog.oxforddictionaries.com/2016/09/22/clickbait/> (date of access: 3.04.2019).
31. McCarthy T. Five key things to look for in the Mueller report [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/17/mueller-report-trump-russia-investigation-redacted-document-information> (date of access: 18.04.2019).
32. McCullough D., Medina B. 7 Tips for Finding Truth in a World of Clickbait and Propaganda [Electronic resource]. URL: <https://fee.org/articles/7-tips-for-finding-truth-in-a-world-of-clickbait-and-propaganda/> (date of access: 12.04.2019).
33. McQueen M. Fishing for Truth: Politics in the Era of Clickbait Journalism [Electronic resource]. URL: <http://thepolitic.org/fishing-for-truth-politics-in-the-era-of-clickbait-journalism/> (date of access: 11.03.2019).
34. Mourão R., Robertson C. Fake News as Discursive Integration: An Analysis of Sites That Publish False, Misleading, Hyperpartisan and Sensational Information, Journalism Studies [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1566871> (date of access: 09.02.2019).
35. Politics and News: The Growing Trend of Content as the New Clickbait [Electronic resource]. URL: <https://zvelo.com/politics-news-growing-trend-content-new-clickbait/> (date of access: 17.02.2019).
36. Siddiqui S. What the Mueller report tells us about Trump, Russia and obstruction [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2019/apr/18/mueller-report-trump-russia-key-takeaways> (date of access: 18.04.2019).

37. Teich R. Litbait: when classic literature meets clickbait culture [Electronic resource]. URL: <https://blog.oxforddictionaries.com/2017/11/14/litbait-literature-clickbait/> (date of access: 11.03.2019).


38. The New York Times. How We Define Clickbait (Which We Do Our Best to Avoid) [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/21/reader-center/clickbait.html>


(date of access: 07.04.2019).

39. Walker P. What happens next with Brexit? [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/09/brexit-what-happens-next> (date of access: 18.04.2019).

40. Zwicky A. Libfixes [Electronic resource]. URL: <https://arnoldzwicky.org/2010/01/23/libfixes/> (date of access: 5.04.2019).

O. A. Gavrikova

Bashkir State University, Ufa, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3801-9159 

 *E-mail*: olesia.gavrikova@mail.ru.

Clickbait as a Factor of False Narrative Creation in Political Mass Media Discourse

ABSTRACT. *The article is devoted to a very important problem – mass media clickbait possessing great potential in controlling the readers' attention, precise information control and design of narrative space. The given study is urgent due to a wide usage in the modern mass media of various phenomena which spring up in response to the challenges of our time, and specifically the shift of the focus of narration and the emergence of new forms of information presentation. The aim of the article is to study the phenomenon of clickbait in the light of the theories of post-truth, fake news and pseudo-narrative as their material realization, as a tool of completion and a form of existence. The term "clickbait" is used to mean: 1) news headlines appealing to the reader's curiosity; 2) the content the task of which is to lead the reader to a certain page; 3) the content that raises the traffic statistics of a page; 4) a form of advertisement of certain content on social networks. On the example of clickbait headlines in the online edition of The Guardian it has been shown that clickbait performs the mediating, attracting and leading functions. Such properties of clickbait as sensational nature, originality and efficiency in attracting attention have made clickbait a popular instrument of manipulating the readers' consciousness. Nevertheless, the article poses a question about the dual nature of clickbait which primarily serves as a means of singling out the necessary material from the general information flow. The literature cited in the article reflects the modern view of the problem under study not only in domestic but also in foreign linguistics, which gives a clear idea about the level of scientific development of the topic.*

KEYWORDS: *political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media, clickbait; post-truth; false information; fake news.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gavrikova Olesya Anatol'evna, Post-graduate Student of Department of Language Teaching and Translation Studies, Faculty of Romance and Germanic Philology, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

FOR CITATION: *Gavrikova, O. A. Clickbait as a Factor of False Narrative Creation in Political Mass Media Discourse / O. A. Gavrikova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 22-30. — DOI 10.26170/pl19-03-02.*

REFERENCES

1. Bushev A. V. Media Literacy in the Post-Truth Policy // Modern Discourse Analysis. — 2018. P. 23—28. [Mediagramotnost' v usloviyakh politiki post-pravdy // Sovremennyy diskurs-analiz. — 2018. S. 23—28]. — (In Rus.)

2. Vol'skaya N. N. Clickbait as a Means of Creating False Information in Internet Communication [Electronic resource] // Mediascop. 2018. No. 2. [Klikbeyt kak sredstvo sozdaniya lozhnoy informatsii v internet-kommunikatsii // Mediascop. 2018. № 2]. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (date of access: 12.01.2019). — (In Rus.)

3. Gavrikova O. A. Clickbetting Functioning as a Tool for Information Modeling of Reality in Internet Space // Youth in Science: New Arguments: Coll. of scientific Works from 8 Intern. Youth Competition (Russia, Lipetsk, March 30, 2018) / resp. ed. A. V. Gorbenko. — Lipetsk : Scientific partnership "Argument", 2018. Part 2. P. 259—264. [Funktsionirovanie klikbeytinga kak instrumenta informatsionnogo modelirovaniya real'nosti v internet-prostranstve // Molodezh' v nauke: novye argumenty : sb. nauch. rabot 8 Mezhdunar. molodezhnogo konkursa (Rossiya, g. Lipetsk, 30 marta 2018 g.) / otv. red. A. V. Gorbenko. — Lipetsk : Nauchnoe partnerstvo «Argument», 2018. Ch. 2. S. 259—264]. — (In Rus.)

4. Garbuznyak A. Yu. The Post-Truth Phenomenon: Fact Devaluation in Media Discourse // Knowledge. Understanding. Skill. — 2019. № 1. P. 184—192. [Fenomen postpravdy: deval'vatsiya fakta v mediynom diskurse // Znanie. Ponimanie. Umenie. — 2019. № 1. S. 184—192]. — (In Rus.)

5. Gorina E. V. Thematic Transformation — a Structural Feature of the Internet // Political Linguistics. 2014. No. 3. P. 173—179. [Tematicheskoe preobrazovanie — strukturnaya osobennost' Interneta // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3. S. 173—

179]. — (In Rus.)

6. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Technologies for Discursive Designation of Rumors in the Political Discourse of Mass Media // Political Linguistics. 2014. No. 2. P. 39—49. [Tekhnologii diskursivnogo oformleniya slukhov v politicheskom diskurse massmedia // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2. S. 39—49]. — (In Rus.)




7. Kirillov A. G. Intertextual-hypertextual Character of a Political Narrative // Hypertext as an Object of Linguistic Research : materials of All-Russian. scientific-practical conf. with Intern. participation / resp. ed. S. A. Stroykov. — Samara : Publishing House of Samara State Soc.-ped. Univ., 2010. P. 54—58. [Intertekstual'no-gipertekstual'nyy kharakter politicheskogo narrativa // Gipertekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. S. A. Stroykov. — Samara : Izd-vo Samar. gos. sots.-ped. un-ta, 2010. S. 54—58]. — (In Rus.)

8. Klushina N. I. Mediatization of Modern Culture and the Russian National Style // Russian Speech. 2014. No. 1. P. 66—73. [Mediatizatsiya sovremennoy kul'tury i russkiy natsional'nyy stil' // Russkaya rech'. 2014. № 1. S. 66—73]. — (In Rus.)

9. Koretskaya O. V. Concept of Post-truth as a Linguistic Phenomenon of Modern English-language Media Discourse // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2017. No. 7-3 (73). P. 136—138. [Konsept post-truth kak lingvisticheskoe yavlenie sovremennoy angloyazychnogo mediadiskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7-3 (73). S. 136—138]. — (In Rus.)

10. Livingston S. About Total Mediation / transl. by A. Volkova and Yu. Chernenko // Communications. Media Design. 2017. No. 2. Vol. 2 P. 146—170. [O mediatsii vsego / v per. A. Volkovoy i Yu. Chernenko // Kommunikatsii. Media. Dizayn. 2017. № 2. T. 2 S. 146—170]. — (In Rus.)

11. Nigmatullina E. R. Emotivny in the English-speaking Political Discourse: the Role and Conditions of Implementation // *Political Linguistics*. 2018. No. 2 (68). P. 73—81. [Emotivny v angloyazychnom politicheskom diskurse: rol' i usloviya realizatsii // *Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 2 (68). S. 73—81]. — (In Rus.)
12. Nikolaeva A. V. Clickbait in the Media // *Russian Speech*. — Moscow : Rus. Acad. of Sciences, 2018. P. 43—47. [Klikbeyt v SMI // *Russkaya rech'*. — M. : Ros. akad. nauk, 2018. S. 43—47]. — (In Rus.)
13. Oriuela H. L. 10 New Paradigms of Media Communication in the Digital Age [Electronic resource]. [10 novykh paradigam mediakommunikatsii v epokhu tsifrovyykh tekhnologii]. URL: <https://medium.com/lifehacker-ru/the-10-new-paradigms-of-communication-in-the-digital-age-rus-13476afd7cb7> (date of access: 13.02.2019).
14. Polonskiy A. V. Media Text and Its Status in Modern Culture // *Discourse of Modern Mass Media in Terms of Theory, Social Practice and Education; Actual Problems of Modern Media Linguistics and Media Criticism in Russia and Abroad*. 2 Internat. scientific-practical conf. and 2 International scientific seminar : collection of scientific works / ed. E. A. Kozhemyakina, A. V. Polonskiy. — Belgorod Publishing House, 2016. P. 68—74. [Mediynnyy tekst i ego status v sovremennoy kul'ture // *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya; aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom*. 2 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. i 2 Mezhdunar. nauch. sem. : sb. nauch. rabot / pod red. E. A. Kozhemyakina, A. V. Polonskogo. — ID «Belgorod», 2016. S. 68—74]. — (In Rus.)
15. Sergeeva Yu. All Internet Statistics for 2019 — in the world and in Russia [Electronic resource]. [Vsya statistika Interneta na 2019 god — v mire i v Rossii]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (date of access: 4.04.2019).
16. Sinel'nikova L. N. The Strategy of Approaching the Addressee in the Modern Media Text // *Scientific Journ. of BelSU. Ser.: Humanities*. 2014. No. 13 (184). P. 253—261. [Strategiya priblizheniya k adresatu v sovremennom mediatekste // *Nauch. vedomosti BelGU. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 13 (184). S. 253—261]. — (In Rus.)
17. Stetsko E. Fake News and the Post-truth Phenomenon: Informational and Political Trends of the Year [Electronic resource]. [Fake news i fenomen post-pravdy: informatsionno-politicheskie trendy goda]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (date of access: 3.02.2019). — (In Rus.)
18. Suvorova A. Yu. The Role of New Media in the Context of the Mediation of Political Processes // *Communicology*. 2017. Vol. 5. No. 1.S. 69—78. [Rol' novykh media v kontekste mediatizatsii politicheskikh protsessov // *Kommunikologiya*. 2017. T. 5. № 1.S. 69—78]. — (In Rus.)
19. Chanysheva Z. Z. False Narrative in Modern Political Communication // *Language Units in the Light of Modern Scientific Paradigms : materials of 4th All-Russia scientific-practical conf. with Intern. participation / resp. ed. R.A. Gazizov*. — 2018. P. 179—184. [Lozhnyy narrativ v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii // *Yazykovye edinitsy v svete sovremennykh nauchnykh paradigam : materialy 4 Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. R. A. Gazizov*. — 2018. S. 179—184]. — (In Rus.)
20. Chanysheva Z. Z. Methods of Research of the Pragmatics of a False Narrative // *Modern Directions in Linguistics and Language Teaching: Problem of the Method : Collect. of scientific works based on materials of the 3 Intern. scientific-practical conf.* — Penza : Publ. house of PGU, 2019. Vol. 1: Methods in linguistics. P. 112—117. [Metodiki issledovaniya pragmatiki lozhnogo narrativa // *Sovremennye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda: sb. nauch. st. po materialam 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* — Penza : Izd-vo PGU, 2019. T. 1 : Metody v lingvistike. S. 112—117]. — (In Rus.)
21. Sheygal E. I. The Many-sided Narrative // *Political Linguistics*. 2007. № 22. P. 86—93. [Mnogolikiy narrativ // *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 22. S. 86—93]. — (In Rus.)
22. Shmeleva T. V. Mediatization as a Phenomenon of Modern Culture and an Object of Research [Electronic resource] // *Proceedings of NovSU*. 2015. № 7 (90). [Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kul'tury i ob'ekt issledovaniya // *Vestn. NovGU*. 2015. № 7 (90)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kul'tury-i-obekt-issledovaniya> (date of access: 07.10.2018).
23. Shchipkov A. V. Phenomenon of Linguopolitical and Real Politics // *Army and Society : scientific-inf. journ.* — Moscow : Scientific Research Center “Science-XXI”, 2014. № 6 (43). P. 18—21. [Fenomen lingvopoliticheskogo i real'naya politika // *Armiya i obshchestvo : nauch.-inf. zhurn.* — M. : Nauchno-issledovatel'skiy tsentr «Nauka-XXI», 2014. № 6 (43). S. 18—21]. — (In Rus.)
24. Bazaco A., Redondo M., Sánchez-García P. Clickbait as a strategy of viral journalism: conceptualisation and method // *Revista Latina de Comunicación Social*. 2019. № 74. P. 94—115.
25. Borger J. Trump claimed he knew about damaging Clinton emails in advance [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/18/trump-claimed-he-knew-about-damaging-clinton-emails-in-advance> (date of access: 18.04.2019).
26. Carey S. It's a libfix-aganza! [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionaryblog.com/its-a-libfix-aganza> (date of access: 15.04.2019).
27. Evans P. How our clickbait culture is changing the face of politics [Electronic resource]. URL: <https://www.varsity.co.uk/science/11747> (date of access: 10.04.2019).
28. Frampton B. Clickbait: The changing face of online journalism [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-wales-34213693> (date of access: 01.03.2019).
29. Hind S. In defence of clickbait [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/04/in-defence-of-clickbait> (date of access: 14.04.2019).
30. Kelly J. These words will change the way you think of clickbait forever [Electronic resource]. URL: <https://blog.oxforddictionaries.com/2016/09/22/clickbait/> (date of access: 3.04.2019).
31. McCarthy T. Five key things to look for in the Mueller report [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/17/mueller-report-trump-russia-investigation-redacted-document-information> (date of access: 18.04.2019).
32. McCullough D., Medina B. 7 Tips for Finding Truth in a World of Clickbait and Propaganda [Electronic resource]. URL: <https://fee.org/articles/7-tips-for-finding-truth-in-a-world-of-clickbait-and-propaganda/> (date of access: 12.04.2019).
33. McQueen M. Fishing for Truth: Politics in the Era of Clickbait Journalism [Electronic resource]. URL: <http://thepolitic.org/fishing-for-truth-politics-in-the-era-of-clickbait-journalism/> (date of access: 11.03.2019).
34. Mourão R., Robertson C. Fake News as Discursive Integration: An Analysis of Sites That Publish False, Misleading, Hyperpartisan and Sensational Information, Journalism Studies [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1566871> (date of access: 09.02.2019).
35. Politics and News: The Growing Trend of Content as the New Clickbait [Electronic resource]. URL: <https://zvelo.com/politics-news-growing-trend-content-new-clickbait/> (date of access: 17.02.2019).
36. Siddiqui S. What the Mueller report tells us about Trump, Russia and obstruction [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2019/apr/18/mueller-report-trump-russia-key-takeaways> (date of access: 18.04.2019).
37. Teich R. Litbait: when classic literature meets clickbait culture [Electronic resource]. URL: <https://blog.oxforddictionaries.com/2017/11/14/litbait-literature-clickbait/> (date of access: 11.03.2019).
38. The New York Times. How We Define Clickbait (Which We Do Our Best to Avoid) [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/21/reader-center/clickbait.html> (date of access: 07.04.2019).
39. Walker P. What happens next with Brexit? [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/apr/09/brexit-what-happens-next> (date of access: 18.04.2019).
40. Zwicky A. Libfixes [Electronic resource]. URL: <https://arno.ldzwicky.org/2010/01/23/libfixes/> (date of access: 5.04.2019).

Т. А. ГридинаУральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3993-5164 **С. С. Талашманов**Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: —  **E-mail:** tatyana_gridina@mail.ru; talashmanov96@mail.ru.**Языковая игра в современной интернет-коммуникации:
метаязыковой аспект**

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируются особенности игрового метаязыка интернет-коммуникации. Актуальность исследования связана с тем, что интернет-пространство является коммуникативной «территорией», где ярко проявляется лингвокреативная составляющая речевой деятельности, в частности обусловленная спонтанностью интернет-переписки и свободой творческой самопрезентации субъектов коммуникации при использовании нестандартной формы и/или содержания сообщения. В интернет-коммуникации происходит выработка такой системы речевого общения, которая диктует специфические, игровые, экспериментальные алгоритмы порождения и употребления знака, позволяющие коммуникантам выйти за пределы стереотипов «строгого» речевого узуса. Рассматриваются конструктивные принципы и приемы создания метаязыковых мемов с учетом обыгрываемых прототипов (разноуровневых единиц языковой системы и речевых аномалий), а также другие жанровые формы языковой игры, представленные, в частности, в интернет-переписке. Предлагается разделение интернет-мемов на две категории: универсальные — ориентированные на широкую аудиторию, понятные большинству субъектов интернет-общения, и специализированные («элитарные») — намеренно сужающие фокус-группу, в том числе требующие владения специальными знаниями в определенной области. Функционал метаязыковых игр характеризуется как один из факторов рефлексии над содержанием сообщения, углубляющих ассоциативный план его восприятия субъектами интернет-коммуникации. Функциональное перекодирование семантики метаязыковых прототипов в игровом поле осуществляется в соответствии с принципами ассоциативной идентификации, ассоциативного наложения, ассоциативной провокации. В создании рассмотренных мемов наиболее популярной игровой стратегией оказывается отождествление функций, признаков, семантики метаязыковых единиц с внеязыковыми реалиями через семантические стратегии ассоциирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая игра; игровой текст; интернет-коммуникация; Интернет; метаязыковая рефлексия; лингвокреативная деятельность; метаязыковая игра; мемы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Талашманов Сергей Сергеевич, магистрант 1 курса, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: talashmanov96@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 31-37. — DOI 10.26170/pl19-03-03.

Изучение игровых текстов и причин их порождения в современной интернет-коммуникации становится особенно актуальным. Это связано с тем, что интернет-пространство является той коммуникативной «территорией», где ярко проявляется лингвокреативная составляющая речевой деятельности, в частности обусловленная спонтанностью интернет-переписки и свободой творческой самопрезентации субъектов коммуникации при использовании нестандартной формы и/или содержания сообщения.

Интернет-тексты, рассчитанные на обмен информацией, способной заинтересовать и тем более развлечь пользователей,

существенно «модифицированы» в области лексики, графики, орфографии и грамматики, что стало обычным речевым «регистром» виртуального дискурса (где действует негласное «правило» допустимости нарушения всяких «правил»). Происходит выработка такой системы речевого общения, которая диктует специфические, игровые, экспериментальные алгоритмы порождения и употребления знака, позволяющие коммуникантам выйти за пределы стереотипов «строгого» речевого узуса. Названные процессы во многом обусловлены механизмами языковой игры, связанной с «преднамеренным нарушением языкового канона — при понимании

говорящим условности совершаемых речевых ходов, ... в то же время рассчитанных на „опознание“ реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения» [Гридина 1996: 26].

Языковая игра в интернет-дискурсе порождает множество приемов и даже «субязыков», основанных на «деструкции» формы и значения вербальных знаков — таков, в частности, «олбанский» язык, в котором «эрративная гипертрофированность» лексем, намеренное нарушение лексических, грамматических, орфографических и пунктуационных норм реализуют самопрезентативную, фатическую и волюнтаристическую функции интернет-коммуникации (см., например: [Кронгауз 2013]).

Рассматривая языковую игру как «особую форму лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах актуализации и переключения стереотипов употребления, порождения и восприятия словесных знаков» [Гридина 1996], следует подчеркнуть тот факт, что считывание запрограммированного этой стратегией эффекта требует от адресата декодирования «игремы» (вербальной единицы, являющейся продуктом языковой игры [Гридина 1996: 42]) в опоре на опознаваемые параметры лежащего в ее основе прототипа. В качестве таких прототипов могут выступать различные факты языка и речи (конкретные слова, выражения, тексты, в том числе и специальный лингвистический метаязык — орфографические, орфоэпические и акцентологические правила, алгоритмы образования слов и грамматических форм, особенности алфавитов и т. п.).

И продуцирование, и восприятие ассоциативного контекста игремы апеллирует к языковой рефлексии говорящих, т. е. осознанному стремлению к анализу формы и содержания вербальных знаков, «их оценке, соотносению <собственных> оценок с другими, с нормой и узусом» [Шмелёва 1999: 108]. В широком смысле можно говорить об игровом метаязыке как о лингвистической технике деканонизации языкового стандарта (конкретных приемах языковой игры). В узком смысле можно говорить об игровом метаязыке, заменяющем специальное описание какого-либо лингвистического феномена, что приводит к созданию собственно метаязыковых игрем.

Метаязыковая рефлексия в процессе взаимодействия субъектов интернет-коммуникации приобретает специфические функции, что связано с такими характеристиками интернет-пространства, как *анонимность* (отсюда необходимость, например, мотива-

ционной дешифровки никнеймов), *квазисинхронность* (отсроченная ответная реакция субъектов переписки), *интертекстуальность* (прецедентная опосредованность восприятия и передачи смысла сообщения), *отсутствие цензуры и стилистической дифференциации* (см. об этом, например, в работе: [Мечковская 2006: 165—185]).

В свете сказанного продуктивным представляется рассмотрение функционирования в интернет-коммуникации собственно метаязыковых игрем, в основе которых лежит нестандартная (остроумная) интерпретация правил порождения, употребления, функционирования разноуровневых единиц языка, отражающая свободное отношение пользователей Сети к «установлениям» нормы и отрицание лингвистических канонов. В игровом поле метаязыковая игра соотносится со своим прототипом и одновременно включается в сеть новых отношений и связей, создающих ее новый ассоциативный контекст.

Метаязык лингвистического описания нередко становится объектом обыгрывания в жанре интернет-мема. Последний выступает как специфическая «единица культурной информации, объект, который получил популярность — как правило, спонтанно — в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [Щурина 2012: 162]. Эта информация имеет скрытый, провокативный характер, требуя от адресата считывания имплицатур, заданных метаязыковым кодом языковой игры. Собственно говоря, метаязыковой мем — это особый вид «прикола», языковой шутки, продуцирующей эффект обманутого ожидания (см. о трансформации данного смехового жанра традиционной смеховой культуры: [Гридина 2014]). Интернет-мемы с использованием метаязыковых игрем (по их адресации разным группам пользователей Сети) можно условно разделить на две категории: *универсальные* — ориентированные на широкую аудиторию, понятные большинству субъектов интернет-общения, и *специализированные* («элитарные») — намеренно сужающие фокус-группу, ориентированные на интернет-коммуникантов, обладающих достаточно высоким уровнем языковой компетенции и эрудиции, в том числе владеющих специальными знаниями в этой области (в частности, рассчитанные на реципиентов-филологов).

Структура мема чаще всего содержит вербальную и невербальную части. Первая часть — короткий словесный комментарий ко второй части, представленной фотографией, рисунком, схемой, символом и т. п. В нашем случае это соотношение невер-

бального ряда с метаязыковым прототипом, функциональное перекодирование (двузначность восприятия) которого осуществляется в соответствии с такими «конструктивными принципами языковой игры», как «ассоциативная интеграция, ассоциативная идентификация, ассоциативное наложение, ассоциативная выводимость, ассоциативная провокация» [Гридина 1996].

Источником для анализа метаязыковых мемов послужили интернет-чаты, форумы, комментарии популярных в Сети групп, активно использующих данный игровой жанр. Это, в частности, мемы, являющиеся неотъемлемым атрибутом общения субъектов переписки в составе таких групп, как «Филологическая дева» [Филологическая дева [http](http://)] и «Капризный ленгвист» (в интернет-мемах при цитировании сохраняется орфография оригинала) [Капризный ленгвист [http](http://)].

В качестве иллюстрации рассмотрим мемы, в которых обыгрывается специальный метаязык описания единиц грамматического (синтаксического и морфологического) уровней.

Так, невербальный ряд одного из мемов представлен изображением графической схемы сложноподчиненного предложения с придаточным причины (маркированным соответствующими подчинительными союзами):

«[1.], (2. потому что, оттого что, ибо, зачем, что)».

Над схемой надпись в виде вопроса «кто ты в атнашениях?????)()_)00», от которой идут две стрелки к главной и придаточной частям.

В данном случае метафорически обыгрывается сам принцип подчинительной синтаксической связи в сложном предложении, где придаточное «зависит» от главного. Метаязыковая шутка строится на принципе *ассоциативной идентификации*: отношения синтаксического «неравенства» отождествляются с отношениями «главенства (доминирования)» или «подчинения» в межличностных отношениях. Таким образом, субъектам интернет-переписки в шутивно-иронической форме предлагается оценить собственную значимость (прежде всего, разумеется, в отношениях между полами — интимных, дружеских, семейных). Ирония подчеркивается использованием «олбанского» языка (намеренно неверного написания слова *отношения*) и аномального количества графических знаков после надписи, усиливающих эмоциональное побуждение к ответу. Провокационный характер этой шутки ориентирован на активный «отклик» адресата, способного считать смысл заданной метаязыковой аналогии (призыв быть ведущим, а не ведомым) и сделать «правиль-

ный» выбор.

Весьма изобретательно обыгрывается метаязыковой прототип синтаксического уровня и в следующем интернет-меме, невербальный ряд которого представлен изображением сидящего на скамейке и читающего книгу мужчины. Вербальный ряд мема — надпись над рисунком, «поданная» как реплика (прямая речь) персонажа:

«Я в компании себя чувствую как **деепричастный оборот. Обособленно...**» [Я в компании себя чувствую... [http](http://)].

В основе данной метаязыковой игры лежит отсылка к пунктуационному правилу о выделении запятыми обособленного члена предложения (в данном случае деепричастного оборота).

Семантический сдвиг, вызывающий эффект «ассоциативного отождествления», смоделирован подменой синтаксического понятия (*обособленный оборот*) значением однокоренного наречия (о привычках, состоянии человека, который в обществе *держится обособленно*, не принимая его или будучи отвергнутым этим обществом; чувствующим себя некомфортно в компании).

Признак «обособленности» в данном случае выделяет в качестве объекта оценки человека «читающего», не желающего бесцельно тратить время на тусовки.

Креативно обыгрывается в метаязыковых мемах и семантика грамматических категорий, и особенности формообразования слов определенных частей речи. Так, например, значение категории глагольного вида, указывающей на характер протекания действия, и категории залога, обозначающей активное или пассивное отношение субъекта к действию, используются в одном из игровых интернет-мемов как аналог для шутивного уподобления человека глаголу.

«**Не совершенен? Не можешь определиться? Страдаешь? Должно быть, ты — глагол**» (https://vk.com/photo151046990_456245241?rev=1).

Для моделирования метаязыковой игры, описывающей поведение нерешительного человека, используются конструктивный принцип *ассоциативного отождествления* с опорой на грамматические аллюзии:

– краткое прилагательное (**Не совершенен?**) в значении «не достигший совершенства в чем-л.» аллюзивно идентифицируется с семантикой *несовершенного вида* глагола как обозначением незаконченного (незавершенного) действия;

– выражение **Не можешь определиться?** в значении «принимать какое-л. решение, делать выбор» отсылает к терминологическому обозначению инфинитива как *не-*

определенной формы глагола;

– словоформа **Страдаешь?** выступает игровым идентификатором, отождествляющим *страдание* как эмоциональное состояние человека, не способного самостоятельно принять решение, с грамматической семантикой *страдательного залога*;

– базовый игровой идентификатор (*Должно быть, ты — глагол*) выводит на поверхность все описанные выше грамматические имплицатуры, выступая ключом к их декодированию. Заключительная фраза строится по принципу ассоциативной провокации, где категориальная семантика глагола как части речи (обозначение действия в самых разных его проявлениях) подчеркнута еще и возможностью буквального прочтения вводного оборота *должно быть* (с одной стороны, это вывод с оттенком предположительности, иронически характеризующий человека нерешительного, не способного к самостоятельным действиям; с другой стороны, это призыв к потенциальному адресату «изменить» себя, ср. прецедентный смысл гамлетовской фразы *быть или не быть — вот в чем вопрос*).

В целом моделирование и декодирование данной метаязыковой игры основывается на метафорической аналогии между семантикой грамматических категорий глагола и психологическими характеристиками человека.

Иногда подобными метаязыковыми играми на просторах Рунета оказываются грамматические феномены не только русского, но и иностранного (преимущественно английского) языка. См., например, обыгрывание прецедентного текста в следующей трансформе: *«Есть только миг между нашим прошлым и будущим, именно он называется present continuous»* (https://vk.com/photo151046990_456245213?rev=1).

В данном примере обыгрываемым прототипом выступают особенности выражения морфологической категории времени в английском языке, где времена группы *continuous* указывают на действие, длящееся в момент речи в настоящем, прошлом и будущем. Игровой коррелят *Present Continuous* обозначает настоящее длительное время, заменяя собой фрагмент трансформированной (прецедентной) песенной строки: *«Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь»*. Таким образом, *«present continuous»* становится маркером игровой трансформы, актуализируя вместе с введенным в исходный текст местоимением (*нашим прошлым и будущим*) иронический смысл сиюминутности и недолговечности любовных отношений между

партнерами, которые имеют ценность именно «здесь и сейчас».

Популярным принципом моделирования универсальных метаязыковых игр оказывается «ассоциативное наложение», когда отсылка к прототипу создает «эффект двойного смысла фразы (второй ассоциативный план ее восприятия)» [Гридина 2013: 64]. Применительно к грамматической семантике эффект ассоциативного наложения достигается, в частности, обыгрыванием частеречной принадлежности омоформ:

А что, если в названии вина „душа монаха“ слово „душа“ — деепричастие? (https://vk.com/photo151046990_456244931?rev=1).

Комический эффект создается наложением значений совпадающих форм этимологически родственных, но уже не связанных по смыслу существительного и деепричастия, вследствие чего при восприятии названия возникает имплицатура «вино, оказывающее убийственное воздействие на служителей церкви»). Ср. обыгрывание омоформ того же существительного *душа* (в род. п. ед. ч.) и глагола *душить* в повелительном наклонении (форме 2 л. ед. ч.) в составе следующего метаязыкового мема, отсылающего к известной цитате: *«Есть такое прекрасное выражение: „Души прекрасные порывы“. Так вот, „души“ — это глагол»* (https://vk.com/photo151046990_456244927?rev=1).

При этом актуализируется смысл, противоположный исходному прецеденту из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» (ср.: *«Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы»* и *души прекрасные порывы* как «предостережение от проявлений „свободомыслия“, инициативы, очевидно влекущей за собой печальные последствия»). В обоих случаях комический эффект достигается, когда читателю предъявляется грамматический код, нарушающий прогноз «прочтения» словоформы.

Универсальные метаязыковые игры понятны большинству пользователей, изучающих русский язык даже в средней школе, хотя смысловая глубина восприятия игровых имплицатур у участников интернет-общения, безусловно, разная.

В этом отношении особенно показательны игровые мемы, ориентированные на элитарного адресата, преимущественно филолога, владеющего специальными знаниями о языке. Таковы, например, игровые метатексты, порождаемые участниками популярной в социальной сети группы «Филологическая дева» [Филологическая дева <http>]. См., в частности, игровые реплики интернет-переписки, непосредственно отражающие спе-

цифику обучения на филологическом факультете: «ни дня без текста», «у кого бодун, у меня Бодуэн», «парней так много холостых, а я люблю Булгакова» и др.

Рассмотрим некоторые примеры подобных метаязыковых мемов с использованием специальной лингвистической терминологии в качестве игрового элемента экспрессивного разговорного дискурса и молодежного сленга:

Ты мне нужен, как аффиксы связанному корню.

В основе данной игровой трансформы — отсылка к феноменам из области морфематики и словообразования. Функция **связанного корня** (радиксоида), употребляемого **только в сочетании с аффиксами** (ср. *одежда, раздеть, надеть*), в данном случае отождествляется с идеей неразрывной связи между близкими людьми, когда один не может существовать без другого. Ср. ассоциативно всплывающую разговорную фразу с антонимичным значением и отрицательной коннотацией (*нужен /кто — кому/, как собаке пятая нога*), что создает возможность двоякого «прочтения» метаязыкового мема (с одной стороны, связанный корень не может существовать без аффиксов, с другой — именно аффиксы ограничивают «свободу» его самостоятельной реализации). Такая оценочная амбивалентность побуждает адресата языковой игры к углубленной лингворефлексии.

У меня компаратив — у тебя корпоратив. Я в читалку, ты в кабак — нам не встретиться никак!

Данный мем построен на игре созвучных рифмующихся лексем, представленных в ситуативно-оценочной «оппозиции» друг к другу. **Компаратив** как специальный лингвистический термин, обозначающий **сравнительную степень** прилагательного или наречия, становится маркером интеллектуального занятия (получения высшего образования) в противовес ассоциату **корпоратив**, который в данном контексте маркирует ситуацию пустого времяпрепровождения на шумных тусовках с выпивкой (ср. «я в читалку, ты в кабак»). Мем, выражающий несовпадение интересов, выступающий препятствием к встрече, может использоваться и как шутивная форма отказа от общения, и как сожаление по поводу нескладывающихся отношений. Игровой эффект усиливается аллюзией на прецедентный текст (строки из песни О. Газманова «Морячка»: «Ты морячка, я моряк, ...ты на суше, я на море, нам не встретиться никак»), в котором задана обыгрываемая тема.

Игровое поле метаязыкового мема характеризуется ассоциативной многомерно-

стью, которая может создаваться средствами описания единиц разных уровней, моделирующими (часто в совокупности) игровой метатекст. Рассмотрим в дополнение к уже приведенным выше мемам, созданным в рамках интернет-группы «Филологическая дева», пример обыгрывания метаязыка фонетики, проецируемого в область семантики многозначного слова.

Я палатализирую тебя с закрытыми глазами, ты же согласный.

Прототипом данного метаязыкового мема выступает термин **палатализация** как обозначение процесса артикуляции мягких согласных (подъем средней части спинки языка к твердому нёбу). Ср. также исторические процессы палатализации твердых согласных в общеславянском языке (процессы смягчения заднеязычных перед гласными переднего ряда и смягчение разных согласных перед йотом).

Отметим окказиональность формы и значения глагола **палатализовать**, употребление которого в форме 1 л. будущего времени, а также сочетаемость с управляемым местоимением (**палатализирую тебя**) является игровой грамматической аномалией, приобретающей переносный смысл («подчинить кого-л. своему влиянию, вызвать в ком-то интерес к себе; воздействовать на кого-л., сделав его податливым, мягким»). Данная метафорическая пресуппозиция отождествляется с ситуацией «завоевания» девушкой своего избранника, подкрепляясь «ассоциативным наложением» двух значений слова **согласный**: 1) метаязыковое значение «консонантный звук языка, речи»; 2) «дающий, выражающий согласие с чем-/кем-л.». Игровой эффект усиливается использованием фразеологизма «с закрытыми глазами» (делать что-л.) — о том, что не составляет для субъекта никакого труда, отработано до автоматизма (в данном случае это импликатура, намекающая на типовую ситуацию — способность опытной женщины расположить к себе мужчину и склонность мужчины влюбляться в женщин). Ср. в этой связи пушкинское «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад...» («Признание»). И хотя такая аллюзия в данном случае вряд ли имелась в виду создателями мема, нельзя исключить ее появления в сознании «элитарного» адресата.

Отклики пользователей социальной сети на данный мем открывают не только различные нюансы его интерпретации, но и углубляют ассоциативный план метаязыковой рефлексии. Таково, например, стихотворение Насти Волковой «Палатализация» как реакция на проанализированный выше мем:

Ты — **согласный** из **местоимения „мы“**, я — **гласная**, **слог образуется мною**; Но нужен **согласный**... вся на эмоциях — Сердцем от верха до самого донца, **Палатализацию жажду освоить И опыты ставить**, но **только с тобой**, И не различая ни света, ни тьмы На ощупь — вкус — запах **принять этот бой**. Ты — **согласный из местоимения „мы“**. Я — **гласная**... шире и шире осклаблюсь. **Читай по глазам моим: „мы“ — моя слабость**. И вот — в спину метит мне неудача: **Согласный мой стал неподатлив и тверд**. Чего-то, похоже, во мне недостаточно... Дрожу пред тобой, словно спазмы струны — **Расстроена я, не берется аккорд** [Волкова [http](http://)].

В этой стихотворной «реплике» заданная тема получает трактовку не столько шуточно-саркастическую, сколько личностно-интимную, грустно-ироническую. Игровая метарефлексия, заданная ситуативным перекодированием смысла исходных лингвистических терминов (*палатализация* и *согласный*), развивается через отождествление отношений *в паре* с местоимением *мы*, подобных отношениям *двух звуков* в этом слове, где женское начало *в слог* воплощает *гласная*, а мужское — *согласный* (составляющие неразделимое единство). *Палатализация* в данной сюжетобразующей версии игрового текста — это *опыт* испытания чувств (ср. желание лирической героини «смягчить твердость» не готового ответить на ее любовь избранника), стремление к достижению гармонии (полному слиянию, взаимопониманию), когда можно *читать мысли друг друга по глазам*, когда все понятно без слов. Достичь этого *согласия* порой так же трудно, как взять стройный **аккорд**. Последняя фраза обыгрывает многозначность словоформы *расстроена* — о музыкальном инструменте (гитаре) и настроении, чувствах (человека).

Обобщая сказанное, отметим, что специфика метаязыковых игр в полной мере подтверждает тот факт, что «отношения и структуру реального языка (языка-объекта) можно сформулировать на языке символов (метаязыке)» [Барт 1994: 131], и это особенно актуально для различных субязыков Интернета. В интернет-коммуникации при со-

здании метаязыковых игр (мемов) происходит ассоциативное отождествление «языка-объекта» (модели лингвистического описания языковых феноменов) и характеризующих внеязыковых реалий.

Повышенная рефлексия пользователей Сети над содержанием метаязыковых игр, углубляя ассоциативный план восприятия описываемых ими обыденных явлений, выступает как естественный элемент интернет-общения, насыщенный выводимыми оценочными импликатурами.

Метаязыковой аспект интернет-коммуникации — особая зона проявления вербальной креативности, многогранное, сложное явление, некий «симбиоз» представлений о языке в их проекции на сферу социальных и межличностных отношений, отражаемых сознанием пользователей Сети.


ИСТОЧНИКИ

1. Волкова Настя. Палатализация [Электронный ресурс] // Стихи.ру : сайт. 2011. 29 авг. URL: <https://www.stihi.ru/2011/08/29/7614>.
2. Капризный лингвист [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lengvizm>.
3. Филологическая дева [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/ph_maiden.
4. Я в компании себя чувствую... [Электронный ресурс]. URL: <http://vfl.ru/fotos/45a3e8f325978885.html>; https://vk.com/im?sel=201440557&w=history201440557_photo&z=photo151046990_456244289%2Fmail1043731.


ЛИТЕРАТУРА

5. Барт Р. Литература и метаязык // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М., 1994.
6. Гридина Т. А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка // Детская речь как предмет лингвистического изучения : тез. конф. (31 мая — 2 июня 2004). — СПб., 2004.
7. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте : моногр. 3-е изд., испр. и доп. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2013. 254 с.
8. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.
9. Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 34—38.
10. Кронгауз М. Самоучитель олбанского. — М., 2013.
11. Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 165—185.
12. Шмелёва Т. В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1 (8). С. 108—110.
13. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. 2012. № 3.

T. A. Gridina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3993-5164 

S. S. Talashmanov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: — 

 **E-mail:** tatyana_gridina@mail.ru; talashmanov96@mail.ru.

Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic Aspect

ABSTRACT. *The article analyzes the peculiarities of the game-based metalanguage of internet communication. The urgency of research stems from the fact that the internet space is a communication “territory” upon which the linguo-creative component of speech, due to several reasons, and specifically to the spontaneity of written internet communication and freedom of creative self-presentation of communication actors in using non-standard forms and/or norms of communication is saliently displayed. Internet communication provides the system of speech communication dictating specific, language game based, experimental algorithms of generation and usage of a sign allowing the communicators to go beyond the boundaries of the stereotype of “rigorous” speech usage. The article deals with constructive principles and techniques of creation of metalinguistic memes taking into account the prototypes employed (heterogeneous units of the language system and speech abnormalities), as well as other genre forms of language game represented, in particular, in internet messaging. The authors divide internet memes into two categories: universal – oriented towards a broad audience and understandable for the majority of the subjects of internet communication, and specialized (“elite”) – intentionally narrowing the purpose group and thus demanding special knowledge in a certain field. The functionality of metalanguage gamemes is characterized as a factor of reflection on the message content deepening the associative plane of its perception by the subjects of internet communication. Functional re-decoding of the semantics of metalanguage prototypes in the game field is carried out in accordance with the principles of associative identification, associative overlapping, and associative provocation. Identification of the functions, features, and semantics of metalanguage units with extralinguistic phenomena via semantic strategies of association turns out to be a most popular language game strategy in creating the memes under consideration.*

KEYWORDS: language game; language game based text; internet communication; metalanguage reflection; Internet; linguo-creative activity; metalanguage gameme; memes.

AUTHOR’S INFORMATION: Gridina Tat’yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

AUTHOR’S INFORMATION: Talashmanov Sergey Sergeevich, Master’s Degree Student, Institute of Philology, Culture and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gridina, T. A. Language Game in Modern Internet Communication: Metalinguistic Aspect / T. A. Gridina, S. S. Talashmanov // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 31-37. — DOI 10.26170/pl19-03-03.

MATERIALS

1. Volkova Nastya. Palatalization [Electronic resource] // Stikhi.ru : website. 2011. Aug. 29. [Palatalizatsiya // Stikhi.ru : sayt. 2011. 29 avg.]. URL: <https://www.stihi.ru/2011/08/29/7614>. — (In Rus.)

2. Capricious Langvist [Electronic resource] // VKontakte. [Kapriznyy lengvist // VKontakte]. URL: <https://vk.com/lengvizm>. — (In Rus.)

3. Philological Maiden [Electronic resource] // VKontakte. [Filologicheskaya deva // VKontakte]. URL: <https://vk.com/phmaiden>. — (In Rus.)

4. I feel in the company ... [Electronic resource]. [Ya v kompanii sebya chuvstvuyu...]. URL: <http://vfl.ru/fotos/45a3e8f325978885.html>; https://vk.com/im?sel=201440557&w=history201440557_photo&z=photo151046990_456244289%2Fmail1043731. — (In Rus.)

REFERENCES

5. Bart R. Literature and Metalanguage // Selected Works: Semiotics. Poetics / R. Bart. — Moscow, 1994. [Literatura i metazyazyk // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika / R. Bart. — M., 1994]. — (In Rus.)

6. Gridina T. A. Motivational Reflection as a Type of Child’s Metalanguage Activity // Children’s Speech as a Subject of Linguistic Study: theses of conf. (May 31 — June 2, 2004). — Saint Petersburg, 2004. [Motivatsionnaya refleksiya kak vid metazyazykovoy deyatelnosti rebenka // Detskaya rech’ kak predmet lingvisticheskogo izucheniya : tez. konf. (31 maya — 2 iyunya 2004). — SPb., 2004]. — (In Rus.)

7. Gridina T. A. Language Game in the Artistic Text : monograph. 3rd ed., corr. and add. / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterin-

burg, 2013. 254 p. [Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste : monogr. 3-e izd., ispr. i dop. / FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2013. 254 s.]. — (In Rus.)

8. Gridina T. A. Language Game: Stereotype and Creativity : monograph / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 1996. [Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996]. — (In Rus.)

9. Gridina T. A. Jokes of “Russkoye Radio”: New Genres of Media Discourse in the Light of Traditional Humorous Culture // Political Linguistics. 2014. No 2 (48). P. 34—38. [Prikoly «Russkogo radio»: novye zhanry mediadiskursa v svete traditsionnoy smekhovoy kultury // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 34—38]. — (In Rus.)


10. Krongauz M. Tutorial of Albanian. — Moscow, 2013. [Samouchitel’ olbanskogo. — M., 2013]. — (In Rus.)

11. Mechkovskaya N. B. Natural Language and Metalanguage Reflection in the Internet Age // Russian Language in Scientific Coverage. 2006. № 2 (12). P. 165—185. [Estestvennyy yazyk i metazyazykovaya refleksiya v vek Interneta // Russkiy yazyk v nauchnom osvshchenii. 2006. № 2 (12). C. 165—185]. — (In Rus.)


12. Shmeleva T. V. Language Reflection // Theoretical and Applied Aspects of Verbal Communication. 1999. Vol. 18. P. 108—110. [Yazykovaya refleksiya // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya. 1999. Vyp. 1 (8). S. 108—110]. — (In Rus.)

13. Shchurina Yu. V. Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication // Scientific Dialogue. Philology. 2012. № 3. [Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii // Nauchnyy dialog. Filologiya. 2012. № 3]. — (In Rus.)


Е. В. Гуляева


Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1605-8576 

М. В. Макарова

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8160-9517 

И. С. Никитина

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2977-0178 

 **E-mail:** guevgenia@yandex.ru; makarova-mw@yandex.ru; ir-rina07@mail.ru.

Коммуникативные неудачи в речи политиков

АННОТАЦИЯ. Предпринятое исследование посвящено проблеме эффективности деловой коммуникации, в частности анализу факторов и рисков, ведущих к коммуникативным неудачам в политическом дискурсе. В работе рассмотрены теоретические подходы к определению «коммуникативной неудачи», а также лингвистические и экстралингвистические факторы, повлекшие ее за собой. Авторами были проанализированы публичные выступления политических деятелей, результатами которых стали недопонимание между оратором и его аудиторией, негативная оценка профессиональной компетентности политика, снижение его общественного рейтинга среди населения, а в некоторых случаях — конец политической карьеры. Были изучены комментарии пользователей к видео с выступлениями политиков, на основе чего сделан вывод о реакции населения на речевые неудачи говорящего. По итогам проведенного анализа предложена классификация причин коммуникативных неудач, к которым можно отнести неоправданное использование стилистически сниженной лексики, переход на фамильярно-разговорный стиль общения, многословие, лексические и орфоэтические ошибки. Авторами отмечается, что использование стилистически сниженной лексики политиком может быть обусловлено желанием быть ближе к электорату и позитивно воспринимается целевой аудиторией только в том случае, если оратор имеет достаточную риторическую компетентность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативные неудачи; речевые ошибки; политические деятели; политические речи; риторическая компетентность; публичные выступления; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуляева Евгения Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8, e-mail: guevgenia@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Макарова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8, e-mail: makarova-mw@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никитина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8, e-mail: ir-rina07@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гуляева, Е. В. Коммуникативные неудачи в речи политиков / Е. В. Гуляева, М. В. Макарова, И. С. Никитина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 38-45. — DOI 10.26170/pl19-03-04.

В такой сфере делового общения, как политическая коммуникация, особую актуальность приобретает проблема коммуникативных неудач. В процессе устных публичных выступлений политиков на первом плане оказывается не только грамотное владение литературным языком, но и умение достичь поставленных прагматических целей, а именно убедить, воздействовать на потенциальных избирателей. Вербальному выражению политических идей всегда уда-

лялось пристальное внимание. Поэтому слово рассматривается политическими деятелями как инструмент воздействия на общественные массы. Зачастую неудачное выступление вследствие небрежного языкового оформления своих мыслей и идей может обернуться для оратора крахом политической карьеры.

Данная работа направлена на выявление и описание факторов речи, приводящих к коммуникативным неудачам. Материалом

© Гуляева Е. В., Макарова М. В., Никитина И. С., 2019

для исследования послужили тексты интервью и публичных выступлений политических деятелей, на которые последовала ярко выраженная негативная реакция общества.

В последние десятилетия в отечественной лингвистике постепенно складывается понимание коммуникативной неудачи и причин, порождающих это явление, делаются попытки их типологизации [Городецкий 1985; Кънева 1999; Формановская 2002; Полякова 2009; Вечкина 2010; Ермакова, Земская 2014; Кара-Мурза 2012 и др.].

Под *коммуникативной неудачей* традиционно понимают «полное или частичное непонимание или неприятие высказывания партнером по коммуникации, т. е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего» [Кузнецова 2012: 221].

С. Е. Бугрова определяет коммуникативные неудачи «как полное неосуществление коммуникативных намерений партнеров по общению (полное непонимание), манифестируемое отсутствием ожидаемого перлокутивного эффекта и зачастую сопровождаемое отличной от прогнозируемой эмоциональной реакцией, препятствующей дальнейшему развертыванию коммуникативной интеракции» [Бугрова 2012: 23].

Е. С. Кара-Мурза рассматривает коммуникативные неудачи как вариант деструктивного общения, при котором коммуниканты не добиваются взаимовыгодных результатов, ухудшают или разрывают отношения. По мнению исследователей, коммуникативные неудачи обусловлены особенностями социальной и индивидуальной природы человека, а их причины коренятся в устройстве кода — естественного языка с его асимметричностью, в человеческом факторе и в экстралингвистических обстоятельствах: «Основная часть коммуникативных неудач порождена сдвигом в сторону „ухудшения“ понимания коммуникативных намерений говорящего» [Ермакова, Земская 2004: 645].

В представленной концепции коммуникативная неудача рассматривается как первичная слабая форма на шкале конфликтности [Кара-Мурза 2012: 194]. С этим сложно не согласиться, поскольку за последние годы после *неудачных* в коммуникативном плане выступлений, вызвавших шквал негативных отзывов в сети Интернет и получивших широкий общественный резонанс, от занимаемых должностей были отстранены многие политические деятели и государственные служащие. Впоследствии участники этих событий признавались в интервью и

на своих публичных страницах в социальных сетях, что имели в виду совсем иное, что их неправильно или превратно поняли.

Факторы, повлекшие за собой коммуникативные неудачи, можно разделить на два типа: экстралингвистические и лингвистические. К экстралингвистическим причинам можно отнести различия в картинах мира, в национальных и культурных установках участников коммуникации; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов; эмоциональную несдержанность говорящего. Собственно лингвистическими факторами коммуникативных неудач чаще всего являются неверное или неточное словоупотребление (неточности и недосказанности при выражении мыслей); избыточная метафоричность; неустранимая многозначность или омонимия языковых единиц (двусмысленность высказывания); использование непонятных иноязычных слов и терминов; неверный порядок слов; использование очевидных манипулятивных речевых приемов; неразличение паронимов; неуместные окказионализмы; неоправданное многословие; ошибки в интонировании (постановке логического ударения, расстановке внутрифразовых и фразовых пауз); неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др. [Кузнецова 2012: 221].

В процессе естественного общения между людьми неизбежно возникают ситуации, связанные с непониманием, разницей в интерпретации одних и тех же событий, явлений, тем. Чаще всего эти разночтения в процессе коммуникации удается преодолеть. Однако в сфере делового общения, в частности политического, последствия непонимания между оратором (политиком) и его аудиторией (населением) могут быть намного серьезнее. Содержательным признаком политического текста, по мнению А. П. Чудинова, «является отражение в нем деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие социальной и экономической структуры общества». Цель политического текста — «его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей и побуждения граждан страны к определенным политическим действиям» [Чудинов 2008: 33]. По мнению Н. Н. Равочкина, «в политике как искусстве управления государством значительная часть успеха того или иного лидера зависит от его риторической компетентности.

Успешность проводимой политики зачастую зависит от искусно построенной политической коммуникации». Автор отмечает, что «в политическом дискурсе язык — это средство воздействия, вся мощь и богатство которого позволяют обнаружить приоритет ценностной и оценочной (эмоциональной) составляющей перед составляющей фактологической (рациональной). Политический дискурс, будучи чрезвычайно прагматичным, требует от политиков продуманных высказываний, превращая их в „хозяев“ своих слов. Каждое высказывание в политике оказывает конструктивное или деструктивное влияние на ход общественно-политических событий» [Равочкин 2018: 244, 248].

Поэтому коммуникативные неудачи в речи политика не только негативно сказываются на деловой репутации говорящего, ставят под сомнение его профессионализм, но и могут послужить источником конфликта власти и населения. Это находит прямое подтверждение в проанализированных нами выступлениях политических деятелей.

По мнению С. Е. Поляковой, «коммуникативные неудачи в политическом дискурсе порождаются не столько различиями говорящих, сколько прагматическими факторами: желанием уйти от ответа, показать себя с лучшей стороны, очернить соперника, выявить его слабые стороны, спровоцировать на необдуманные высказывания и поступки» [Полякова: 247].

В задачи исследования входил анализ устной звучащей речи, не отредактированной цензорами, журналистами и редакторами печатных СМИ, поэтому материалом для рассмотрения послужили видеозаписи интервью и публичных выступлений политиков, а также ответная реакция пользователей сети Интернет на эти выступления.

В результате проведенного исследования были выявлены причины коммуникативных неудач, которые можно разбить на следующие группы.

1. Орфоэпические и лексические ошибки.

Устная речь определяет уровень образованности человека. Политические деятели представляют лицо своей страны, к их выступлениям приковано пристальное внимание, в связи с чем публичные высказывания должны быть примером владения русским языком.

Однако политические и государственные деятели РФ нередко допускают в своей речи грубые ошибки, которые грамотному человеку невозможно не заметить.

Приведем несколько примеров.

Владимир Мединский, министр культуры РФ, высказываясь о несостоятельности мифов о русских и России, заявил: *Мы знаем,*

*что наш народ самый пьющий, потому что именно поэтому **приняли** христианство...* [Владимир Мединский - Правдивые мифы о России]. Акцентологическая ошибка (*приняли христианство*) из уст министра культуры негативно влияет на репутацию министра.

Александр Беглов, врио губернатора Санкт-Петербурга, в телеинтервью заявил: *«Осталось **меньше пятьсот дней до ЕВРО-2020**»; «Первый матч состоялся в **тыща восемьсот... году**».* В данном высказывании очевидно неправильное употребление и произнесение чиновником числительных (*«меньше пятьсот дней» вместо «меньше пятисот дней», «тыща» вместо «одна тысяча»*).

Сергей Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», высказался о привлечении уличных художников к благоустройству городских территорий во время выступления на парламентских слушаниях о молодежной политике в Госдуме: *«Есть, кстати, интересный пример. То, что называется **артрит**. То, что рисуют граффити. Когда это было стихийно, мы видели бетонные заводы вдоль железных дорог, но во многих городах решили, а почему бы не использовать, и унылые серые кварталы расцвели.* В данном высказывании слово *артрит* употреблено в несвойственном ему значении, а точнее, как можно догадаться из контекста, имеет место смешение слов, близких по звучанию, по мнению С. Миронова: «артрит» (болезнь суставов) и «стрит-арт» (уличное изобразительно искусство). Данная ошибка искажает смысл высказывания, а также свидетельствует о недостаточной осведомленности политика в области обсуждаемого вопроса и наводит на размышления о его компетентности в вопросах молодежной политики.

2. Многословие.

Зачастую чиновникам не удается четко структурировать свое высказывание и лаконично донести свою мысль до целевой аудитории или интервьюера, в связи с чем речь оказывается перегруженной языковыми средствами, не несущими смысловой нагрузки, что затрудняет восприятие высказывания слушающим и неизбежно приводит к коммуникативной неудаче.

Приведем пример. Владимир Мутко, министр спорта РФ, на вопрос журналиста о том, кто несет ответственность за провал сборной России по футболу на чемпионате мира — 2016 и готов ли министр после таких плачевных результатов уйти в отставку, ответил следующее:

Я сейчас готов взять всю ответственность на себя и сказать, что я го-

тов ее, в принципе, взять на себя.

Естественно, безусловно, надо понимать, что в развитии физической культуры не только спорт высших достижений, конечно, мы сосредоточены. Здесь такая отрасль, кого ни посади, вы будете в отставку отправлять, там, после каждого чемпионата... Вы не найдете ни одну... рода человеческой деятельности... вот, вы понимаете, не хочу приводить другие отрасли, нет мерила ответственности. Здесь вот на Олимпиаду поехали, условно, результат такой... [Что должно произойти, чтобы Мутко подал в отставку?!].

Данные высказывания перегружены синонимичными вводными конструкциями (в принципе, естественно, безусловно, конечно, условно, там), предложения лишены четкой структуры, отсутствует логичность и последовательность изложения, говорящий начинает новое предложение, не закончив предыдущую мысль, что в целом утяжеляет восприятие информации адресатом.

Очевидно, что понимание слушающими таких высказываний осложнено вследствие языковых трудностей, испытываемых говорящим.

3. Фактические ошибки.

В одном из интервью Владимир Мединский, министр культуры, сказал: *Я хорошо помню. Я где-то был в командировке, в Свердловской области, город Магнитогорск...* [Мединский - министр культуры из Средневековья]. Комментарии к видеозаписи данного интервью свидетельствуют о ярко выраженной негативной оценке граждан, указывающих министру на то, что город Магнитогорск находится в Челябинской области.

4. Употребление стилистически сниженной лексики.

По частотности среди прочих причин коммуникативных неудач первое место занимает использование государственными деятелями стилистически сниженной лексики, что может быть обусловлено рядом причин. Например, желание быть «ближе к народу» ведет к умышленному употреблению стилистически сниженной лексики.

Возможно, именно эта интенция лежит в основе высказывания министра культуры РФ В. Мединского, заявившего, что министерство культуры не будет финансировать проекты, которые дискредитируют образ России: *Мы не считаем правильным на деньги налогоплательщиков финансировать те проекты, которые оплевывают выбор налогоплательщиков, ну, просто, не то чтобы они критикуют власть... Выбор налогоплательщиков, который берут и оплевывают и снимают кино по принципу Рашка-говняшка*

[Мединский про "Рашку-говняшку"].

Употребив сниженную лексику, министр, вероятно, рассчитывал установить контакт с аудиторией, однако его высказывание получило широкий общественный резонанс и вызвало очередную волну негативной критики власти, о чем свидетельствует множество осуждающих комментариев пользователей под видео, содержащим публичную речь В. Мединского («*Это какой-то позор»; «И это министр КУЛЬТУРЫ РОССИИ!!! Вот до чего скатилась за 15 лет русская культура — УЖАС!»*).

Среди других возможных причин публичного использования чиновниками стилистически сниженной лексики можно назвать излишнюю эмоциональность, граничащую с агрессией, вызванную неадекватной реакцией на острые вопросы интервьюера.

Замешательство или недовольство неожиданным вопросом приводит к тому, что чиновник испытывает нехватку языковых средств для правильного и подходящего выражения своих мыслей по обсуждаемой проблеме. Именно в такой ситуации губернатор Калининградской области Антон Алиханов на вопрос: «Почему правительство области не собирается возвращать компенсации за детский сад?» — ответил: «*По кочану*». Несмотря на то, что позже губернатор объяснил свою позицию журналистам, данный ответ был широко растиражирован, вызвал волну возмущения в сети Интернет и занял одно из первых мест в рейтинге примеров хамства чиновников.

Недостаточный для публичного деятеля словарный запас не единственная причина коммуникативных неудач с использованием сниженной лексики. Нашумевшие истории последних лет с участием политических деятелей показывают совершенное незнание чиновниками реалий жизни среднестатистического человека, социальный разрыв между «слугами народа» и обществом.

Гасан Набиев, депутат Волгоградской областной думы, на заседании по вопросу социальных доплат к пенсиям, допустил высказывание, содержащее отождествление понятий «*малоимущий*» — «*алкаш*», «*тунеядец*», «*ненормальный человек*», возмущив общественность своим хамством, некомпетентностью и незнанием вопросов социальной политики РФ, что находится в резком противоречии с занимаемой им должностью: *Малоимущий... Да он сам себе создал малоимущим стал! Он мог бы стать нормальным человеком... Когда люди нормально работали и получали нормальную зарплату... Ихняя пенсия сёдня, ихняя, которая создана после тех годов, получают те тунеядцы и алкаши...*

И поэтому у них 8000 рублей [Волгоградский депутат приравнял малоимущих пенсионеров к тунеядцам]. Более того, высказывание Гасана Набиева сложно назвать грамотным, поскольку в нем использованы просторечия и разговорные выражения (*ихняя, сёдня, алкаши*), не соответствующие нормам официально-делового стиля русского литературного языка. Речевой провал Г. Набиева стоил ему членства в партии «Единая Россия». Выступление политика вызвало волну возмущения среди населения и было расценено как прямое оскорбление пенсионеров. Волгоградское отделение «Единой России» принесло извинения за неподобающее высказывание и пообещало, что рассмотрением данного вопроса займется комиссия партии по этике. После того, как это высказывание было освещено на различных информационных каналах, Набиев извинился за произнесенные им неуместные выражения. Объясняя свои слова, политик утверждал, что его поняли неправильно, превратно, что он в качестве примера рассматривал подобную ситуацию, происходившую на его предприятии, подчеркивая, что из-за прежней пенсионной системы люди, которые работали «не покладая рук», и те, кто «работал мало», сейчас получают «практически одинаковую и довольно скромную пенсию». Однако эту мысль политик не смог донести ни до коллег, ни до граждан.

За аналогичные высказывания была отстранена от занимаемой должности Ольга Глацких, директор Департамента молодежной политики Свердловской области. На встрече с молодежью чиновница заявила: *...вам государство вообще в принципе ничего не должно, вам должны ваши родители, потому что они вас родили. Государство их не просило вас рожать* [Сапегин 2018]. Коммуникативная неудача в данном случае вызвана тем, что чиновница перешла на фамильярно-разговорный, обиходно-бытовой стиль общения, что совершенно недопустимо для сферы политической коммуникации.

Министр труда, занятости и миграции Саратовской области Наталья Соколова, рассуждая о минимальной стоимости продуктовой корзины, переходит на фамильярно-разговорный стиль общения, допуская помимо этого очевидную подмену тезиса и используя только психологические аргументы: *Макарошки стоят всегда одинаково. А кефир? Все равно это очень дешево. Вы верующий человек? А то есть 40 дней поста, и все становятся только здоровее* [Саратовский министр поплатилась местом...]. Данное высказывание также получило широкий общественный резонанс, и

Н. Соколова была отстранена от занимаемой должности.

Леонид Маркелов, исполняющий обязанности главы Марий Эл, в 2015 г. на торжественной церемонии открытия нового дома культуры возмутился, что жители поселка недостаточно хорошо приняли его: *Меня так плохо первый раз принимают. Нигде так не было, чтобы ворчали, ворчали, рычали. Везде „спасибо“ говорили. Ну, наверное, мне тоже стоит повернуться к вам тем местом, которым вы ко мне повернулись, да? Закрывать все и уехать. И дорогу раскопать. Не верите, что я раскопаю дорогу? И будете три года ждать.* Фамильярный тон высказывания чиновника подчеркивает различие социальных статусов между говорящим и адресатом, указывает на ощущение превосходства, власти говорящего над его аудиторией и неизбежно ведет к речевому провалу, формируя у граждан негативное отношение к личности данного политика и власти в целом.

Нередко стилистически сниженная лексика используется государственными служащими намеренно, с целью эмоционального воздействия на слушателя, демократизации языка, демонстрации «близости к народу», поддержания имиджа. Президент РФ В. Путин допускает использование разговорных и эмоционально окрашенных слов в своих заявлениях, но он четко осознает цель и конечный результат такого отступления от норм языка. Так, реагируя на слова директора Нижнетагильского завода, не платившего зарплату рабочим в течение нескольких месяцев и заявившего, что ситуация не изменится, пока к нему не обратится президент, Путин, демонстрируя поддержку, оказываемую работникам предприятия, и недовольство как главы государства действиями своего подчиненного, употребляет в его адрес эмоционально окрашенное слово разговорного стиля: *Надо понять, если это так, то откуда такая борзота и такое хамство по отношению к людям* [<https://www.youtube.com/watch?v=vyrwfeXlCh>]

Отвечая на упрек по поводу отсутствия союзников у России в противовес большому количеству союзников у США, В. Путин повышает эмоциональный уровень высказывания и демонстрирует свое негативное отношение к предмету разговора, употребляя разговорные выражения («хрена — с два», «начали всех подтягивать»): *Вот приняли решение по Афганистану, но кто-нибудь посоветовался с союзниками, о том, что нужно делать? Хрена — с два. Удар нанесли, а потом начали всех подтягивать — кто не с нами, тот против нас. Это что?*

Союзничество? [<https://www.youtube.com/watch?v=0iPCRfUR150>].

В своей речи В. Путин успешно применяет речевые тактики ухода от ответа. В интервью журналистке NBC на просьбу прокомментировать заявление сотрудника администрации президента по кибервопросам В. Путин предлагает адресовать этот вопрос непосредственно ему, так как он не может контролировать заявления всех сотрудников, и приводит следующий пример: *Вот Песков сидит напротив, мой пресс-секретарь, он несет иногда такую пургу, я смотрю по телевизору и думаю, чего он там рассказывает...* [Путин рассказал, что иногда Песков "несет пургу"]. Разговорный фразеологизм *нести пургу* используется президентом для усиления экспрессивности, показывает, что В. Путин сам не всегда доволен высказываниями своих сотрудников и не хочет отвечать за необдуманные слова, произнесенные ими.

Позитивно целевой аудиторией воспринимаются экспрессивно и стилистически окрашенные высказывания В. Жириновского, доказательством чему могут служить многочисленные одобряющие комментарии под видео с выступлениями данного политика.

Так, осуждая действия некоторых политиков, В. Жириновский допускает следующее высказывание: *В Гоголь-центре прошла очередная тусовка наших гламурных девушек, юношей и некоторых депутатов, вот, со „Справедливой России“. Сожрали 35 килограммов икры черной! Это 3 млн. рублей стоит. Это маленькая закусочка. Ну, человек 10 их собралось: 3 депутата, 3 актера полуголых, 3 сына олигархов и т. д.* [<https://www.youtube.com/watch?v=JfDghQ3199>]. Используя стилистически сниженную лексику в данном контексте, В. Жириновский демонстрирует близость к электорату, осуждая огромные суммы, которые чиновники позволяют себе тратить на развлечения. Подобные высказывания, содержащие разговорно-просторечную лексику в сочетании с сарказмом, представляют собой особый стиль речи данного политика, так называемый «элемент» его коммуникативной политики, который он использует для более эффективного воздействия на целевую аудиторию.

Следует отметить, что положительного результата от употребления стилистически сниженной лексики в своей речи может достичь только опытный спикер и блестящий оратор, имеющий хорошую репутацию, владеющий всеми нормами языка и четко осознающий цель выступления и реакцию аудитории на его высказывания. Однако далеко

не все политические деятели могут уместно использовать разговорную и эмоционально окрашенную лексику в публичных выступлениях. Как показало исследование, зачастую попытки снижения стиля речи государственных служащих приводят к коммуникативным неудачам и провалам.

Таким образом, проанализированные в рамках предпринятого исследования тексты выступлений политических деятелей позволяют сделать следующие выводы:

1) коммуникативные неудачи в политическом дискурсе неизбежно ведут к конфликту власти и общества, влияют на оценку профессиональной компетентности политика, негативно сказываются на его деловой и личной репутации;

2) наиболее частотными факторами коммуникативных неудач в политическом дискурсе являются неоправданное использование стилистически сниженной грубой лексики; переход на фамильярно-разговорный стиль общения; речевые ошибки, вызванные многословием;

3) к числу факторов, повышающих эффективность деловой коммуникации, безусловно, следует отнести риторическую компетентность политиков: умение аргументированно выражать свою позицию, грамотно используя весь спектр языковых и стилистических средств русского литературного языка. Следовательно, данная компетенция должна рассматриваться как обязательная для профессиональной подготовки политиков.

ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Мединский - Правдивые мифы о России [Электронный ресурс] // Youtube. 2013. 1 янв. URL: <https://youtu.be/btr6KwRTRR0>.
2. Волгоградский депутат приравнял малоимущих пенсионеров к туеядцам [Электронный ресурс] // Вести.ру. 2019. 7 марта. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/790727/#>.
3. Мединский - министр культуры из Средневековья [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 11 дек. URL: <https://youtu.be/N3MOOqS4aKs>.
4. Мединский про "Рашку-говняшку" [Электронный ресурс] // Youtube. 2014. 11 дек. URL: <https://youtu.be/hhieKz5vmrw>.
5. Путин рассказал, что иногда Песков "несет пургу" - Россия 24 [Электронный ресурс] // Youtube. 2018. 10 марта. URL: https://youtu.be/xe_XXDABcBs.
6. Сапегин А. Оскандалившаяся чиновница пожаловалась на «трикопеечную» зарплату [Электронный ресурс] // Вести.ру. 2018. 5 нояб. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/775832/#>.
7. Саратовский министр поплатилась местом за слова о прожиточном минимуме [Электронный ресурс] // Вести.ру. 2018. 12 окт. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/772302/#>.
8. Что должно произойти, чтобы Мутко подал в отставку?! Ответ самого Мутко [Электронный ресурс] // Youtube. 2016. 29 июн. URL: <https://youtu.be/-1u5pRZcIFo>.

ЛИТЕРАТУРА

9. Бугрова С. Е. Основные подходы к изучению и типологизации коммуникативных неудач // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2012. Вып. 20. С. 22—30.
10. Вечкина О. В. Коммуникативные неудачи в повседневно-

ном речевом общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2010.

11. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. — Новосибирск, 1985.

12. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Слово. Язык. Деятельность / Е. А. Земская. — М., 2014. С. 601—647.

13. Кара-Мурза Е. С. Конфликтные модусы общения: коммуникативная неудача, конфликт, речевое преступление // Проблемы речевого общения : тезисы докладов междунар. конф. «Десять Шмелевских чтений» (24—26 февр. 2012 г.). — М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 193—202.

14. Кузнецова А. А. Коммуникативная неудача // Эффек-

тивное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник : электр. изд. / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2014. С. 221.

15. Кънева Н. К. Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 1999. 19 с.

16. Полякова С. Е. Прагматически обусловленные коммуникативные неудачи в политическом дискурсе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер.: Языкознание. 2009. С. 244—247.


17. Равочкин Н. Н. Особенности политического дискурса // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 3. С. 244—250.

18. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М. : Русский язык, 2002. 216 с.

19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 4-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.


E. V. Gulyaeva

Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1605-8576 


M. V. Makarova


Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8160-9517 

I. S. Nikitina

Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2977-0178 

 **E-mail:** guevgenia@yandex.ru; makarova-mw@yandex.ru; ir-rina07@mail.ru.

Communicative Failures in the Speech of Politicians

ABSTRACT. *The study is devoted to the problem of efficiency of business communication, and specifically, to the analysis of factors and risks leading to communicative failures in political discourse. The paper considers theoretical approaches to the definition of a "communicative failure", as well as linguistic and extralinguistic factors that lead to it. The authors have analyzed public speeches of politicians, which resulted in misunderstanding between the speaker and their audience, negative assessment of professional competence of the politician and their public rating decrease among the population, and, in some cases, the end of their political career. The comments of users to video speeches of politicians have been studied, on the basis of which the conclusion about the reaction of the population to speech failures was made. On the basis of the results of the given analysis, the authors suggest a classification of the causes of communicative failures which include the unjustified use of vocabulary of lower style, the switch to slangy style of communication, pleonasm, and lexical and orthoepic errors. The authors note that the use of vocabulary of lower style by a politician may be determined by the desire to be closer to the people and is positively perceived by the target audience only if the speaker has sufficient rhetorical competence.*

KEYWORDS: *communicative failures; speech errors; politicians; political speeches; rhetorical competence; public speeches; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gulyaeva Evgeniya Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Makarova Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikitina Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd Institute of Management-branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.*

FOR CITATION: *Gulyaeva, E. V. Communicative Failures in the Speech of Politicians / E. V. Gulyaeva, M. V. Makarova, I. S. Nikitina // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 38-45. — DOI 10.26170/pl19-03-04.*

MATERIALS

1. Vladimir Medinsky - True Myths about Russia [Electronic resource] [Vladimir Medinsky - Pravdivye mify o Rossii] // Youtube. 2013. 1 Jan. URL: <https://youtu.be/btr6KwRTRR0>.

2. Volgograd Deputy Equated Low-income Pensioners to Parasites [Electronic resource] [Volgogradskiy deputat priravnal maloimushchikh pensionerov k tuneyadtsam] // Vesti.ru. 2019. 7 March. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/790727/#>.

790727/#.

3. Medinskiy - Minister of Culture from the Middle Ages [Electronic resource] [Medinskiy — ministr kul'tury iz Srednevekov'ya] // Youtube. 2014. 11 Dec. URL: <https://youtu.be/N3M0OqS4aKs>.

4. Medinskiy about "Rashka-govnyashka" [Electronic resource] [Medinskiy pro "Rashku-govnyashku"] // Youtube. 2014. 11 Dec. URL: <https://youtu.be/hhieKz5vmrw>.

5. Putin Said that Sometimes Peskov "Bears a Snowstorm" - Russia 24 [Electronic resource] [Putin rasskazal, chto inogda Peskov "neset purgu" - Rossiya 24] // Youtube. 2018. 10 March. URL: https://youtu.be/xe_XXDABcBs.

6. Sapegin A. The Ousted Bureaucrat Complained about the "Three-wheeler" Salary [Electronic resource] [Oskandalivshaya-sya chinovnitsa pozhalovalas' na «trikopeeshnuyu» zarplatu] // Vesti.ru. 2018. 5 Nov. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/775832/#>.

7. Saratov Minister Paid a Place for the Words about the Subsistence Minimum [Electronic resource] [Saratovskiy ministr poplatilas' mestom za slova o prozhitochnom minimume] // Vesti.ru. 2018. 12 Oct. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/772302/#>.

8. What should Happen to Mutko Resigned?! The Answer Itself Mutko [Electronic resource] [Chto dolzhno proizoyti, chtoby Mutko podal v otstavku?! Otvet samogo Mutko] // Youtube. 2016. 29 Jun. URL: <https://youtu.be/-1u5pRZciFo>.

REFERENCES

9. Bugrova S. E. Basic Approaches to the Study and Typology of Communicative Failures // Proceedings of Nizhniy Novgorod State Linguist. Univ. n. a. N. A. Dobrolyubov. 2012. Vol. 20. P. 22—30. [Osnovnye podkhody k izucheniyu i tipologizatsii kommunikativnykh neudach // Vestn. Nizhegorod. gos. lingvist. un-ta im. N. A. Dobrolyubova. 2012. Vyp. 20. S. 22—30]. — (In Rus.)

10. Vechkina O. V. Communicative Failures in Everyday Verbal Communication : synopsis of a thesis ... Cand. of Philol. Sciences. — Saratov, 2010. [Kommunikativnye neudachi v povsednevnom rechevom obshchenii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Saratov, 2010]. — (In Rus.)

11. Gorodetskiy B. Yu., Kobozeva I. M., Saburova I. G. On the Typology of Communicative Failures // Dialogic Interaction and Knowledge Representation. — Novosibirsk, 1985. [K tipologii kommunikativnykh neudach // Dialogicheskoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy. — Novosibirsk, 1985]. — (In Rus.)

12. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. To the Construction of a Typology of Communicative Failures (on the Material of the Natural Russian Dialogue) // Word. Tongue. Activity / E. A. Zemskaya. — Moscow, 2014. P. 601—647. [K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) // Slovo. Yazyk. Deyatel'nost' / E. A. Zemskaya. — M., 2014. S. 601—647]. — (In Rus.)

13. Kara-Murza E. S. Conflict Modes of Communication:

Communicative Failure, Conflict, Speech Crime // Problems of Speech Communication: theses of reports of Internat. conf. "The Tenth Shmelev Readings" (February 24-26, 2012). — Moscow : In-t of Rus. Lang n. a. V. V. Vinogradov of Rus. Acad. of Sciences, 2012. P. 193—202. [Konfliktnye modusy obshcheniya: kommunikativnaya neudacha, konflikt, rechevoe prestuplenie // Problemy rechevogo obshcheniya : tezisy dokladov mezhdunar. konf. «Desyatye Shmelevskie chteniya» (24—26 fevr. 2012 g.). — M. : In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2012. S. 193—202]. — (In Rus.)

14. Kuznetsova A. A. Communicative Failure // Effective Speech Communication (Basic Competences): a Reference Dictionary: electr. ed. / ed. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Siberia Publ. House. Fed Univ., 2014. P. 221. [Kommunikativnaya neudacha // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slovar'-spravochnik : elektr. izd. / pod red. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Izd-vo Sibir. fed. un-ta, 2014. S. 221]. — (In Rus.)

15. K"neva N. K. An Integral Approach to the Problem of Communicative Failures : synopsis of thesis ... Cand. of Philol. Sciences. — Tver, 1999. 19 p. [Integral'nyy podkhod k probleme kommunikativnykh neudach : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Tver', 1999. 19 s.]. — (In Rus.)

16. Polyakova S. E. Pragmatically Conditioned Communicative Failures in Political Discourse // Proceedings of Herzen State Ped. Univ. Ser.: Linguistics. 2009. P. 244—247. [Pragmatically obuslovlennye kommunikativnye neudachi v politicheskom diskurse // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. Ser.: Yazykoznanie. 2009. S. 244—247]. — (In Rus.)

17. Ravochkin N. N. Features of Political Discourse // Proceedings of Kostroma State Univ. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 244—250. [Osobennosti politicheskogo diskursa // Vestn. Kostrom. gos. un-ta. 2018. T. 24. № 3. S. 244—250]. — (In Rus.)

18. Formanovskaya N. I. Speech Communication: a Communicative-pragmatic Approach. — Moscow : Russian Language, 2002. 216 p. [Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod. — M. : Russkiy yazyk, 2002. 216 s.]. — (In Rus.)

19. Chudinov A. P. Political Linguistics : teaching aid. 4th ed. — Moscow : Flinta : Science, 2012. 256 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 4-e izd. — M. : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.]. — (In Rus.)

С. Ж. Ергалиева

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Казахстан
ORCID ID: 0000-0003-2832-6996

Н. В. Мельник

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9390-5842

E-mail: samal17.12@mail.ru; saikova@mail.ru.

Лингвоперсонологический потенциал политических интернет-комментариев

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию российских и казахстанских политических интернет-комментариев в текстодериватологическом и лингвоперсонологическом аспектах, в результате анализа которых выявлено, что на порождение казахстанских интернет-комментариев влияют преимущественно объективные текстовые факторы, а российских — субъективные. Приняв за основу для классификации критерии содержания, формы и функции вторичного текста, мы выделили параметры текстопорождения внутри субъективной (персонной) и объективной (текстовой) стратегий текстовой деятельности. Показатель субъективности проявляется через ассоциативность, эмоциональность, домысливание, а показатели объективности — через ключевые слова, копильность содержания, копильность формы. Сравнение российских и казахстанских интернет-комментариев с исходным текстом политической статьи позволило выявить типы сочетаемости тактик в речевой деятельности виртуального комментатора, в результате чего сам набор реализуемых стратегий и тактик послужил основой речевого портретирования. В итоге выделяется три типа интернет-комментаторов — реализующих: 1) персонную стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 2) текстовую стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 3) обе названные стратегии. Отличия опредмечиваются в продуктах речевой деятельности — текстах интернет-комментариев — и выявляются с помощью приемов текстодериватологического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность; лингвоперсонология; интернет-комментарии; текстодериватология; портретирование; текстопорождение; политический дискурс; политические деятели; русский язык; казахский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ергалиева Самал Жанаткызы, преподаватель кафедры иностранных языков, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова; 140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64; e-mail: samal17.12@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мельник Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: saikova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ергалиева, С. Ж. Лингвоперсонологический потенциал политических интернет-комментариев / С. Ж. Ергалиева, Н. В. Мельник // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 46-53. — DOI 10.26170/pl19-03-05.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

Изучение языковой личности, разработка методик ее исследования — важные задачи современной лингвистики, в частности лингвистической персонологии (лингвоперсонологии; термин был введен в научный обиход В. П. Нерознаком [Нерознак 2003; Лингвоперсонология... 2009]). По мнению В. П. Нерознака, задачей лингвоперсонологии является исследование языка как индивидуальной (частночеловеческой, идиолектной), так и коллективной (многочеловеческой, полилектной) личности. В настоящее время активно развивается лингвополитическая персонология [Чудинов 2018а, 2018б] и появляется много работ, выполненных в этом русле, например, политический дискурс

Барак Обама подробно освещен в монографии Р. Т. Садуова, региональная личность политика описана в работах М. В. Никифоровой [Никифорова 2016].

В рамках нашего исследования мы соприкасаемся с направлениями политической лингвистики, изучающей отдельные политические жанры, идиостиль отдельных политических лидеров, политических направлений и партий [Чудинов 2008: 29], но при этом учитываем и то, что, согласно А. П. Чудинову, «каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации» [Чудинов 2008: 6], а потому строим свои исследования на материалах

ле интернет-комментариев к статьям политической проблематики, которые оставляют рядовые пользователи Сети.

Так, в диссертации М. В. Бец, посвященной виртуальной языковой личности в интернет-комментариях к политическим текстам, исследуется «соотнесенность ценностного потенциала исходного текста и аксиологических установок виртуальной языковой личности, реализуемых в комментариях» [Бец 2013: 6]. В данном направлении работает и И. В. Савельева, которая изучает вариативные стратегии (холистическую и элементаристскую и соответствующие им тактики) текствосприятия и текстопорождения виртуальной языковой личности в политических интернет-комментариях. Нельзя не согласиться с мнением автора, утверждающего, что данные стратегии «определяются внутренними ментальными процессами, активно влияющими на характер текстовой деятельности» [Савельева 2013: 178]. Соотнося холистическую и элементаристскую стратегии внутри текста интернет-комментария, И. В. Савельева описывает следующие типы (текстообразы) виртуальной языковой личности: глобалист, конкретизатор, аналитик, синтезатор [Там же: 174].

В ходе нашего исследования виртуальная языковая личность реконструируется на основе произведенных ею политических интернет-комментариев, в которых проявляются ее языковые способности в собственно-лингвистическом и ментально-психологическом планах. Объектом данного исследования являются тексты политических российских и казахстанских интернет-комментариев, его цель — сравнение вариативных стратегий текстопорождения российских и казахстанских политических интернет-комментариев в лингвоперсоналогическом аспекте, а также портретирование языковой личности российского и казахстанского комментатора.

Решение поставленных задач потребовало использования комплекса методов, включающих метод лингвистического описа-

ния, метод сопоставительного анализа, элементы методик лингвоперсоналогического и дериватологического анализа текста, а также количественную обработку данных. Материалом исследования послужили тексты российских и казахстанских интернет-комментариев к статьям политической проблематики, размещенные на информационных порталах *Gazeta.ru*, *Politrussia.com*, *Segodnya.ru*, *Nur.kz*, *Newtimes.kz*, *Zakon.kz*, *Total.kz*, *Dixinews*.

Исследование проводится с использованием методики текстодериватологического анализа производных текстов, анализируемых в формальном, содержательном и функциональном планах. При этом текст рассматривается как носитель потенциала деривационного функционирования, в работе акцентируется «вариативность реализации деривационного потенциала текста, которая опредмечивается во множестве производных (вторичных) текстов» [Мельник 2014: 14]. Данная методика позволяет выявить факторы текстопорождения политических интернет-комментариев (текстовый и персонный), а также определить примененные комментатором тактики. Результаты анализа представлены в таблице 1.

В ходе исследования были определены две стратегии текстопорождения, реализуемые различными авторами при написании комментариев — персонная и текстовая [Ергалиева, Мельник 2018]; однако зачастую в текстах проявляется смешение стратегий и тактик. Использование разных типов сочетаемости тактик отдельным комментатором, набор примененных им стратегий и тактик могут быть положены в основу речевого портретирования. В итоге можно говорить о трех типах интернет-комментаторов — реализующих: 1) персонную стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 2) текстовую стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 3) обе названные стратегии. В настоящей статье охарактеризуем и проанализируем эти типы.

Таблица 1

Параметры текстопорождения политических интернет-комментариев

Текстопорождение интернет-комментариев	
Текстовые	Персонные
Ключевые слова	Ассоциативность
Копиальность содержания	Эмоциональность
Копиальность формы	Домысливание

1. Интернет-комментаторы, предпочитающие персонную стратегию текстопорождения

Рассмотрим языковую личность комментатора под ником **Дмитрий Брызгалов** на сайте *Politrussia.com*. В его оценочных интерпретациях доминируют персонные факторы, которые проявляются в использовании тактик ассоциативности, эмоциональности и домысливания. Рассмотрим ряд его интернет-комментариев, оставленных к тексту «Путин заявил, что считает результат „Единой России“ на выборах хорошим»:

а) *Днище просто. Осталось конституцию в порядок привести, и мы пробьем дно.* Комментатор под ником **Дмитрий Брызгалов** делает свои выводы по проблеме, заявленной в первичном тексте. Комментатора не устраивают результаты выборов, о чем он и сообщает, используя тактику эмоциональности, тем самым провоцируя к конфликту других виртуальных собеседников. Его текст носит персонный характер: комментатор строит его, исходя из субъективных представлений, выражая негативное отношение к содержанию политического текста;

б) *Это зерно и так подмешивают в дешевые сорта хлеба. И? Да, действительно, есть хлеб низшего качества. А есть высшего. При чем тут ЕР? Кстати, есть водка за 200Р, а есть за 1000Р. Есть молоко за 38Р, а есть за 100Р. И что? Или вы думаете, что сейчас все будут делать хлеб из муки 5го сорта и продавать его как высший сорт? У Вас либо с головой беда, либо в ценоопределении ничего не понимаете, либо состав читать не умеете, либо вы такой же москвич, как я американец.* Языковая личность **Дмитрий Брызгалов** реагирует на тексты комментариев виртуальных собеседников, перешедших с вопросов выборов в России на проблемы качества и цены зерна. **Дмитрий Брызгалов** переходит вслед за другими комментаторами к обсуждению вопроса использования зерна, но, кроме того, он также говорит о качестве продукта, домысливая эту проблему по своему, при этом он приводит примеры других продуктов и — находя собственный ракурс темы — обосновывает величину цены продуктов их качеством; всё это указывает на использование комментатором тактики домысливания. Его рассуждения сопровождаются риторическими вопросами, в которых присутствует эмоционально-оценочная лексика.

Приведем еще один пример интернет-комментария **Дмитрия Брызгалова**, оставленного в ответ на другой политический текст «Пилот исландского пассажирского самолета испугался российских бомбардировщиков»:

Тяжко им живется. Даже представляю, что по местным новостям показывают. Летит окровавленный самолет, с портом П. на одном крыле и М. на втором. В кабине пилот в ушанке, с тесаком, кругом кровь и он, попивая столичную и закусывая чьим-то мозгом, улыбается во все свои сгнившие 4 зуба. А сзади человек без кистей и глаз, пытается открыть кокпит и шепчет окровавленным беззубым ртом „помогите“. Жуткая картина. **Дмитрий Брызгалов** комментирует текст-стимул с помощью тактики ассоциативности. Им создается утрированная картина ужаса, испытанного пилотом исландского пассажирского самолета; в описании присутствуют штампы, рожденные голливудским кинематографом в XX в.: *пилот в ушанке, с тесаком; попивая столичную*; страху добавляют дополнительные реалии: *закусывая чьим-то мозгом, улыбается во все свои сгнившие 4 зуба*. Эта картина служит для того, чтобы показать ничтожность повода для испуга: *увиден русский бомбардировщик*. Комментарий ярко эмоционально-экспрессивно окрашен, что создает, если помнить о причине испуга, почти комичное впечатление. Креативное описание вызывает искажение описания текста-стимула; комментатор прибегает к использованию тактики ассоциативности.

Лингвистический анализ позволил выявить доминанту примененных тактик при создании вторичных текстов **Дмитрия Брызгалова**, который в виртуальном общении проявляет мобильность и доминантность: легко перестраивается с одной темы на другую и сам предлагает темы для обсуждения. Он очень эмоционально откликается на комментарии к собственным высказываниям, в его текстах встречается экспрессивная лексика и риторические вопросы. Кроме того, он прибегает к тактике ассоциативности, при применении которой отражается особенность его мировидения, творческая способность, креативность, воображение, которые способствуют зарождению чего-то нового, в том числе и созданию образов в его обычном политическом сознании.

На некоторых казахстанских сайтах незарегистрированные пользователи пишут под ником **Аноним**. Приведем пример сообщения при комментировании политического текста «Назарбаев рассказал, когда все будет хорошо»:

Бари бари бари жаксы болады, Жүрегіміз әнмен жырға толады. — Все-все-все будет отлично, когда сердца наполнятся музыкой и песней (здесь и далее перевод наш. — С. Е.). Комментарий представляет собой рифмованное двустишие (*болады —*

толады); перед нами переложение слов главы государства «Все будет хорошо» в строчку стихотворения на казахском языке; вторая строка — *когда сердца наполнятся музыкой и песней* — призвана породить позитивные эмоции и указать способ обретения благополучия; это указывает на функциональные изменения исходного текста, возникшие в комментарии.

Үлкен жүзді қауға беріп малға қой Орта жүзді қамшы беріп дауға қой Кіші жүзді найза беріп жауға қой. — Старший жуз отпразь с бадьей (бадья) за скотом, / Средний жуз с кнутом на спор (тяжба), - Младший с копьем к врагу. Следующий текст интернет-комментария, созданный языковой личностью **Аноним** к политическому тексту «Үкіметтің жаңа құрамына енгендер арасында оңтүстіктің өкілдері көп болып шықты» («Большинство нового состава правительства состоит из представителей Южного Казахстана»), сформулирован и оформлен очень необычно. Комментарий приводит поговорку из казахского фольклора, отражающую определенную историческую реалию — территориальное деление и название племен казахов, оформившиеся не позднее VII в. н. э. Вряд ли получится однозначно истолковать смысл комментария: манера изложения позволяет принять сказанное как призыв жить в единстве или как назидание определенным группам людей заниматься своим, предназначенным им делом. Данная виртуальная языковая личность использует тактику ассоциативности для продуцирования интернет-комментария.

В казахстанских комментариях отчетливо видно хорошо развитое ассоциативное мышление, проявляющееся в креативности и творческом начале языковых личностей; наличие национального своеобразия, передающего культурно-ментальные особенности мировосприятия; а также исторический и жизненный опыт, отражающие обыденное языковое сознание рядовых личностей.

Подводя итоги проведенного лингвистического анализа, можно сказать, что были выявлены особенности текстопорождения языковых личностей виртуального общения российских и казахстанских интернет-комментаторов, предпочитающих использовать персональные стратегии для продуцирования текстов интернет-комментариев, что осуществлялось с помощью таких речевых тактик, как ассоциативность, эмоциональность и домысливание.

2. Интернет-комментаторы, предпочитающие текстовую стратегию текстопорождения

Зачастую при создании интернет-комментариев к политическим статьям авторы

предпочитают использовать текстовую стратегию текстопорождения. Проанализируем тексты комментатора под ником **Алексей Климков**, который оставил свой комментарий к тексту «Хватит „маленьких потребителей“ — Васильева хочет вернуть в школы созидательный труд»:

Учить детей труду? Да, надо. Не секрет что общество все больше состоит из рукож.пов, гвоздя не умеющих вбить, а ведь сильная сторона россии всегда была именно в том, что большая часть населения владела многими профессиями, что называется „мастер золотые руки“, умеющими чуть ли не все. Этому нужно учить с детства. Языковая личность **Алексей Климков** поддерживает идею, изложенную в тексте-стимуле. Он развертывает ситуацию, описанную в первичном тексте, не искажая основной идеи, используя тактику копиальности содержания. Содержание исходного текста во вторичный текст переведено с помощью синонимических конструкций, что указывает на изменение на уровне поверхностных структур в формально-семантическом плане. Также наличие ключевых слов *дети, труд* передает текстовый потенциал первичного текста при порождении вторичного. Таким образом, языковая личность под ником **Алексей Климков** использует тактики копиальности содержания и ключевых слов для создания интернет-комментария.

Рассмотрим еще один комментарий этого автора, оставленный к другому политическому тексту «„Ты что такой серьезный?“. Путин пошутил над работником завода в Ижевске»:

Э-э, как то не очень. „Тыкают“ либо хорошим знакомым, либо приятелям, незнакомым же только на „вы“. Может П пытался как „свой“ с рабочими говорить, в стиле Суворова? Ладно, спишем это на незнание реалий.)) Дело свое президент делает неплохо, а ляпы у всех случаются. Языковая личность под ником **Алексей Климков** комментирует речь главы государства, обращая внимание на отступление от норм речевого этикета, точнее, на обращение к рабочему с помощью местоимения «ты». В тексте комментария отражается тактика копиальности содержания, что подтверждается использованием синонимических конструкций к выражениям исходного текста, тем самым сохраняется формально-содержательная структура исходного текста при его функциональном осложнении.

Проведенный анализ позволяет говорить, что для языковой личности **Алексей Климков** характерно доминирование текстовых стратегий при продуцировании комментариев. Можно полагать, что он в мень-

шей степени проявляет свое эмоциональное состояние, предпочитая объективистскую оценку отраженной в политическом тексте ситуации.

Языковая личность под ником **Лаура** является постоянным пользователем сети Интернет и активным участником виртуального общения, особенно она интересуется политическими текстами новостных сайтов *DixiNews*, *Nur.kz*, *NewTimes.kz*. Проанализируем текст интернет-комментария к политическому тексту «Назарбаев предложил запретить использование науки для создания оружия»: *Казахстан — это прекрасная модель в области ядерного разоружения и обеспечения безопасности ядерных материалов. И президент всегда призывает все страны отказаться от этого зла.* Комментарий **Лаура** использует тактику ключевых слов *Казахстан*, *ядерное разоружение*, *безопасность* для продуцирования вторичного текста. Как видим, текст комментария состоит из ключевых слов, передающих формальную и содержательную форму исходного текста. В результате деривационного процесса происходит изменение на уровне поверхностных структур, не исказившее основной смысл политического текста, языковая личность предпочитает текстовую стратегию порождения интернет-комментария.

Реакция комментатора под ником **Лаура** на политический текст «Пиджак пен кроссовки киген Назарбаевтың стилі жастарға ұнап қалды» («Стиль Назарбаева, одетого в пиджак и кроссовки, понравился молодежи»): *Елбасы соңғы уақытта тынымсыз іссапарда жүр, не кісе де еңбегі сіңген ерге бәрі жарасымды! — Последнее время Глава государства в деловых разъездах не покладая рук, хоть что оденет, хлопцу, чей труд признан, все к лицу* — продуцируется на казахском языке, так автор отзыва является билингвальной личностью, владеющей одинаково свободно двумя языками — казахским и русским. В комментарии используются ключевые слова исходного текста *Елбасы (президент)*, *іссапар (деловая поездка)*, *кию (одеть)*, отражающие формально-семантическую связь с исходным текстом.

Проанализируем следующий текст комментатора **Лаура** к политическому тексту «Назарбаев прибыл в Бишкек»: *Халықтардың рационалды түрде ойлауларына, бейбіт өмір сүрулеріне кедергі жасайтындарға жол бермеу керек. Өтіп жатқан саммиттің мақсаты өте орынды. — Нельзя давать повод тем, которые будут препятствовать рациональному размышлению народа, жить мирно. Цель саммита, который сейчас проходит, очень кстати.* Комментарий

интерпретирует политическое событие, а точнее, информацию о прохождении саммита, где главы стран СНГ будут обсуждать антитеррористическую проблематику, используя тактику копиальности содержания, поскольку употребляет описательные и синонимические конструкции для порождения текста интернет-комментария.

Таким образом, языковая личность **Лаура** предпочитает текстовую стратегию порождения комментариев, ею используются тактики ключевых слов и копиальности содержания, передающие формально-содержательную связь политических текстов с их дериватами.

Результаты проведенного лингвистического анализа способствовали выявлению особенностей текстовой стратегии текстопорождения, использованной российскими и казахстанскими интернет-комментаторами, воплощенной посредством тактик ключевых слов, копиальности содержания и копиальности формы. С их помощью раскрывается деривационный потенциал исходного текста, реализуемый в формальном, содержательном и функциональном планах и определенным в тексте комментарием.

3. Интернет-комментаторы, применяющие смешанные тактики текстовой и персонной стратегий текстопорождения

Языковая личность, являющаяся постоянным пользователем новостного сайта *Gazeta.ru* и пишущая под ником **Alex Kachanov**, предпочитает смешанные тактики продуцирования комментариев. Рассмотрим интернет-комментарий, оставленный к политическому тексту «Разведка США донесла на Асада»:

а) *А у меня есть доказательства, что все ваши доказательства деза. Я абсолютно в этом уверен. Но доказательства секретные...* В комментарии отражается связь с первичным текстом, однако автор комментария не прибегает к использованию формы и содержания исходного текста, не употребляет ключевые слова из него, а всего лишь передает свое мнение по данной проблеме с помощью синонимических конструкций в свернутой форме. Реагируя на комментарий собеседника, **Alex Kachanov** дистанцируется от формы текста, сохраняя при этом связь с его темой, поэтому можно предположить, что виртуальная языковая личность создает комментарий с использованием тактики копиальности содержания;

б) *Но меня-то на вранье, вроде, еще не ловили. Ловили. Я абсолютно в этом уверен. Но доказательства секретные.* Комментарий продуцируется в связи с тем же

политическим текстом. Автор отклика интерпретирует политическое высказывание, употребляя синонимические конструкции, передающие общий смысл первичного текста, так использует тактику копиальности содержания. Однако при интерпретации пишущий копирует фрагмент текста предыдущего комментатора, который тоже находится в процессе дискуссии, например: *Но меня-то на вранье, вроде, еще не ловили. И пробирок с белым порошком я не предъявлял...* Языковая личность под ником **Alex Kachanov** копирует выделенный фрагмент и интерпретирует его, показывая противоречие между высказываниями. В тексте языковой личности прослеживается использование тактики копиальности содержания и копиальности формы.

Интернет-комментатор **Alex Kachanov** оставил несколько комментариев к политическому тексту «Крымский голос Эрдогана»:

а) *Не переживайте, это не надолго. И В-Э хотя бы друг друга разок поматросить, только пока никак пристроиться не могут — знают, что только одному будет приятно.* В комментарии показана реакция языковой личности **Alex Kachanov** на политический текст. Несмотря на присутствие ключевых слов, которые передают формально-содержательную структуру первичного текста, а также описание ситуации с помощью тактики копиальности содержания, которая заключается в употреблении синонимов и описательных конструкций для передачи содержания исходного текста, доминирует функциональное осложнение, к которому приводит использование тактики эмоциональности. Ироничное отношение автора к описанной ситуации свидетельствует о применении им персональной стратегии текстопорождения;

б) *Важно уделять внимание развитию культуры, на которую сегодня выделяется очень мало средств, подчеркнул Кобзон. Певец считает, что именно из-за нехватки финансирования в культурной сфере широко распространены алкоголизм, наркомания и преступность.* Здесь комментатор под ником **Alex Kachanov** интерпретирует политическое событие, описанное в первичном тексте, с помощью применения тактики домисливания. Ссылаясь на высказывания певца И. Д. Кобзона, комментатор затрагивает вопрос развития культурного сообщества в стране, используя персональную стратегию текстопорождения.

Итак, виртуальная языковая личность **Alex Kachanov** предпочитает продуцировать тексты интернет-комментариев посредством персональной и текстовой стратегий, в рамках реализации последней особенно часто ис-

пользуя тактики копиальности содержания, копиальности формы и тактику ключевых слов, которые отражают его восприятие политического мира.

На казахстанских сайтах очень много незарегистрированных пользователей, поэтому далее представим речевой портрет коллективной языковой личности, реализующей в своей речевой деятельности разные стратегии и тактики порождения речи. Необходимо отметить, что часто смешение стратегий и тактик происходит при создании одного комментария. Рассмотрим ряд текстов казахстанских интернет-комментариев, в которых реализованы в равном количестве как персональные, так и текстовые тактики текстопорождения. Проанализируем тексты комментатора под ником **Сакен007**, оставленные к политическому тексту «Сделать Алаколь самым посещаемым местом в Казахстане поручил Назарбаев»:

а) *Да я бы так не сказал, достаточно активно работа идет в этом направлении.* Комментатор, интерпретируя вопрос развития туризма в Казахстане, реагирует на комментарий предыдущего виртуального собеседника, который считает, что работа в этой области продвигается очень медленно. Он поддерживает предпринятые политические шаги и излагает свое мнение, не отходя от темы исходного текста. Языковая личность не использует никаких формально-содержательных компонентов исходного текста, однако сохраняет содержание политического текста, что указывает на то, что комментатор использует тактику копиальности содержания;

б) *При правильном планировании и подходе можно сделать очень популярным туристическим местом.* Комментатор под ником **Сакен007** продолжает реагировать на данный политический текст, используя ключевые слова *планирование, туристический, место* из исходного текста, что указывает на применение комментатором тактики ключевых слов, которая способствует передаче формально-содержательного компонента исходного текста;

в) *Коррупция, конечно, мешает делать качественно. С ней несомненно надо бороться очень жестко.* Автор под ником **Сакен007** комментирует этот же политический текст, концентрируя внимание на комментарии своего собеседника, который считает, что деньги государства, выделенные на данный проект, попадут в карман коррумпированных чиновников. Он продолжает комментировать данный политический вопрос и отходит от содержания первичного текста, обсуждая тему коррупции вслед за своим виртуальным собеседником. Данная языковая лич-

ность не использует формальные и содержательные элементы исходного текста, что указывает на то, что она продуцирует комментарий с помощью тактики домысливания персонной стратегии текстопорождения;

г) *Да уж, как-то это слишком неуважительно. Про своих соотечественников. Вас бы самого, Hant, перевоспитать не мешало.* Комментарий продолжает обсуждать вопрос туризма и фокусирует свое внимание на комментарии виртуального собеседника под ником *Hant*, мнение которого он не разделяет. У него появляется ответная реакция на высказывания комментатора *Hant*, в которой выражается отрицательное отношение к сказанному и проявляется негативная эмоциональная установка, передающаяся посредством тактики эмоциональности.

Все это позволяет говорить о том, что комментатор под ником **Сакен007** является активным участником виртуального общения, точнее, интерпретатором политических статей. Он активно вступает в виртуальную дискуссию, продуцируя тексты с использованием как персонных, так и текстовых тактик.

Проведенный лингвистический анализ интернет-комментариев пользователей новостных порталов — активных участников обсуждения политических событий — показывает, что языковая личность, выбор ею стратегий и тактик продуцирования речи являются значимыми факторами при выстраивании виртуального общения. Комментарии и исходный текст не всегда совпадают по содержанию, что указывает на роль субъективных факторов при создании вторичного текста: текст исходной политической статьи обладает потенциалом деривационного развития, но выбор пути его реализации зависит от предпочтения комментатора, от желания использовать персонные или текстовые тактики текстопорождения.


Сравнение текстов российских и казахстанских комментаторов с первичным текстом дает возможность выявить типы сочетаемости тактик в речевой деятельности комментатора, в результате чего сам набор реализуемых стратегий и тактик может стать

основой речевого портретирования. В итоге выделяется три типа интернет-комментаторов — реализующих: 1) персонную стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 2) текстовую стратегию текстопорождения (с характерным для нее набором тактик); 3) обе названные стратегии. Отличия опредмечиваются в продуктах речевой деятельности — текстах интернет-комментариев и выявляются с помощью приемов текстодериватологического анализа текста в формальном, содержательном и функциональном планах.

ЛИТЕРАТУРА


1. Бец М. В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве Рунета : дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2013. 189 с.
2. Ергалиева С. Ж., Мельник Н. В. Лингвоперсоналогическое описание комментария к политической статье в виртуальном пространстве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: «Гуманитарные науки». — М., 2018. № 5. С. 19—22.
3. Лингвоперсоналогия и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие / Н. Д. Голев, С. А. Максимова, Э. С. Денисова [и др.]; под ред. Н. В. Мельник; ГОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». — Кемерово, 2009. 384 с.
4. Мельник Н. В. Деривация русского текста: лингвистические и персоналогические аспекты : моногр. — М. : ЛЕНАНД, 2014. 280 с.
5. Нерознак В. П. Лингвокультурология и лингвоперсоналогия // Вавилонская башня-2: слово. Текст. Культура. Чтения 2002 — 2003. — М., 2003. С. 13—17.
6. Никифорова М. В. Динамика речевого портрета регионального политика: на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 253 с.
7. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстосприятия и текстопорождения: лингвоперсоналогический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев) : дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2013. 251 с.
8. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический и семиотический анализ : моногр. — Уфа : БашГУ, 2012. 135 с.
9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. 256 с.
10. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персоналогия: исследование дискурса политических лидеров // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018а. Т. 9. № 1. С. 14—31.
11. Чудинов А. П., Никифорова М. В. Лингвополитическая персоналогия как научное направление // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018б. № 1. С. 45—52.

S. Z. Ergaliev

S. Toraighyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan
ORCID ID: 0000-0003-2832-6996 

N. V. Mel'nik

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9390-5842 

 *E-mail: samal17.12@mail.ru; saikova@mail.ru.*

Linguopersonological Potential of Political Online Commentaries

ABSTRACT. *The article deals with Russian and Kazakh political online commentaries in terms of text derivation and linguopersonology. As a result of their study it has been found out that generation of Kazakh online commentaries is chiefly*

influenced by objective text factors, and the Russian online commentaries – by subjective ones. Having taken the criteria of content, form and function of the secondary text as the basis of classification, the authors singled out the parameters of text generation within the subjective (personal) and objective (textual) strategies of text activity. The subjective parameter is revealed through associations, emotionality and inference, and the objective parameters – through keywords, duplicity of content and duplicity of form. The comparison of Russian and Kazakh online commentaries with the original text of a political article allowed the authors to identify the types of combinability of such tactics in speech generation activity of a virtual commentator, as a result of which the set of strategies and tactics realized was used as a basis of speech characterization (portraying) of a commentator. Three types of online commentators have been singled out by the authors, who realize: 1) the personal strategy of text generation (with the set of tactics typical of it); 2) textual strategy of text generation (with the set of tactics typical of it); 3) both above mentioned strategies. The differences are objectified in the products of speech – texts of online commentaries – and are revealed with the help of text derivation analysis techniques.

KEYWORDS: linguistic personality; linguopersonology; online commentaries; text derivatology; portraying; text generation; political discourse; politicians; Russian language; Kazakh language.

AUTHOR'S INFORMATION: Yergaliyeva Samal Zhanatkyzy, lecturer of the Department of Foreign Languages, Pavlodar State University named after S. Toraiyrov, Pavlodar, Republic of Kazakhstan.

AUTHOR'S INFORMATION: Mel'nik Natal'ya Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Yergaliev, S. Z. Linguopersonological Potential of Political Online Commentaries / S. Z. Yergaliev, N. V. Mel'nik // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 46—53. — DOI 10.26170/pl19-03-05.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-012-00202 A “Everyday Political Communication on Social Networks: Complex Linguistic Analysis”.

REFERENCES

1. Bets M. V. Axiological Correspondence of the Text of an Informational-Analytical Article and Commentary in the Virtual Space of the Runet : Thesis. ... Cand. Filol. Sciences. — Kemerovo, 2013. 189 p. [Aksiologicheskaya sootnesennost' teksta informatsionno-analiticheskoy stat'i i kommentariya v virtual'nom prostranstve Runeta : dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2013. 189 s.]. — (In Rus.)
2. Ergaliev S. Zh., Mel'nik N. V. Lingvopersonologicheskaya Description of the Commentary to a Political Article in the Virtual Space // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser.: “Humanities”. — Moscow, 2018. № 5. P. 19—22. [Lingvopersonologicheskoe opisanie kommentariya k politicheskoy stat'e v virtual'nom prostranstve // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: «Gumanitarnye nauki». — M., 2018. № 5. S. 19—22]. — (In Rus.)
3. Linguopersonology and Student-centered Language Learning: Study Guide / N. D. Golev, S. A. Maximova, E. S. Denisova [and others]; by ed. N. V. Mel'nik; GOU VPO “Kemerovo State Univ.”. — Kemerovo, 2009. 384 p. [Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie yazyku: uchebnoe posobie / N. D. Golev, S. A. Maksimova, E. S. Denisova [i dr.]; pod red. N. V. Mel'nik; GOU VPO «Kemerov. gos. un-t». — Kemerovo, 2009. 384 s.]. — (In Rus.)
4. Mel'nik N. V. Derivation of the Russian Text: Linguistic and Personological Aspects : monograph. — Moscow : LENAND, 2014. 280 p. [Derivatsiya russkogo teksta: lingvisticheskie i personologicheskie aspekty : monogr. — M. : LENAND, 2014. 280 s.]. — (In Rus.)
5. Neroznak V. P. Linguoculturology and Linguistic Persons // Tower of Babel-2: The Word. Text. Culture Readings 2002—2003. — Moscow, 2003. P. 13—17. [Lingvokul'turologiya i lingvopersonologiya // Vavilonskaya bashnya-2: slovo. Tekst. Kul'tura. Chteniya 2002 — 2003. — M., 2003. S. 13—17]. — (In Rus.)
6. Nikiforova M. V. Dynamics of the Regional Politician's Speech Portrait: on the Material of the Oral Dialogical Speech of the Mayor of Yekaterinburg E. V. Roizman : thesis ... of Cand. Philol. Sciences. — Ekaterinburg, 2016. 253 p. [Dinamika rechevogo portreta regional'nogo politika: na materiale ustnoy dialogicheskoy rechi mera Ekaterinburga E. V. Roizmana : dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 253 s.]. — (In Rus.)
7. Savel'eva I. V. Variability of Textual Perception and Text Generation Strategies: Linguopersonological Aspect (on the material of texts of political Internet comments) : thesis ... of Cand. Philol. Sciences. — Kemerovo, 2013. 251 p. [Variativnost' strategiy tekstovospriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskii aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentariyev) : dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2013. 251 s.]. — (In Rus.)
8. Saduov R. T. The Phenomenon of the Political Discourse of Barack H. Obama: Cultural and Linguistic Semiotic Analysis : Monograph. — Ufa : Bashkir State Univ., 2012. 135 p. [Fenomen politicheskogo diskursa Baraka Kh. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz : monogr. — Ufa : BashGU, 2012. 135 s.]. — (In Rus.)
9. Chudinov A. P. Political Linguistics : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2008. 256 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2008. 256 s.]. — (In Rus.)
10. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. Russian Linguopolitical Personology: a study of the discourse of political leaders // Proceedings of Russian Univ. of friendship of nations. Ser. : Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2018a. Vol. 9. № 1. P. 14—31. [Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2018a. T. 9. № 1. S. 14—31]. — (In Rus.)
11. Chudinov A. P., Nikiforova M. V. Linguopolitical Personology as a Scientific Direction // Philological Sciences. Scientific reports of higher education. 2018b. № 1. S. 45—52. [Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. 2018b. № 1. S. 45—52]. — (In Rus.)

О. И. Исмаилова

Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Саратов, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4668-5503

E-mail: frezia@yandex.ru.

Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются языковые средства словообразовательного и лексико-семантического уровней, являющиеся основой языковой игры и способствующие реализации деструктивных речевых стратегий в массмедиа. Необходимость изучения данной темы продиктована способностью массмедиа оказывать манипулятивное воздействие на широкую аудиторию, формировать линию поведения общественных масс, создавать у адресата необходимое манипулятору отношение к объекту/событию. Под манипулятивностью понимается наличие языковых средств воздействия, использование их особенностей согласно скрытой цели говорящего (автора). В статье дается описание следующих видов манипулятивного воздействия: персуазивность, суггестивность, референциальное и аргументативное воздействие, а также их подвидов: фактологическое и фокусирующее воздействие, софистическое (искажающее логику развития текста, при этом формально производящее впечатление истинного). Исследование проводится на материале текстов печатных периодических изданий (газет) и телевизионных новостных выпусков англо- и русскоязычных средств массовой информации: «The Sun», BBC, «Российская газета», «Комсомольская правда», телеканал НТВ. В статье приводятся результаты исследований лингвистов в области изучения речевых стратегий и тактик, а также их классификации. Отбор практического материала проводился методом контролируемого отбора лингвистических единиц, а его анализ — дескриптивным методом. Анализ фактического материала показал частотность использования различных языковых средств: окказиональное словообразование, аллюзия, трансформация фразеологизмов и прецедентных текстов. В данной работе были выявлены наиболее употребляемые деструктивные речевые стратегии в англоязычных и русскоязычных массмедиа: стратегия на понижение, драматизация и персонализация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевое воздействие; речевые стратегии; языковая игра; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; русский язык; английский язык; сравнительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Исмаилова Ольга Исмаиловна, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»; 410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89; e-mail: frezia@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Исмаилова, О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе / О. И. Исмаилова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 54-59. — DOI 10.26170/pl19-03-06.

Современные массмедиа ориентированы на широкую аудиторию, представители которой имеют разный уровень интеллектуального развития, разную когнитивную базу и способы по-своему интерпретировать описываемые события. При этом дискурс массмедиа имеет свою специфику: ангажированность, представление интересов государства или политических деятелей, оказание манипулятивного воздействия на сознание общественных масс, формирование линии поведения реципиентов. Прагматический аспект данного типа дискурса (система отношений между адресантом, адресатом и комплексом знаков) связан со сложными механизмами воздействия.

«Правильная» манипуляция — это воздействие, которое реализуется посредством языка, грамотно составленной речи, при этом реципиент должен быть уверен в само-

стоятельности принимаемых решений. С этой целью применяются такие способы манипулятивного воздействия, как персуазивность (воздействие путем убеждения или переубеждения) и суггестивность (воздействие, основанное на скрытом внушении) [Чернявская 2006: 37—38]. Данные способы позволяют создать у адресата необходимое манипулятору отношение к объекту, независимо от желаний и интересов самого адресата, который не должен распознать эту коммуникативную установку. Е. И. Шейгал, в свою очередь, выделяет референциальное (искажение образа денотата/референта в процессе обозначения действительности) и аргументативное (искажение постулатов общения) манипулятивное воздействие [Шейгал 2004: 112—114]. Референциальное манипулятивное воздействие разделяется на фактологическое (изменение реальных фак-

тов: преувеличение, преуменьшение, сокрытие, ложь и т.п.) и фокусировочное (изменение фокуса освещения события, высказывания, поведения и т. д., связанного с денотатом), а аргументативное — на нарушение логики развития текста, намеренное неполное изложение информации, маскировку логических ходов. К аргументативному виду манипулятивного воздействия можно отнести софизмы, т. е. рассуждения, кажущиеся правильными, но содержащие скрытую логическую ошибку и служащие для придания видимости истинности ложному утверждению.

Под манипулятивностью как текстовой категорией мы понимаем наличие языковых средств воздействия на адресата, использование их особенностей и принципов употребления в соответствии со скрытой целью говорящего (автора) [Исмаилова 2017]. Средства массовой информации способствуют формированию общественного мнения, используя информационно-коммуникационное влияние на массовую аудиторию посредством речевых стратегий и манипулятивных технологий. В большинстве случаев поводом является раскрытие актуальных социальных проблем общества и запуск вирусного обсуждения [Козловский, Исмаилова 2019]. При этом за счет формирования эмоциональной привязанности читателя к происходящему формируется и интерес к СМИ.

Манипулятивную стратегию можно определить как набор языковых тактик и приемов, которые направлены на достижение коммуникативной цели скрытого воздействия на адресата. Классификация манипулятивных стратегий различается в зависимости от специфики подхода автора. Так, исследователи классифицируют стратегии по средствам воздействия и характеру процессов, по сферам влияния на сознание человека, по объекту манипуляции и т. п. В свою очередь Ю. М. Шемчук выделяет ряд манипулятивных стратегий на одном из языковых уровней (лексическом) с позиции «свой — чужой»: стратегия скрытой лексической генерализации, стратегия намеренной мелиорации, стратегия намеренной пейорации, стратегия наклеивания словесных ярлыков и т. п. [Шемчук 2013]. Однако полностью согласиться с данным автором нельзя, так как использование «аффективов» (эмоционально окрашенных лексем), метафор, лексической многозначности также классифицируется им как виды стратегий, что мы вслед за другими исследователями (О. С. Иссерс, С. Г. Кара-Мурза, О. Л. Михалёва) предлагаем относить к языковым средствам манипулятивного воздействия [Иссерс 2003; Кара-Мурза 2000; Миха-

лёва 2009]. Исследовав различные подходы современных лингвистов к классификации манипулятивных стратегий, мы можем выделить основные из них:

- конвенциональная стратегия (манипуляция социальными сценариями, правилами, нормами);
- операционально-предметная стратегия (воздействие на манеру поведения, структуру деятельности);
- когнитивная стратегия (воздействие на познавательные процессы, схемы умозаключения);
- стратегия эксплуатации личности (мотивация/побуждение к действию, имитация процесса принятия решения);
- стратегия манипулирования духовностью (побуждение к переоценке ценностей, имитация поиска смысла);
- деструктивные стратегии (стратегия на повышение / понижение / стратегия нейтральности).

Данное исследование не предполагает описание всех манипулятивных стратегий, в том числе по причине отсутствия их единой классификации. Однако мы рассмотрим деструктивные стратегии, наиболее часто используемые в массмедиа в последние годы. Помимо стратегии на повышение/понижение, к деструктивным стратегиям также можно отнести черный пиар / дискредитацию, драматизацию, персонализацию, фрагментацию, *double-speak* (подвид эвфимии; манипулирование имплицитными смыслами).

Стратегии реализуются посредством тактик, которые связаны отношениями включения со стратегией и представляют собой определенный ход или механизм речевых действий, направленный на достижение коммуникативной цели. Исследователи делят тактики на аргументативные и манипулятивные, предполагающие соответственно воздействие на рациональные и иррациональные компоненты мировосприятия человека. Наибольшую ценность для данной работы представляют манипулятивные тактики, направленные на эксплуатацию потребностей, чувств, стереотипов адресата. О. Л. Михалёва считает, что стратегия на понижение реализуется при помощи таких тактик, как «анализ-минус», тактика обвинения, обличения, оскорбления, угрозы [Михалёва 2009]. Стратегия на повышение может быть реализована посредством тактики «анализ-плюс», презентации, неявной самопрезентации, самооправдания, отвода критики. Стратегия театральности предполагает использование следующих речевых тактик: тактики предупреждения, побуждения, кооперации, информирования, обещания, про-

гнозирования, иронизирования, провокации.

Коммуникативная стратегия как макроинтенция и тактика как интенция, обуславливающая конкретный речевой акт в соответствии с протекающей ситуацией [Брайант, Томпсон 2004: 58], реализуются посредством приемов и языковых средств. В данной работе мы хотели бы уделить особое внимание использованию языковой игры как одному из приемов манипулятивного воздействия в СМИ, так как языковая игра придает сообщению больше экспрессивности, привлекает внимание адресата, способствует формированию общественного мнения по важным вопросам политики и жизни общества [Ильясова 2013: 37]. При этом основы языковой игры составляют языковые стилистические средства на разных языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом. Выбор тех или иных языковых средств зависит непосредственно от интенций автора текста, его стратегий и тактик [Бирюкова 2011].

Рассмотрим использование языковых средств словообразовательного и лексического уровней (как наиболее востребованных в СМИ) в рамках описанных речевых стратегий и тактик авторами англоязычных и русскоязычных массмедиа. В данной работе мы использовали метод контролируемого отбора лингвистических единиц: материалом послужили заголовки газетных статей и новостных выпусков, в основе которых лежит языковая игра с именами собственными, так или иначе связанными с политической деятельностью.

GRAY DAY

Who is Chris Grayling and what are the Transport Secretary's views on Brexit? [The Sun]

В данном примере автор применяет стратегию драматизации, иронизируя на тему ухода Криса Грейлинга с поста министра транспорта. В частности, ирония проявляется в заголовке статьи при помощи языковой игры с усечением фамилии министра «Grayling» до «gray» (рус. «серый»), в результате получается словосочетание «gray day» (рус. «пасмурный день»), которое описывает положение дел министра в настоящее время.

COR-BINNED

Jeremy Corbyn has made Labour 'toxic' and should quit, half of voters claim. Voters overwhelmingly reject Mr Corbyn's denials of party intimidation and blame him directly for most of its problems [The Sun].

В рассматриваемом примере автор использует языковую игру на фонетическом и словообразовательном уровнях, заменив

фамилию лидера Лейбористской партии Джереми Корбина «Corbyn» на новообразованный омофон «cor-binned» (рус. «выброшенный в мусорное ведро, отсортированный»). Так автор иронично указывает на резко снизившийся рейтинг лидера партии среди избирателей, дискредитируя его и говоря о необходимости отставки Дж. Корбина.

В следующем заголовке прослеживается стратегия фрагментации информации, так как не упоминаются действующие лица. Языковая игра создается на фонетическом и словообразовательном уровнях так же, как и в вышеуказанном примере: часть лексемы «Brexit» (рус. «выход Великобритании из ЕС») автор заменяет на «eggs» (рус. «яйца»), образовав омофон «br-eggs-it». Таким образом журналист, применяя тактику провокации, описывает не менее провокационные действия мужчины, забросавшего яйцами Дж. Корбина в знак протеста против промедления с выходом Великобритании из состава Евросоюза.

BR-EGGS-IT

Man, 31, charged after Jeremy Corbyn egged 'by pro-Brexit campaigner' during visit to Mosque. The Labour boss was said to have been hit while on a trip to the Muslim Welfare House and Finsbury Park Mosque in North London on Sunday [BBC].

MAYJORITY

Theresa May on course to win election majority as breakaway Independent Group damages Corbyn. The Prime Minister would win a 34-seat majority in a snap General Election, a new poll says [The Sun].

В вышеприведенном примере автор использует стратегию на повышение с персонализацией новостного сообщения, привлекая внимание адресата к личности премьер-министра Соединенного Королевства Терезы Мэй. Посредством контаминации имени собственного «May» и лексемы «majority» (языковая игра на словообразовательном уровне) автор увеличивает значимость положения Т. Мэй (тактика презентации) на выборах в палату общин Великобритании.

JEREMAIN OR JEXIT?

Is Jeremy Corbyn a remainer and what are his views on Brexit?

Where does the Labour leader stand on Britain's membership of the European Union? [BBC]

В рассматриваемом примере журналист дискредитирует Джереми Корбина при помощи тактики подрыва авторитета. При помощи языковой игры на словообразовательном уровне автор создает лексемы «Jeremain», «Jexit», сочетая имя собственное «Jeremy» со словами «remain» (рус. «остать-

ся») и «exit» (рус. «выход»). Так адресант показывает неопределенность лидера Лейбористской партии Дж. Корбина в отношении выхода Великобритании из Евросоюза.

Русскоязычным массмедиа также свойственно употребление деструктивных речевых стратегий.

Трампа закусила удила

Белый дом раскрыл кухню проводимого в Венесуэле госпереворота. Во вторник министр иностранных дел РФ Сергей Лавров прокомментировал события в Венесуэле. „Мы понимаем, что США, говоря по-простому, закусили удила и публично взяли курс на незаконную смену режима“, — сказал Лавров. Но эта ситуация, пояснил он, „не отменяет необходимость отстаивать международное право всеми имеющимися способами“ [Российская газета].

В данном примере прослеживается стратегия персонализации, так как внимание акцентируется на личности президента США Дональда Трампа. В качестве языкового средства манипулятивного воздействия автор использует языковую игру на лексико-семантическом уровне на основе фразеологизма «закусить удила», т. е. «действовать, не считаясь с обстоятельствами». Посредством тактики обвинения автор дискредитирует Д. Трампа, предъявляя претензии за совершенные им действия.

„Гром“ грянет

Одним из приоритетных направлений в деятельности Минобороны глава ведомства Сергей Шойгу назвал перевооружение армии и флота. Во вторник на селекторном совещании он сказал, что на оснащение Вооруженных сил современным арсеналом в нынешнем году планируется потратить более триллиона четырехсот сорока миллиардов рублей. „Почти 71 процент этих средств пойдет на серийные закупки новейших образцов, с тем, чтобы к концу года доля современного вооружения и техники составила 67 процентов“, — уточнил министр [Российская газета].

В рассматриваемом примере автор применяет тактику презентации в рамках стратегии на повышение, используя языковую игру на лексико-семантическом уровне. В заголовке прослеживается аллюзия на научно-фантастический рассказ Р. Брэдли «И грянул гром» (англ. «A Sound of Thunder»). Так автор превозносит успехи Вооруженных сил РФ и представляет их в более выигрышном свете, говоря об укреплении боевого потенциала России и учениях стратегических ядерных сил «Гром».

Последний день Помпео

Госсекретарь США Майкл Помпео от-

вел России 60 дней на то, чтобы она „вернулась в Договор о ликвидации ракет меньшей и средней дальности“ [Комсомольская правда].

Автор данной статьи применяет одновременно несколько речевых стратегий: в заголовке — стратегию персонализации, так как внимание читателя концентрируется на личности госсекретаря США Майкла Помпео; в статье — стратегию на понижение и дискредитацию: *Создается такое впечатление, что Госдеп США, говоря его же языком, „попутал рамы“, разговаривая с Россией, как с каким-нибудь Чадом или Сан-Томе и Принсипи...* (употребление жаргонизмов, умаление достоинства других государств, намек на то, что такое речевое поведение свойственно главному действующему лицу); стратегию на повышение: *... мы быстро „достанем из запасников“ закрытый в начале 90-х годов проект создания легкой межконтинентальной баллистической ракеты „Курьер“. А если США вздумают снова притащить свои ракеты в Европу, то мы мгновенно возьмем их позиции „под прицел“. Ничего другого нам не останется. Вопрос — хочет ли Европа увидеть последний день Помпео?..* (употребление просторечных выражений, превознесение возможностей своей страны; попытка продемонстрировать предполагаемые последствия ухудшения отношений между государствами — тактика угрозы). В заголовке автор использует тактику иронизирования, положив в основу языковой игры на лексико-семантическом уровне название картины русского художника К. Брюллова «Последний день Помпеи».

В следующем примере автор использует стратегию дискредитации, взяв за основу языковой игры крылатое выражение «выпустить джина из бутылки», т. е. «положить начало неуправляемому и опасному процессу своими необдуманными действиями». Автор делает предположение о последствиях назначения Джини Хаспел на пост главы ЦРУ, которая известна своими жесткими методами управления и участием в попытках над заключенными Таиланда (тактика обличения).

Джину выпустили из бутылки: чем грозит России назначение Хаспел на пост главы ЦРУ

Предложенную Дональдом Трампом кандидатуру нового главы ЦРУ в США продолжают обсуждать серьезно и чуть ли не с риском для жизни. Кто такая Джина Хаспел, до сих пор не известно даже конгрессменам [НТВ].

Неласковый Мэй

Британские политики один за другим включаются в борьбу за кресло премьера. Премьер Британии Тереза Мэй наконец-то объявила конкретную дату своей отставки с поста главы Консервативной партии и кабинета министров. Кампания по выбору преемника только начинается, а от желающих занять освободившийся пост уже нет отбоя [Российская газета].

В рассматриваемом примере прослеживается стратегия драматизации, которая осуществляется посредством тактики «анализ-минус» при изображении сложившейся в Великобритании политической ситуации. При этом автор использует языковую игру на лексико-семантическом уровне и добавляет элемент иронии: «неласковый Мэй» является аллюзией на название советской музыкальной группы «Ласковый май». Таким образом автор привлекает внимание читателя к добровольной отставке Терезы Мэй с поста премьер-министра и главы Консервативной партии.

Данное исследование позволяет сделать следующий вывод: англоязычные массмедиа чаще используют языковую игру с именами собственными, относящимися к политике, на словообразовательном уровне, а русскоязычные — на лексико-семантическом уровне. Такой результат можно объяснить более простой аффиксацией в английском языке по сравнению с русским. При этом словообразование, ирония, многозначность, аллюзия, трансформированные прецедентные феномены позволяют избежать штампов, так как в этих случаях исходная фраза получает новые экспрессивные значения, и способствуют реализации деструктивных речевых стратегий. Кроме того, анализ приведенных примеров показал, что и русскоязычные и англоязычные массмедиа в большей степени тяготеют к речевым стратегиям, создающим отрицательный образ


объекта, о котором идет речь. Однако русскоязычные СМИ позволяют себе применять такой тип речевых стратегий только по отношению к политическим деятелям иностранных государств, в то время как англоязычные массмедиа используют их и в отношении политиков своей страны.


ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е. О. Особенности языковой игры в телевизионном дискурсе // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 42—46.
2. Браун Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. — М.: Вильямс, 2004. 432 с.
3. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М.: Флинта: Наука, 2013. 296 с.
4. Исмаилова О. И. Речевые стратегии и тактики манипулятивного воздействия в массмедиа на основе языковой игры (на примере английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 95—98.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. — Киев: Орианы, 2000. 490 с.
7. Козловский Д. В., Исмаилова О. И. Гл. 5. Синергетическая концепция развития интернет-лингвистики // Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования: моногр. / под ред. Н. В. Горбуновой. — Саратов, 2019. С. 122—148.
8. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/> (дата обращения: 1.05.2019 — 27.05.2019).
9. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. — М.: Либроком, 2009. 256 с.
10. НТВ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/> (дата обращения: 1.05.2019 — 27.05.2019).
11. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 1.05.2019 — 27.05.2019).
12. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Гнозис, 2004. 328 с.
14. Шемчук Ю. М. Стратегии манипулятивного дискурса на лексическом уровне молодежного социолекта // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 76—79.
15. BBC [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019).
16. The Sun [Electronic resource]. URL: <https://www.thesun.co.uk/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019).

O. I. Ismailova

Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4668-5503 

 *E-mail:* frezia@yandex.ru.

Linguistic Means of Realization of Destructive Speech Strategies in Russian and British Political Media Discourse

ABSTRACT. *The article deals with the linguistic means of word-formation and lexico-semantic levels, which form the basis of language games and contribute to the implementation of destructive speech strategies in the media. The necessity to study this topic is caused by the ability of the media to have a manipulative impact on a wide audience, to form public behavior, to create the desired attitude of addressee to an object/event. Manipulative effect is understood as the presence of linguistic means of influence and the use of their peculiar features in accordance with the latent purpose of the speaker (the author). The article describes the following types of manipulative intervention: persuasiveness, suggestivity, referential and argumentative influence and their kinds: factual and focusing influence and sophistic influence (distorting the logic of the text development while formally giving the impression of the true course of events). The study is based on the texts of periodicals (newspapers) and television news releases of English-language and Russian-language media: The Sun, BBC, Ros-*

siyskaya Gazeta, Komsomolskaya Pravda, NTV. The article presents the results of linguistic research in the field of speech strategies and tactics, as well as their classification. The selection of practical material was carried out by the method of controlled selection of linguistic units, and its analysis was conducted using the descriptive method. The analysis of the material showed the frequency of using various linguistic means: nonce word formation, allusion, and transformation of phraseological units and precedent texts. The article has identified the most frequently used destructive speech strategies in the English-language and Russian-language mass media: the manipulative strategies of discreditation, dramatization and personalization.

KEYWORDS: verbal influence; speech strategies; language game; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; political discourse; Russian language; English language; comparative linguistics.


AUTHOR'S INFORMATION: *Ismailova Ol'ga Ismailovna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics, Saratov, Russia.*

FOR CITATION: *Ismailova, O. I. Linguistic Means of Realization of Destructive Speech Strategies in Russian and British Political Media Discourse / O. I. Ismailova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 54-59. — DOI 10.26170/pl19-03-06.*


REFERENCES

1. Biryukova E. O. Features of the Language Game in Television Discourse // Proceedings of Volgograd State Univ. 2011. No. 2. P. 42—46. [Osobennosti yazykovoy igry v televizionnom diskurse // Vestn. Volgograd. gos. un-ta. 2011. № 2. S. 42—46]. — (In Rus.)
2. Brayant Dzh., Tompson S. The Basics of Media Impact. — Moscow : Williams, 2004. 432 p. [Osnovy vozdeystviya SMI. — M. : Vil'yams, 2004. 432 s.]. — (In Rus.)
3. Il'yasova S. V., Amiri L. P. Language Game in the Communicative Space of the Media and Advertising. — Moscow : Flinta : Science, 2013. 296 p. [Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. — M. : Flinta : Nauka, 2013. 296 s.]. — (In Rus.)
4. Ismailova O. I. Speech Strategies and Tactics of Manipulative Influence in the Mass Media Based on the Language Game (on the Example of English and Russian Languages) // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2017. No. 12-1 (78). P. 95—98. [Rechevye strategii i taktiki manipulyativnogo vozdeystviya v massmedia na osnove yazykovoy igry (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 12-1 (78). S. 95—98]. — (In Rus.)
5. Issers O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. — Moscow : Editorial URSS, 2003. 284 p. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : Editorial URSS, 2003. 284 s.]. — (In Rus.)
6. Kara-Murza S. G. Manipulation of Consciousness. — Kiev : Oriyans, 2000. 490 p. [Manipulyatsii soznaniem. — Kiev : Oriyans, 2000. 490 s.]. — (In Rus.)
7. Kozlovskiy D. V., Ismailova O. I. Ch. 5. Synergetic Concept of Development of Internet Linguistics // Digitalization as a Priority Direction for the Modernization of Russian Education : monograph / ed. N.V. Gorbunova. — Saratov, 2019. P. 122—148. [Gl. 5. Sinergeticheskaya kontseptsiya razvitiya internet-lingvistiki // Tsifrovizatsiya kak prioritetnoe napravlenie modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya : monogr. / pod red. N. V. Gorbunovoy. — Saratov, 2019. S. 122—148]. — (In Rus.)
8. The Truth of Komsomol members [Electronic resource]. [Komsomol'skaya pravda]. URL: <https://www.kp.ru/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019). — (In Rus.)
9. Mikhaleva O. L. Political Discourse. Specificity of Manipulative Effects. — Moscow : Librokom, 2009. 256 p. [Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya. — M. : Librokom, 2009. 256 s.]. — (In Rus.)
10. NTV [Electronic resource]. URL: <https://www.ntv.ru/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019). — (In Rus.)
11. Russian Newspaper [Electronic resource]. [Rossiyskaya gazeta]. URL: <https://rg.ru/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019). — (In Rus.)
12. Chernyavskaya V. E. Discourse of Power and Power of Discourse: Problems of Speech Influence. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 134 p. [Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 134 s.]. — (In Rus.)
13. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse. — Volgograd : Gnosis, 2004. 328 p. [Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Gnozis, 2004. 328 s.]. — (In Rus.)
14. Shemchuk Yu. M. Strategies of a Manipulative Discourse at the Lexical Level of a Youth Sociolect // Political Linguistics. 2013. № 2 (44). P. 76—79. [Strategii manipulyativnogo diskursa na leksicheskom urovne molodezhnogo sotsiolekta // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (44). S. 76—79]. — (In Rus.)
15. BBC [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019).
16. The Sun [Electronic resource]. URL: <https://www.thesun.co.uk/> (date of access: 1.05.2019 — 27.05.2019).

О. Н. Кондратьева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9469-3634 

Ю. С. Игнатова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3771-1346 

 **E-mail:** Kondr25@rambler.ru; ign976@mail.ru.

Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей метафорического моделирования будущего России в политических прогнозах профессиональных экспертов-политологов. В качестве материала исследования использовались аналитические статьи российского политолога Владимира Пастухова, представленные на сайтах изданий «Новая газета» и Republic.ru, а также его интервью на радио «Эхо Москвы».

Вероятные модели будущего России «после Путина» представлены в аналитических обзорах Владимира Пастухова с помощью метафорических моделей, набор которых позволяет автору создать яркий и объемный образ России на новом витке ее истории. Наиболее активно для этой цели политолог использует метафоры со сферами-источниками «Природные катаклизмы», «Строительство», «Техника», «Гастрономия», «Картонная игра», «Музыка», «Животные». Основными сферами-мишенями метафорической экспансии в исследуемом материале выступают будущее страны, действующий президент, его политические соратники, противники и потенциальные преемники, а также возможные пути развития страны. Представленная в политических прогнозах Владимира Пастухова метафорическая модель будущего России ближе по своей сути к когнитивной модели «мрачное будущее», что четко прослеживается в метафорах, характеризующих грядущее через сопоставление с природными катаклизмами (наводок, потоп) и техногенными катастрофами (падение воздушного судна), даже метафорическая модель строительства, созидательная по своей природе, представлена исключительно деструктивными вариантами (руины, развалины, разруха). Используемые в процессе прогнозирования метафорические модели обладают преимущественно негативным прагматическим потенциалом, порождая у адресатов чувство тревоги и обеспокоенности за судьбу страны и свое будущее.

Исследование продемонстрировало различия в целевых установках моделирования будущего страны политиками и политологами. Если политики традиционно создают образ «мрачного будущего» с целью демонстрации несовершенства политики конкурентов, то политологи ориентированы на объективный анализ ситуации, обозначение нескольких возможных вариантов развития событий в будущем, демонстрацию обусловленности прогнозируемого будущего политическими событиями прошлого и настоящего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; метафорическое моделирование; метафорические модели; политическая метафорология; политические метафоры; политические прогнозы; лингвоперсоналогия; будущее России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: Kondr25@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Игнатова Юлия Сергеевна, студентка Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; e-mail: ign976@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материале текстов Владимира Пастухова) / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 60-70. — DOI 10.26170/pl19-03-07.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсоналогический аспект».

Политическая обстановка в стране и мире является одной из наиболее актуальных для современного общества тем, поэтому проблемы политической коммуникации оказываются в фокусе интересов как профессионалов, так и обычных граждан. При этом каждый из рассуждающих на политические темы преследует свои цели: политики стремятся убедить электорат в значимости соб-

ственных концепций и добиться власти, обыватели — разобраться в происходящем и спроецировать политические обещания в область собственного существования, оценить вероятные перспективы и риски в случае победы того или иного кандидата.

Между расположенными на разных полюсах политиками и обычными людьми существуют посредники, способствующие бо-

лее успешной политической коммуникации, и наиболее значимую роль в этих процессах выполняют журналисты и политологи. Представители массмедиа, как правило, более субъективны, политически ангажированы, ограничены стратегией издания, их задача — лоббировать интересы конкретного политика или партии, манипулировать общественным сознанием и формировать необходимый вектор интерпретации политических процессов.

Более объективными посредниками между миром политики и гражданами являются политологи — это признанные общественные эксперты в политической, социальной, экономической сферах, сосредоточенные на трактовке и интерпретации политической жизни общества. Политологи занимаются анализом разнообразных политических процессов, изучением их взаимосвязи с социальными и экономическими процессами, определением степени значимости политических событий для общества, разработкой политических прогнозов.

Именно политическое прогнозирование является одной из основных задач политологов. Под политическим прогнозированием традиционно понимают научно обоснованные суждения о вероятностном развитии политических событий. Политический прогноз предполагает «определение возможных состояний того или иного политического явления, процесса, событий в будущем путем экстраполяции наблюдаемых тенденций при условном абстрагировании от решений, способных видоизменить эти тенденции», целью прогноза является «выявление и уточнение перспективных проблем, подлежащих решению средствами политического управления» [Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий 2010: 74—75]. Таким образом, политический прогноз отвечает на вопрос, что вероятнее всего произойдет в обществе при условии сохранения существующих социально-политических тенденций или при их изменении.

Важное место в политических прогнозах занимает проблема будущего конкретного государства, в частности проблема будущего России. Особый интерес к будущему России связан с «ее местом в системе глобальных отношений, выходом страны из состояния политического и экономического кризиса и существенным укреплением позиций государства на мировой арене», при этом формулирование новых приоритетов «внутренней и внешней политики затрагивает будущее не только самой страны, но и мирового сообщества в целом» [Солопова 2016: 3].

Проблема будущего России находится в фокусе внимания не только участников по-

литической коммуникации, но и лингвистов, изучающих особенности интерпретации образа будущего страны в различных вариантах политического дискурса. Политическое моделирование будущего России исследовалось лингвистами в рамках политического и медийного дискурсов [см.: Кондратьева, Жегло 2019; Кошкарова, Руженцева 2016; Лесняк 2013; Немирова 2015; Сенцов 2013; Солопова 2006, 2016; Шевелевский 2015; Chudinov, Solopova 2015 и др.]. Исследования особенностей моделирования будущего России в прогнозах политологов на данный момент не проводилось, что, на наш взгляд, существенно обедняет лингвополитическую прогностику. Соответственно одной из первоочередных задач лингвополитической прогностики является исследование особенностей моделирования будущего России в информационно-аналитических статьях политологов, выявление и описание когнитивных моделей, а также реализующих их языковых средств и способов репрезентации будущего нашей страны.

Как отмечает О. А. Солопова, «когнитивный процесс создания модели общественно-политической ситуации в будущем часто становится возможным благодаря использованию в политической коммуникации когнитивных моделей, построенных на метафоре» [Солопова 2016: 4]. Действительно, метафора в политических обзорах и прогнозах является не только средством украшения речи и привлечения внимания читателей, но и мощным и эффективным средством интерпретации и оценки политических процессов в современном мире.

Задача предлагаемой статьи — проанализировать роль метафор в интерпретации будущего России в прогнозах политологов, выявить базовые метафорические модели, репрезентирующие будущее нашей страны, установить их прагматический потенциал.

Материалом исследования являются аналитические статьи российского политолога Владимира Пастухова, представленные на сайтах изданий «Новая газета» и *Republic.ru*, а также его интервью на радио «Эхо Москвы». Владимир Пастухов в данный момент является одним из наиболее авторитетных политологов, он имеет ученую степень доктора политических и юридических наук, ранее занимал должность научного директора Института права и публичной политики, в данный момент является научным сотрудником *University College of London*, регулярно приглашается в качестве эксперта российскими и зарубежными изданиями. Аналитические статьи Владимира Пастухова

отличаются профессиональным и глубоким анализом политической ситуации, последовательностью авторской позиции, ярким, доступным, метафоричным стилем, что и позволило избрать тексты данного автора для решения поставленной задачи.

Проблема будущего России занимает центральное место в большинстве исследований Владимира Пастухова, наиболее же рельефно она представлена в двух аналитических статьях — «После Путина» (вышла под редакционным заголовком «Когда выйдет срок», 2013 г.) и «„Послепутина“: Что не так с новой мантрой русской интеллигенции» (2019). Уже в заглавии обеих работ обозначен темпоральный отрезок, на котором сосредоточено исследовательское внимание эксперта-политолога — это период завершения полномочий действующего президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, период, когда Россия должна будет избрать нового лидера и принять решение о дальнейшем пути развития государства.

Вероятные модели будущего России «послепутина» (данный заголовок постепенно превратился в модный политический мем) представлены в аналитических обзорах Владимира Пастухова с помощью метафорических моделей, набор которых позволяет автору создать яркий и объемный образ России на новом витке ее истории. Наиболее активно для этой цели используются метафоры со сферами-источниками «Природные катаклизмы», «Строительство», «Техника», «Гастрономия», «Карточная игра», «Музыка», «Животные», порождающие значительное количество метафор, развертывающихся в текстах прогнозов.

1. Сфера-источник «Природные катаклизмы». Для характеристики состояния России в эпоху «послепутина» Владимир Пастухов наиболее часто использует метафоры, связанные с резкими климатическими изменениями и последовавшими за этим природными катаклизмами. Подобные метафоры возникают за счет активного использования лексики, прямо или ассоциативно соотносимой со стихией воды, метафорическое значение приобретают лексемы *паводок, потоп, волна, захлестнуть, разлиться, затопить, схлынуть* и др.

Предпосылкой возникновения метафор природных катаклизмов, имеющих водную природу, является истолкование политических процессов и истории в целом как водных потоков. В метафорическом значении в этом случае используются лексемы *поток, течение, воронка, брызги* и др. При помощи названных метафор политолог описывает

историю как реку, которая имеет определенную скорость течения и непредвиденные водовороты, а деятельность политических лидеров рассматривается как заплыв по реке в определенном направлении: *Когда политический лидер плывет в потоке истории, его личные качества, как ни странно, имеют не столь существенное значение, потому что поток сам несет его вперед. Когда же он попадает в историческую воронку, то его характер и ментальность значат очень много — если история стоит на месте, каждый лидер сам ищет способ добраться до берега* (Новая газета, 2013). Деятельность В. В. Путина в контексте данных метафор рассматривается как заплыв против течения, что приводит к нарушению спокойствия вод истории и, соответственно, к непредвиденным последствиям: *Путин плывет против течения, как на знаменитом фото, брасом, оставляя от истории одни брызги. Взбаламученная история в долгу, естественно, не останется* (Новая газета, 2013).

В 2019 г. Владимир Пастухов продолжает использовать гидроморфную метафорику для характеристики политических процессов настоящего и будущего (подробнее см.: [Игнатова 2019]). В частности, отмечая консолидирующую стратегию политической деятельности В. В. Путина, характеризует Президента как плотину, сдерживающую течение истории (плотина — «преграда, сдерживающая или контролирующая водный поток»): *Путин — это не личность, это эффе́мизм, это определенная политика, это определенное статус-кво, и это плотина, которая сегодня выстроена на реке истории* (Эхо Москвы, 16.01.2019). Количество политических усилий, направленных на консолидацию государства, отождествляется с высотой плотины, соответственно чем больше сдерживающих фактов в политике, тем разрушительнее могут оказаться последствия: *Потому что чем больше ты строишь эту плотину и выше, чем больше ты консервируешь, тем больше ты подготавливаешь этот момент* (Эхо Москвы, 16.01.2019); *И чем круче плотина, тем выше, столько, уровень воды* (Эхо Москвы, 16.01.2019).

Такая политическая ситуация, по мнению В. Пастухова, может привести в будущем к непредвиденным последствиям, которые сопоставляются со сломом плотины и резким разливом вод: *И если бы люди могли жить так же долго, как камни, то, конечно, могли бы об этом не задумываться, но, к несчастью, люди смертны, короток по*

сравнению с историей срок, который нам отведен, и слишком велика в таких плотинах важность персонального фактора. Поэтому рано или поздно эта плотина когда-то будет переформатирована, и очень высок риск того, что застоявшиеся воды истории пойдут очень бурно, и все те застывшие конфликты, которые там были, они просто разольются именно как паводок (Эхо Москвы, 16.01.2019).

Владимир Пастухов прогнозирует, что после ухода В. В. Путина из политики в России настанет период резких перемен, произойдет разрушение консолидирующей политики. Данный период сравнивается политологом с паводком и потопом, которые могут произойти, когда исчезнет сдерживающая неуправляемую водную стихию плотина, т. е. завершит свои полномочия действующий президент: *Когда говорят, что после Путина будет паводок. Будущее есть всегда, будущее будет и у России, естественно. Вопрос состоит в том, какое и чем оно будет определяться* (Эхо Москвы, 16.01.2019); *Что бы ни было потом, вначале будет потоп. Россию захлестнет волна сведения счетов, страха, неопределенности и ненависти* (Republic.ru, 09.01.2019); *Затем она схлынет, потому что общество устанет и от этого* (Republic.ru, 09.01.2019); *Будущее России зависит в гораздо большей степени не от ухода Путина, — этот уход важен как ключ к замку русской истории, но сам по себе ничего хорошего России не сулит, — а от того, что будет в головах выживших после „потопа“ людей* (Republic.ru, 09.01.2019).

Следует особо отметить, что для характеристики событий, которые произойдут в России после завершения срока президентских полномочий В. В. Путина, в метафорическом значении используются гидрологические термины *паводок* и *потоп*, обозначающие внезапные и кратковременные природные катаклизмы, но совершенно не употребительны термины *наводнение* и *половодье*, указывающие на более длительные и разрушительные природные явления. Таким способом акцентируется внимание на кратковременности и некоторой разрушительности прогнозируемых событий.

Также следует подчеркнуть, что избранное Владимиром Пастуховым для характеристики ближайшего будущего России метафорическое определение «паводок» ассоциативно связано с неофициальным названием периода правления Никиты Сергеевича Хрущева — «оттепель»: *После Путина*

будет не оттепель, а паводок. Путин является главным сдерживающим фактором междоусобной внутриэлитной борьбы, которая особенно опасна при отсутствии институтов (Republic.ru, 09.01.2019). Учитывая широкий резонанс, который получил данный прогноз в массмедиа и социальных сетях, велика вероятность того, что данное метафорическое определение станет неофициальным названием одного из будущих периодов Русской истории — периода после правления В. В. Путина.

Таким образом, политические процессы в России метафорически представлены в аналитических статьях и прогнозах Владимира Пастухова как водная среда, которая сначала была взбудоражена активной деятельностью энергичного политика («заплыв против течения», 2013), затем сдерживалась его консолидирующими установками («плотина», 2019). Резкое изменение консолидирующей политики, которое может возникнуть после завершения полномочий президента, характеризуется политологом при помощи метафор природных катаклизмов («паводок» и «потоп»). Данные метафоры указывают на вероятность резких, быстрых и необратимых изменений в государстве, которые могут привести к непредвиденным и необратимым последствиям.

2. Сфера-источник «Строительство». Метафоры с исходными сферами «дом» и «строительство» являются достаточно традиционными для политической коммуникации (см., например: [Кондратьева 2015; Шипицына, Свистельникова 2011; Чудинов 2001] и др.). Тем не менее в каждую эпоху они обладают определенной спецификой. Например, это метафоры полного разрушения старого мира и строительства на его месте нового мира в эпоху Октябрьской революции, строительство коммунизма в советский период, перестройка в 90-х и т. д.

Продуктивны строительные метафоры и в политических прогнозах Владимира Пастухова. В метафорическом значении используются как лексемы, обозначающие строение и его отдельные части (*храм, фасад, торец* и др.), так и разные стадии и разные виды строительных работ (*котлован, основание, возвести, созидать, строить, восстанавливать* и др.).

Характеризуя состояние дел в России в начале третьего президентского срока В. В. Путина, политолог отмечает: *Сегодня России если и нужен царь, то царь-строитель, царь-созидатель, который возведет новый Храм над котлованом. Путин — не созидатель, он защитник, точнее — охранник. Он пришел не для того, чтобы строить новое, а для то-*

го, чтобы восстанавливать старое. Его ориентир — „Россия, которую мы потеряли“. Но эта Россия даже и не существовала никогда. Идеал Путина — это мираж (Новая газета, 2013).

Состояние России после ухода В. В. Путина с поста президента метафорически характеризуется лексемами *руины, развалины, остов, разруха*, указывающими на деструктивные последствия происходящих политических процессов: *Путин оставит страну с разрушенной экономикой, без институтов и с морально деградировавшей элитой. Кризис, с которым России предстоит столкнуться, сопоставим только с тем, что ей пришлось пережить в начале XVII и в начале XX веков* (Новая газета, 2013); *Надо быть готовыми к тому, что после Путина останется выжженная земля. Экономика и социальная сфера будут лежать в руинах* (Новая газета, 2013); *И тогда на обнажившейся политической поверхности покажутся руины* (Republic.ru, 09.01.2019); *На руинах путинской России будут бродить все те же, мало изменившиеся, но еще больше напуганные и озлобленные люди* (Republic.ru, 09.01.2019).

Посредством строительных метафор Российское государство в будущем описывается как здание, лишившееся своей лицевой части — красивого фасада, под которым подразумевается деятельность В. В. Путина: *Но это будут не руины „либеральной демократии“, а потрепанный остов все того же путинского государства, только еще более убогий, чем прежде, без неоимперского лоска и с обшарпанным фасадом* (Republic.ru, 09.01.2019).

Будущее страны зависит от выбора политической стратегии последователями В. В. Путина — либо это будет стратегия восстановления и продолжения положенной в основание «руин» политической системы, либо это окончательное разрушение предыдущего строя и возведение на его месте нового мира: *И дальше все зависит от того, станут ли обитатели послепутинских политических трупов заново отстраивать доставшиеся им по наследству развалины, поменяв бенефициаров, либо попытаются снести этот имперский хлам до основания, чтобы выстроить на его месте новое государство* (Republic.ru, 09.01.2019); *Я не исключаю и того, что произойдет и некий такой сценарий перестройки-3, потому что перестройка-2 у нас в слабой и неявной форме — это был конец правления Медведева, но она просто не состоялась, произошел выкидыш* (Эхо Москвы, 16.01.2019).

В заключение отметим, что если традиционно строительные метафоры характеризуются в политической лингвистике как метафоры с положительным прагматическим потенциалом, реализующие идеи развития и созидания, то метафоры, используемые Владимиром Пастуховым для моделирования будущего России, однозначно деструктивны, что проявляется в активном использовании метафор разрушения ранее построенного. Выбор подобной метафоры позволяет политологу акцентировать внимание на предстоящем политическом кризисе, подчеркнуть серьезность политических разрушений, указать на необходимость перемен в стране, необходимость активных действий для улучшения политической ситуации.

3. Сфера-источник «Техника». Технические метафоры активно используются в политическом дискурсе для демонстрации сложной структуры мира политики и описания механизмов политических процессов, источниками метафорической экспансии при этом обычно становятся представления о видах механизмов, их устройстве и особенностях функционирования. В дискурсе же Владимира Пастухова востребованными оказались исключительно метафоры субсферы «Техногенные катастрофы».

Доминирующими в «политической механике» эксперта являются метафоры, связанные с воздушной техникой и ее авариями. В метафорическом значении используются наименования конкретных видов техники (*турбина, ракета, противоракета* и др.), глаголы и субстантивы, указывающие на характер движения воздушной техники (*траектория полета, падение, скольжение, штопор* и др.).

Посредством технической метафоры Россия определяется Владимиром Пастуховым как турбина, летящая по определенной траектории: *Траектория полета турбины с пристегнутым к ней народом в общем и целом понятна* (Новая газета, 2013). И если современное состояние государственной политики отождествляется с полетом политической турбины, то будущее России — уже с авиакатастрофой: *Путин летит по вынужденной траектории, чтобы упасть там, где предписано законами политической механики. И вся Россия летит вместе с ним туда же* (Новая газета, 2013); *Она будет скользить по поверхности катастрофы до тех пор, пока слабеющие руки Путина удерживают ее от падения, а затем свалится в штопор (если, конечно, ее раньше не сойдет противоракета мирового кризиса или внутри нее не работает какой-нибудь*

секретный механизм исторической самоликвидации) (Новая газета, 2013).

Безусловно, метафоры техногенных катастроф характеризуются негативным прагматическим потенциалом, формируют у читателей и слушателей чувство тревоги и беспокойства за будущее страны.

4. Сфера-источник «Гастрономия». Гастрономическая метафора, уподобляющая политические процессы продуктам и процессу их приготовления (ср. *политическая кухня*), основана на метафорическом использовании лексем, обозначающих продукты и отдельные ингредиенты блюд: *бисквит*, *тесто*, *разрыхлитель*, *консервант*, *окорочка*, *помидоры* и др. Следует отметить, что гастрономические метафоры по-разному используются Владимиром Пастуховым в 2013 и 2019 гг.

В текстах 2013 г. В. В. Путин сравнивается с разрыхлителем, а его деятельность приводит к понижению качества готового продукта: *Правовая вакханалия, организованная Путиным, оказывает на жизнь русского общества такое же действие, как разрыхлитель на тесто. Все общественные и государственные институты превращаются под воздействием безудержного произвола власти в пористый, рассыпчатый „бисквит“.* Россия сегодня больна *размягчением государственной ткани* (Новая газета, 2013). Все используемые в приведенном контексте лексемы, употребленные в метафорическом значении, ассоциативно связаны с разрушением исходной формы, утратой объектом исходных качеств, неспособностью противостоять внешнему воздействию (*разрыхлитель*, *размягчение*, *рассыпчатый*, *пористость*).

Гастрономические метафоры 2019 г., напротив, представляют действующего президента как сдерживающую силу, противостоящую развитию пагубных для страны явлений, как некий консервант, способствующий политической стабильности и сохранению статуса-кво: *Путин является сегодня консервантом десятков противоречий, борьбы очень многих групп. Он консервирует собой тенденции развития, которые бы давно проявили себя, но которые благодаря ему находятся в замороженном состоянии* (Эхо Москвы, 16.01.2019); *Вот с чем Путин оставляет Россию. Мы должны научиться мыслить вне Путина, жить вне Путина, добиваться чего-то вне Путина. Я сейчас не хочу обсуждать, насколько важно, конечно, убрать консервирующие элементы из раствора. Я хочу сказать, что уберите консервант — помидоры сами по себе лучше не ста-*

нут (Эхо Москвы, 16.01.2019); *Путин является главным сдерживающим фактором междуособной внутриэлитной борьбы, которая особенно опасна при отсутствии институтов. Сейчас он всех остудил, и элиты лежат тихо, как политические окорочка в холодильнике. Но стоит открыть дверь этой морозильной камеры, как все демоны десятилетиями копившихся обид и подозрений выпорхнут наружу и начнут терзать депрессивное общество* (Republic.

ru, 09.01.2019).

Таким образом, гастрономическая метафора актуализирует разрушительность политической программы действующего президента, но одновременно дает понять, что без его участия произойдет активизация деструктивной деятельности правящей элиты, что приведет к еще более негативным последствиям для страны.

5. Сфера-источник «Животные». Зооморфная метафорика в политической коммуникации в большинстве случаев актуализирует особенности поведения участников политической коммуникации, их агрессивность, неспособность прийти к компромиссу [см.: Чудинов 2001]. В подобном же ключе зооморфные метафоры используются и Владимиром Пастуховым. Метафорическую интерпретацию получают лексемы, обозначающие объединения животных (*стая*), и лексемы, обозначающие особенности поведения животных (*пожрать*).

При использовании зооморфных метафор президент России предстает как вождь стаи, сдерживающий политических хищников, с уходом которого исчезнет контроль над ситуацией и распавшаяся стая окажется в эпицентре конфликтов партий: *Путин потому и является незаменимым, что контролирует правящую элиту изнутри, как вождь стаи, а не как Президент. Путин — главный „разводящий“ России, он не позволяет кланам пожрать друг друга. Без него стая тут же распадется на многочисленные „толки“, враждующие между собой, и потеряет возможность контролировать страну* (Новая газета, 2013).

Зооморфная метафора отмечена ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом, и будущее России без действующего президента видится в политических прогнозах как битва политических хищников между собой, что будет иметь негативные последствия для страны и ее граждан.

6. Сфера-источник «Карточные игры». В политической коммуникации, с ее острой конкурентной борьбой и стремлением до-

биться победы любой ценой, в том числе и с нарушениями существующих правил и процедур, активно используются метафоры игры в карты. В частности, востребованными при метафорической экспансии оказываются смысловые блоки, связанные с темами азарта, случайности, нарушением правил и даже шулерством. Достаточно активно подобные метафоры используются для указания на нечестную игру политических соперников, на несправедливую победу на выборах.

В политических прогнозах Владимира Пастухова в метафорическом значении используются лексемы и словосочетания *игральный стол, карты, тройка, семерка, туз, колода, козыри, козырная комбинация, меченая карта, карточные трюки, карточная партия, карточный домик, Jackpot*.

Победа на президентских выборах В. В. Путина предстает в метафорической интерпретации Владимира Пастухова как победа в карточной партии, победа, ставшая возможной благодаря умелому использованию трех магических карт, образ которых так активно эксплуатируется в русской лингвокультуре: *Шесть лет назад, в ответ на робкую попытку очередной русской революции предъявить свои права на власть, он выложил на политический игральный стол убойную козырную комбинацию из трех карт и выиграл „Jackpot“ русской контрреволюции. У его оппонентов, напротив, на руках не оказалось ни одного козыря. С тех пор Путин не выпускает эти три карты из своих рук* (Новая газета, 2013).

При этом легитимность победы Путина на выборах политолог не подвергает сомнению, видя в этой победе не столько удачный выбор политтехнологий, сколько созвучность политической программы президента ожиданиям народа: *Так что Путин выиграл эту партию не с помощью политтехнологических трюков, как многим бы хотелось думать, а именно политически, предложив не словом, а делом стране курс, на который она подседа, как на иглу* (Новая газета, 2013).

Будущее России после завершения президентских полномочий В. В. Путина видится политологу не столь оптимистично, поскольку успешно продолжить карточную партию без его участия возможные преемники категорически не способны: *Из этих трех меченых карт Путин сложил свой уютный карточный домик. Но жить в нем может только он сам. Оставшись бесхозным, домик сложится в простую колоду без единого козыря. Этой колодой наследники Путина вынуждены будут играть против кризиса* (Новая газета, 2013). Разруше-

ние созданного карточного домика (пересечение карточной и строительной метафор) также акцентирует внимание на тех необратимых последствиях, которые ждут Россию в будущем.

7. Сфера-источник «Музыка». Акустические метафоры традиционно обладают положительным прагматическим потенциалом, поскольку ассоциативно связаны с артистизмом, профессиональным мастерством, эстетическим наслаждением и в определенной степени являются знаком элитарности, принадлежности к высшим слоям. Метафоры с данной сферой-источником достаточно редко используются в политическом дискурсе.

В идиолекте Владимира Пастухова музыкальные метафоры занимают важное место и активно используются для метафорического моделирования политических процессов. Метафорическое значение приобретают лексемы *ноты, аккорды, мелодия, мотив, лейтмотив, аранжировка, песня, симфония, играть, исполнять* и др.

Так, победа В. В. Путина на выборах 2018 г. объясняется следующим образом: *Пока оппоненты Путина били себя кулаком в грудь, заявляя „я — политик!“, он оказался практически единственным, кто занимался политикой, а не только риторикой, отыскивая ту единственную и неповторимую формулу, которая позволит ему создать прочный тандем с его народом. Он преуспел, потому что научился петь песни, которые нравятся народу* (Новая газета, 2018).

Если в игровой метафоре успех политической кампании связывался с магической силой трех карт, то в данном случае речь идет об умелом использовании трех базовых аккордов: *Необходимо различать лейтмотив политики Путина и ее аранжировку. Репрессии, пропаганда, фальсификации — это все вторично. Первична же комбинация из трех аккордов — милитаризм, архаика и левый популизм. Это та мелодия, которую сегодня хочет слышать народ, и никакая другая его не устраивает. Путин научился виртуозно исполнять при помощи этих трех аккордов политические симфонии любой сложности. Поэтому народ проголосует за Путина даже на демократических выборах, и никакие разоблачения ему в ближайшее время не страшны* (Новая газета, 2018).

Будущее России после Путина Владимир Пастухов также представляет, используя акустические метафоры. В частности, две возможные стратегии развития страны выглядят как *«новые песни о старом»* и *«старые песни о новом»*: *Новые песни о старом. Рано или поздно кто-то научит-*

ся играть на базе тех же трех аккордов другую мелодию. Ноты в принципе будут те же, но компоновка другая. Например, внешнего врага можно будет заменить внутренним (классовым) (Новая газета, 2018); *Старые песни о новом. В оптимальном для России сценарии, который выглядит не очень романтично и увлекательно, зато более вегетариански, старая проданная и перепроданная множество раз посткоммунистическая элита находит в себе силы для консолидации и возвращает себе место в политике* (Новая газета, 2018).

Попутно приведем содержащуюся в информационно-аналитической статье 2018 г. достаточно показательную историю о беседе В. В. Путина и Б. Немцова по поводу будущего гимна России, имеющую непосредственное отношение к используемым В. Пастуховым музыкальным метафорам: *Есть апокриф, истинность которого уже невозможно проверить. Был свидетелем рассказа Бориса Немцова о том, как он встречался с Путиным по поводу российского гимна. Немцов тогда передал ему петицию с просьбой не возвращать советский прототип. Якобы, взяв письмо в руки, Путин спросил: „А тебе самому музыка нравится?“ Немцов сказал: „Нет“. „И мне, — ответил Путин. — А вот народу нравится. А какой народ, такие и песни...“* (Новая газета, 2018). Приведенные примеры дают основания утверждать, что музыкальные метафоры используются Владимиром Пастуховым для демонстрации неких консервативных тенденций в политике, ориентации действующего президента на симпатии народа, простоты и незамысловатости политических ходов, актуализируют отсутствие глобальных изменений в политических сценариях.

Анализ показал, что метафорические модели, репрезентирующие будущее России в информационно-аналитических статьях В. Пастухова, отличаются разнообразием и яркостью, что позволяет автору не только привлекать и удерживать внимание читателей, но и доступным языком объяснять сложнейшие политические проблемы, выстраивать объективный и убедительный анализ возможных перспектив развития страны.

Основными сферами-мишенями метафорической экспансии в исследуемом материале выступают собственно будущее страны, действующий президент, его политические соратники, противники и возможные преемники, а также возможные пути развития страны.

Как известно, любая модель будущего

проходит через поляризующую призму, распадаясь на аксиологические противоположности — «светлое» и «мрачное» [Солопова 2016], или, в иной терминологии, «Ноев ковчег» и «Апокалипсис» [Немирова 2015]. Представленная в политических прогнозах Владимира Пастухова метафорическая модель будущего России ближе по своей сути ко второму типу. Это четко видно в метафорах, характеризующих грядущее через сопоставление с природными катаклизмами (*лаводок, потоп*) и техногенными катастрофами (*падение воздушного судна*), даже метафорическая модель строительства, созидательная по своей природе, представлена в политических прогнозах В. Пастухова исключительно деструктивными вариантами (*руины, развалины, разруха*). Используемые в процессе прогнозирования метафорические модели обладают преимущественно негативным прагматическим потенциалом, порождая у адресатов чувство тревоги и обеспокоенности за судьбу страны и свое будущее.

При достаточно критичном отношении к политике В. В. Путина, эксперт убедительно демонстрирует его стабилизирующую и консолидирующую роль в современном мире, используя для этой цели объединенные общим значением метафоры из разных сфер-источников. В частности, действующий президент представляется как *плотина*, сдерживающая водную стихию, *консервант*, сохраняющий качество продукта, *вожак стаи*, не допускающий конфликтов соплеменников.

Профессиональные качества президента также оцениваются достаточно высоко — это смелый *пловец*, плывущий против течения, *летчик*, удерживающий штурвал уходящего в штопор самолета, *игрок*, имеющий на руках козыри, *вокалист*, исполняющий политические симфонии любой сложности. Возможным политическим преемникам отводится роль *игроков*, которым достанется колода без козырей, *строителей*, которым придется восстанавливать руины, *левцов*, которым нужно научиться исполнять такие песни, которые так же будут нравиться народу, как те, что исполняет действующий президент.

Также разнообразные метафоры используются для указания на два возможных пути развития страны в будущем. Политическим преемникам предлагаются следующие варианты: *заново отстраивать развалины* или *снести имперский хлам до основания, чтобы выстроить на его месте новое государство*, или, в терминах иной метафорической модели, *петь старые песни о новом* или *новые песни о старом*. В. Пастухов стремится показать, что после завершения президентских полномочий В. В. Путина в

России настанет переломный момент, страна окажется в состоянии кратковременного хаоса, для преодоления которого необходимо будет оперативно сделать выбор между разными сценариями будущего.

В заключение стоит отметить принципиально разные целевые установки моделирования будущего страны политиками и политологами. Если политики создают образ «мрачного будущего» с целью демонстрации несовершенства политики конкурентов, а образ «светлого будущего» — для убеждения в собственной политической правоте и в ожидании политической поддержки, т. е. их образ будущего всегда субъективен и детерминирован собственными политическими интересами, то политологи ориентированы на объективный анализ ситуации, обозначение нескольких возможных вариантов развития событий в будущем.

Используя метафоры, политологи не стремятся «предсказать» будущее, их задача — наглядно продемонстрировать его альтернативные варианты, прогрессивные и регрессивные тенденции, их обусловленность политическими событиями прошлого и настоящего.

ИСТОЧНИКИ

1. Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru>.
2. Republic.ru. URL: <https://republic.ru>.
3. Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru>.

ЛИТЕРАТУРА

4. Игнатова Ю. С. Гидроморфная метафорика как средство политического прогнозирования будущего России (на примере политических прогнозов В. Пастухова) // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации: материалы симпозиума XIV (XLVI) Междунар. науч.-практ. конф. «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» / сост. Ю. В. Подковырин. — Кемерово: Кемерово гос. ун-т, 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD).
5. Кондратьева О. Н., Жегло А. В. Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеров-

ской области // Политическая лингвистика. 2019. № 2. С. 55—61.

6. Кондратьева О. Н. «Перестройка» и «Перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 32—39.

7. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б. Ретропрогноз как инструмент проектирования прошлого? // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 37—43.

8. Лесняк М. В. Тактика «создание светлого будущего» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 110—116.

9. Методология и методики лингвопрогностического анализа в российской политической лингвистике // Теория и методика лингвистического анализа политического текста: моногр. / отв. ред. А. П. Чудинов; А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба, Н. Н. Кошкарлова, О. Н. Кондратьева, М. В. Никифорова, И. С. Пирожкова, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. 303 с.

10. Немирова Н. В. Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 148—155.

11. Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий / под ред. В. С. Пусько. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2010. 110 с.

12. Сенцов А. Е. Моделирование политического будущего в партийных программах: моногр. — Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2013. 193 с.

13. Солопова О. А. Образ будущего в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 19. С. 210—216.

14. Солопова О. А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855—1881) и XXI в. (2000—2014): дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2016. 606 с.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

16. Шевелевский И. М. Экономический и политический прогноз в современном медиадискурсе (на материале деловых медиа) // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2015. № 1. С. 216—220.

17. Шипицына Г. М., Свистельникова С. А. Метафоры строительства и движения в коммунистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 59—63.

18. Chudinov A. P., Solopova O. A. Linguistic political prognostics: Models and scenarios of future // Procedia — social and behavioral sciences. — Amsterdam, 2015. Vol. 200. P. 412—417.

O. N. Kondrat'eva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9469-3634

Yu. S. Ignatova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3771-1346

✉ E-mail: Kondr25@rambler.ru; ign976@mail.ru.

Metaphorical Modeling of Russia's Future in Political Forecasts (on the basis of the texts by Vladimir Pastukhov)

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the features of metaphorical modeling of the future of Russia in the political predictions of professional political experts. Information and analytical articles and forecasts by the Russian political analyst Vladimir Pastukhov, presented on the websites of «Novaya Gazeta» and «Republic.ru» publications, as well as his interview on the radio station «Ekho Moskvy», were used as material for the study.

Probable models of the future of Russia “after Putin” are presented in the analytical reviews of Vladimir Pastukhov with the help of metaphorical models, the set of which allows the author to create a bright and three-dimensional image of Russia at a new stage of its history. Metaphors with source domains «Natural cataclysms», «Construction», «Technology», «Food», «Gambling», «Music», and «Animals» are most actively used by the political scientist for this purpose. The basic target domains of metaphorical expansion in the investigated material include the future of the country, the current presi-

dent, his political colleagues, opponents and potential successors, as well as possible ways of progress of the country. The metaphorical model of the future of Russia, presented in Vladimir Pastukhov's political predictions, is closer in essence to the «dark future» cognitive model, which is clearly seen in the metaphors that characterize the future through comparison with natural disasters (flood, deluge) and man-made disasters (air crash); even the metaphorical model of construction, inherently creative in its essence, is represented exclusively by destructive variants (ruins, debris, devastation). The metaphorical models used in the forecasting possess have a predominantly negative pragmatic potential, generating in addressees the feelings of alarm and concern about the destiny of the country and the future.

The study has shown distinctions in the motives of the politicians and political scientists while modeling the future of the country. If politicians traditionally create an image of «dark future» to demonstrate the drawbacks of the political program of their opponents, political scientists focus on the objective analysis of the situation, on the prediction of several possible versions of the course of events in the future, and on the demonstration of dependence of the future predicted on the political events of the past and the present.

KEYWORDS: political communication; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphorology; political metaphors; political forecasts; linguopersonology; the future of Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Kondrat'eva Ol'ga Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Ignatova Yuliya Sergeevna, Student of Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kondrat'eva, O. N. Metaphorical Modeling of Russia's Future in Political Forecasts (on the basis of the texts by Vladimir Pastukhov) / O. N. Kondrat'eva, Yu. S. Ignatova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 60-70. — DOI 10.26170/pl19-03-07.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-012-00522 “The problem of Legitimization in Political Discourse: Linguopersonological Aspect”.

MATERIALS

1. New Newspaper. [Novaya gazeta]. URL: <https://www.novaya-gazeta.ru>.
2. Republic.ru. URL: <https://republic.ru>.
3. Radio “Echo of Moscow”. [Radio «Ekho Moskvyy»]. URL: <https://echo.msk.ru>.

REFERENCES

4. Ignatova Yu. S. Hydromorphic Metaphors as a Means of Political Forecasting of the Future of Russia (on the Example of the Political Predictions of V. Pastukhov) // Philology, Foreign Languages and Media Communications: Materials of the Symposium XIV (XLVI) Intern. Scientific-practical conf. “Education, Science, Innovation: the Contribution of Young Researchers” / comp. Yu. V. Podkovyryn. — Kemerovo : Kemerovo State Univ., 2019. 1 electron. wholesale disk (DVD). [Gidromorfnyaya metaforika kak sredstvo politicheskogo prognozirovaniya budushchego Rossii (na primere politicheskikh prognozov V. Pastukhova) // Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii: materialy simpoziuma XIV (XLVI) Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Obrazovanie, nauka, innovatsii: vklad molodykh issledovateley» / sost. Yu. V. Podkovyryn. — Kemerovo : Kemerov. gos. un-t, 2019. 1 elektron. opt. disk (DVD)]. — (In Rus.)
5. Kondrat'eva O. N., Zheglo A. V. Tactics of Creation of “a Brighter Future” for the Region in the Pre-election Discourse of Kemerovo Oblast // Political Linguistics. 2019. No. 2. P. 55—61. [Taktika sozdaniya «svetlogo budushchego» regiona v predvybornom diskurse Kemerovskoy oblasti // Politicheskaya lingvistika. 2019. № 2. S. 55—61]. — (In Rus.)
6. Kondrat'eva O. N. «Restructuring» and «Reloading»: Metaphors of Transformation in Political Communication (lingvokognitive analysis) // Political Linguistics. 2015. No. 4. P. 32—39. [«Perestroyka» i «Perezagruzka»: metafory preobrazovaniya v politicheskoy kommunikatsii (opyt lingvokognitivnogo analiza) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4. S. 32—39]. — (In Rus.)
7. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B. Retroprognosis as Past Modelling Instrument? // Political Linguistics. 2016. No. 4. P. 37—43. [Retroprognoz kak instrument proektirovaniya proshlogo? // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 37—43]. — (In Rus.)
8. Lesnyak M. V. The Tactics of “Making Tomorrow Better” in Political Communication // Political Linguistics. 2013. No. 4. P. 110—116. [Taktika «sozdanie svetlogo budushchego» v politicheskoy kommunikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 110—116]. — (In Rus.)
9. Methodology and Methods of Linguistic Prognostic Analysis in Russian Political Linguistics // Theory and Methods of Linguistic Analysis of a Political Text: monograph. / resp. ed. A. P. Chudinov ; A. P. Chudinov, E. V. Budaev, E. V. Dzyuba, N. N. Koshkarova, O. N. Kondratieva, M. V. Nikiforova, I. S. Pirozhkova, N. B. Ruzhentseva, O. A. Solopova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2016. 303 p. [Metodologiya i metodiki lingvoprognoticheskogo analiza v rossiyskoy politicheskoy lingvistike // Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta : monogr. / otv. red. A. P. Chudinov ; A. P. Chudinov, E. V. Budaev, E. V. Dzyuba, N. N. Koshkarova, O. N. Kondrat'eva, M. V. Nikiforova, I. S. Pirozhkova, N. B. Ruzhentseva, O. A. Solopova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. 303 s.]. — (In Rus.)
10. Nemirova N. V. Precedential Character of Political Prediction in Newspaper Discourse // Political Linguistics. 2015. No. 3 (53). P. 148—155. [Pretsidentnost' politicheskogo prognozirovaniya v gazetnom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 148—155]. — (In Rus.)
11. Political Science. A Brief Dictionary of Basic Terms and Concepts / under. ed. of V. S. Pusko. — Moscow : Publ. House of Moscow State Technical Univ. of N. E. Bauman, 2010. 110 p. [Politologiya. Kratkiy slovar' osnovnykh terminov i ponyatiy / pod. red. V. S. Pus'ko. — M. : Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana, 2010. 110 s.]. — (In Rus.)
12. Sentsov A. E. Modeling the Political Future in Party Programs : monograph. — Tomsk : Publishing House of Tomsk Polytechnic Univ., 2013. 193 p. [Modelirovanie politicheskogo budushchego v partiynykh programmakh : monogr. — Tomsk : Izd-vo Tomsk. politekhn. un-ta, 2013. 193 s.]. — (In Rus.)
13. Solopova O. A. The Image of the Future in Political Discourse // Political Linguistics. 2006. No. 19. S. 210—216. [Obraz budushchego v politicheskoy diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2006. № 19. S. 210—216]. — (In Rus.)
14. Solopova O. A. Linguistic and Political Prediction: a Comparative Study of the Models of the Future of Russia in the Political Discourses of Russia, the United States and Great Britain of the 19th Century (1855—1881) and the XXI Century. (2000—2014) : doctoral thesis ... Dr of Phil. Sciences. — Ekaterinburg, 2016. 606 p. [Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii XIX v. (1855—1881) i XXI v. (2000—2014) : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2016. 606 s.]. — (In Rus.)


15. Chudinov A. P. *Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000)* / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2001. 238 p. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafor (1991—2000) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.]. — (In Rus.)

16. Shevelevskiy I. M. *Economic and Political Forecast in Modern Media Discourse (on the Material of Business Media)* // Proceedings of Tver State Univ. Ser. “Philology”. 2015. No. 1. P. 216—220. [Ekonomicheskiy i politicheskiy prognoz v sovremennom mediadiskurse (na materiale delovykh media) // Vestn.

Tver. gos. un-ta. Ser. «Filologiya». 2015. № 1. S. 216—220]. — (In Rus.)

17. Shipitsina G. M., Svistelnikova S. A. *Metaphors of Construction and Movement in the Communist Discourse* // Political Linguistics. 2011. No 2 (36). P. 59—63. [Metaforы stroitel'stva i dvizheniya v kommunisticheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 2 (36). S. 59—63]. — (In Rus.)

18. Chudinov A. P., Solopova O. A. *Linguistic political prognostics: Models and scenarios of future* // Procedia — social and behavioral sciences. — Amsterdam, 2015. Vol. 200. P. 412—417.

В. Р. МуравлеваВоенный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4083-4619  **E-mail:** VR.Muravleva@mail.ru.

Информационная война: лингвистические вопросы формирования и структурирования терминологической системы

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу терминологических единиц, обозначающих понятие «информационной войны». После появления в широком научном дискурсе данного феномена все больше и больше укреплялась тенденция подведения максимального количества форм, средств и способов воздействия под это понятие. В результате активного развития данного явления и изучения его рядом наук, каждая из которых дает ему собственное наименование, возник и продолжает расти ряд синонимичных терминов, что, в свою очередь, создает путаницу и препятствует дальнейшему, более детальному рассмотрению важного в наши дни вопроса. В статье представлены наиболее частотные термины, употребляющиеся со значением «информационная война» как в русском, так и в английском языке. Актуальность изучения информационной войны подтверждается «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации», а также докладами ООН. Выявлены основные причины возникновения синонимического ряда, а также названы возможные способы решения данной проблемы. В качестве решения изучаемой проблемы автор предлагает создать единую наддисциплинарную терминологическую систему с возможностью составления определений, необходимых для каждого конкретного направления исследований. Проанализированы наиболее частотные термины со значением «информационная война», а именно: «информационная война», «информационное противоборство», «информационная интервенция», на основании чего предложен центральный термин. Практическая значимость статьи обусловлена тем, что выработка единой терминологической системы повысит эффективность составления тактик и стратегий по противодействию информационному давлению, оказываемому на Российскую Федерацию, а в перспективе будет способствовать разработке сдерживающих механизмов и ограничительных норм международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационные войны; информационное противоборство; информационная безопасность; терминология; терминоведение.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Муравлева Валерия Романовна, адъюнкт Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; 125047, Россия, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14; e-mail: VR.Muravleva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Муравлева, В. Р. Информационная война: лингвистические вопросы формирования и структурирования терминологической системы / В. Р. Муравлева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 71-76. — DOI 10.26170/pl19-03-08.

На сегодняшний день информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого отдельного человека и общества в целом. Они приобрели трансграничный характер и нашли свое применение в таких сферах, как политика, экономика, военное дело и многих других, позволив сэкономить финансовые и человеческие ресурсы, а с другой стороны, создав новые информационные угрозы. Возможность практически беспрепятственного оборота информации активно используется для достижения геополитических, военных, террористических и иных целей, тем самым угрожая международной безопасности.

В 1985 г. китайский ученый Шэн Вэйгуан опубликовал книгу «Информационная война», впервые официально употребив данный термин [Панарин 2006: 211]. С 1992 г. понятие «информационное противоборство» (Information Warfare) стало официально использоваться Министерством обороны США (директива DOD S 3600.1) как разновидность

радиоэлектронной борьбы. Однако немногим позже, в 1996 г., это понятие получило расширительную трактовку в отчете американской корпорации «Рэнд» MR-661-OSD (Strategic Information Warfare. A New Face of War), в котором информационная война понималась как использование киберпространства в целях воздействия на ход боевых действий, а также нанесение ущерба государственным информационным структурам [Molander 1996].

Актуальность исследования информационной войны во всем многообразии ее аспектов диктуется рядом официальных документов как в нашей стране, так и за рубежом. Так, в докладе Генерального секретаря ООН (A/56/164MШ.1 от 3 окт. 2001 г.) информационные войны были отнесены к основным угрозам личности, обществу и государству в информационном пространстве наряду с такими угрозами, как разработка и использование средств несанкционированного вмешательства в информационную

сферу другого государства; неправомерное использование чужих информационных ресурсов и нанесение им ущерба; целенаправленное информационное воздействие на население иностранного государства; попытки доминирования в информационном пространстве; поощрение терроризма [Иванов 2013: 276].

В России важность изучения информационной войны определяется «Доктриной информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Пункт 18 данного документа гласит: «Состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований <...>. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая ее целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую не имеют комплексной основы» [Доктрина информационной безопасности РФ 2016]. Далее в пункте 27 ставятся непосредственные задачи, способствующие обеспечению информационной безопасности, а именно: «в) проведение научных исследований и осуществление опытных разработок в целях создания перспективных информационных технологий и средств обеспечения информационной безопасности; <...>; д) обеспечение защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности» [Доктрина информационной безопасности РФ 2016].

На современном этапе изучением информационных войн занимается широкий круг наук — политология, информатика, психология, лингвистика и многие другие. Каждое научное направление при изучении понятия «информационная война» расставляет свои акценты и приоритеты. В связи с этим в настоящее время существует огромное количество терминов и определений, обозначающих «информационную войну» и тесно связанные с ней явления.

В данной работе под «термином» мы понимаем «инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме» [Комарова 1991: 46].

По мнению Д. С. Лотте, наличие у одного понятия в различных научных направлениях различных терминов становится причиной создания путаницы даже во взаимодействии

специалистов, нарушает возможность быстрого обмена опытом, ведет к разобщению, обуславливая так называемое «дробление» языка [Лотте 1961: 16].

При анализе работ, посвященных информационной войне, нам встретилось более 60 терминов и понятий, используемых в качестве синонимов обозначений рассматриваемого нами явления, а также тесно с ним связанных, например: информационно-психологическое противоборство, гибридно-информационная война, диффузная война, информационная интервенция, бихевиристская интервенция, пропагандистская война, виртуальная революция, смысловая война, медиавойна и др.

В английском языке встречаются такие термины, как информационные операции (*information operations*), действия по нарушению управления противника (*command and control warfare*), психологические операции (*psychological operations*), информационная безопасность (*information security*), операции влияния (*influence operations*), радиоэлектронная война (*electronic warfare*), кибербезопасность (*cybersecurity*), общественная дипломатия (*public diplomacy*), кибершпионаж (*cyber espionage*), кибервойна (*cyberwar*), хакерские атаки (*hackerwar*), информационно-экономическая война (*information economic warfare*) [Franke 2015: 41; Libicki 1995: 3].

По заявлению Объединенного центра передовых технологий по киберобороне НАТО (NATO's Cooperative Cyber Defense Center of Excellence), существует более 20 дефиниций термина «кибератака» — они зависят от государства, организации, СМИ, которые их используют [McClintock 2017]. Сосчитать же дефиниции всех существующих синонимов «информационной войны» едва ли представляется возможным.

Из приведенного выше многообразия инвариантов обозначения одного понятия видно, что единый сформированный и сформулированный терминологический аппарат, необходимый для дальнейшего изучения специфики информационной войны, отсутствует не только в русском языке, но и на международном уровне в целом. Причиной этого можно считать:

- новизну понятия «информационная война»;
- отсутствие организованной и четко сформулированной структуры информационной войны;
- широкий спектр сфер применения (экономика, политика, СМИ) и, как следствие, множество подходов к изучению;
- активный рост способов и методов ведения информационной войны;
- отсутствие четко определенных объек-

тов и субъектов воздействия;

– отсутствие описания особенностей ситуативности применения информационной войны.

Неопределенность перечисленных выше факторов особенно четко просматривается при выстраивании параллели между относительно схожими понятиями, имеющими закрепленное значение в словарях. Для примера возьмем уже устоявшийся термин «ядерная война», появившийся, как и «информационная война», относительно недавно — в середине прошлого века. Согласно Большой российской энциклопедии, ядерная война — это «гипотетическая война между государствами (коалициями государств), основным средством поражения противника в которой является ядерное оружие» [Осипов 2017: 548]. В данной дефиниции четко определены акторы и средства ведения войны. При этом «ядерное оружие», в свою очередь, также имеет устоявшуюся дефиницию как в словаре («оружие массового поражения, в котором средством поражения являются боеприпасы с ядерными зарядами» [Осипов 2017: 564]), так и в сознании людей, в том числе и не являющихся специалистами в данной сфере. Услышав термин «ядерная война» в обыденной жизни, мы представляем себе возможные средства доставки боеприпасов, поражающие факторы данного вида боевых действий и приблизительную зависимость мощности заряда и зоны поражения. В какой-то степени можно сказать, что ядерная война предметна, ее средства поражения можно потрогать и посчитать, в то время как информационная война абстрактна. Ее методы и оружие не видны, и, как следствие, мы не можем предположить, какова будет зона поражения, кто пострадает и в какой мере, что затрудняет составление универсальных базовых дефиниций.

Одним из наиболее эффективных способов разрешения вышеперечисленных причин разрозненности рассматривающих информационную войну трудов, на наш взгляд, является составление четко структурированной наддисциплинарной терминосистемы, определения которой могут претерпевать незначительные различия ввиду особенностей научного направления.

Создание универсального определения, в отличие от термина, невозможно. Цель любого определения — фиксация содержания понятия, его значения; оно должно обозначать границы обслуживаемого термином явления и содержать наиболее важные и достаточные признаки, во-первых, определяющие его место среди других понятий, и, во-вторых, создающие его специфичность.

Определение должно быть доступно для понимания возможно большему кругу лиц, изложено в основном вербально, максимально кратко и построено так, чтобы по возможности вскрывать физическую сущность понятия. Если же пытаться создать максимально всеобъемлющее определение (что в принципе невозможно, из-за того что определяемое понятие развивается, изучается и приобретает новые свойства и характеристики), то его объемы и синтаксическая структура сделают его слишком сложным для восприятия.

Структурированность любой терминосистемы связана с тем, что каждый термин имеет вполне определенное место по соподчиненности с другими, которое зависит от места соответствующего понятия во всей данной системе понятий [Лотте 1961: 14].

Наиболее универсальной и относительно устоявшейся классификацией информационной войны является ее разделение на информационно-психологическую (воздействии на моральное состояние людей, их взгляды, ценности, приоритеты) и информационно-техническую (воздействии на системы связи и управления) [Сковородников 2016: 42].

При рассмотрении наиболее частотных терминов для изучаемого нами явления особое внимание следует уделить группе «информационная война» — «информационное противоборство» — «информационная интервенция».

Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой, война — это «1) вооруженная борьба, боевые действия между племенами, народами, государствами и т. п.; 2) борьба, при которой используются средства экономического и идеологического воздействия» [Ефремова 2000: 705]. Словарь синонимов З. Е. Александровой предлагает следующую синонимическую группу: «военные (или боевые) действия, брань, рать» [Александрова 1986: 61].

Противоборство же, в свою очередь, — это «борьба против кого-л., чего-л.; сопротивление кому-л., чему-л.» [Ефремова 2000: 684]. Синонимами «противоборства» З. Е. Александрова называет «отпор, противодействие, противление» [Александрова 1986: 402].

Таким образом, мы видим, что война — это борьба, характеризующаяся равными действиями сторон, в то время как «противоборство» — это скорее ответные действия одной стороны на агрессивные действия другой.

А. А. Костюхин и С. А. Киреев утверждают, что «противоборство» — это борьба, но-

сящая в первую очередь морально-психологический характер и продолжающаяся неопределенно долго. «Войной» они называют организованные действия, направленные на решение политических задач и являющиеся не потенциальными, а реальными [Костюхин, Киреев 2012].

Г. К. Вирен также отмечает, что термин «война» чаще всего используется для описания подготовки к ведению реальных боевых действий, в то время как «противоборство» относится к конфликтам, которые не перерастают в реальные войны [Вирен 2018: 16].

Рассмотренные нами термины, употреблявшиеся длительное время в качестве абсолютных синонимов, в последних исследованиях разграничиваются в соответствии с сущностью обозначаемых понятий: «противоборство» — это контрмеры, не имеющие временных рамок, основная задача которых — нейтрализовать действия противника и не допустить разрастания конфликта, а «война» — это действия сторон, каждая из которых преследует собственные политические, экономические и другие интересы.

Интервенция, согласно Большой российской энциклопедии, — это «вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства или в его взаимоотношения с третьим государством в целях захвата территории, установления своего политического господства, экономического порабощения, приобретения привилегий и т. п.» [Осипов: 296]. Данный термин в контексте информационной войны употребляется не столь часто и подразумевает действия субъекта информационной войны, осуществляемые при относительном бездействии объекта, в то время как «противоборство» — это спровоцированные субъектом действия объекта. Данный термин, с нашей точки зрения, несет в себе еще и сильное коннотативное значение, основанное на делении «свой — чужой».

С юридической точки зрения термин «война» может быть употреблен в следующих условиях:

- 1) о состоянии войны официально объявляется,
- 2) война предполагает разрыв дипломатических отношений между государствами,
- 3) осуществляется введение частичного или полного военного положения,
- 4) при ведении войны нормы международного гуманитарного права являются обязательными к соблюдению [Зеленков 2006: 182—183].

В свою очередь, вмешательство во внутренние дела другого государства (в том числе и информационное пространство) яв-

ляется нарушением международного гуманитарного права (зафиксировано в Заключительном акте СБСЕ (1975), а также в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (1981)) [Осипов: 296].

В соответствии с современной геополитической обстановкой мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время мы фактически можем говорить лишь об информационном противоборстве, так как ни одна страна официально не признает применения информационного воздействия на население других государств, а свои действия характеризует как ответную реакцию на информационную интервенцию.

Термин «информационные операции» также ошибочно используется в качестве синонима «информационной войны». Операция — это совокупность согласованных и взаимосвязанных действий, проводимых по единому плану, для решения конкретных задач. При обобщении данных терминов искажаются видо-родовые отношения понятий. Операция является средством реализации целей и задач информационной войны.

Еще одним типичным примером нарушения видо-родовых отношений является использование термина «пропаганда» в значении «информационная война». Значения данных терминов, на первый взгляд, максимально схожи: пропаганда — это «популяризация и распространение политических, философских, религиозных, научных, художественных или иных идей в обществе посредством устной речи, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание» [Ивин 2004: 874], однако, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, пропаганда, в отличие от информационной войны, осуществляется открыто, задачи по внушению ложных целей и сокрытию воздействия в ней не реализуются. Первым же признаком информационной войны он называет «скрытность воздействия и внушение человеку желаний, заведомо противоречащих его главным ценностям и интересам» [Кара-Мурза 2010: 37]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пропаганда в определенных случаях может быть использована в качестве средства психологического воздействия в ходе информационной войны, но не равнозначна ей.

Одним из самых необычных терминов, встретившихся нам в значении, синонимичном «информационной войне», был термин «бихевиористическая война». Данный вариант номинации изучаемого нами явления понятен очень узкому кругу специалистов,

знакомых с поведенческой психологией, основателем которой является Д. Уотсон. Определение, раскрывающее особенности такой войны, по сей день официально не зафиксировано. Лотте призывает «решительно бороться с дурной тенденцией создавать „свой“ отраслевой термин для чужого понятия, когда в этом нет необходимости» [Лотте 1961: 24]. Существование данного термина в настоящий момент не имеет обоснованной базы, принципиально отличающей его от общего термина «информационная война».


Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что составление единой терминологической системы для описания понятия «информационная война» будет значительно способствовать изучению данного явления в наддисциплинарном ключе, что, в свою очередь, повысит эффективность составления тактик и стратегий по противодействию информационному давлению. Центральным термином для изучаемого нами явления предлагаем считать «информационную войну» ввиду официального статуса войны и, как следствие, наличия у нее четко сформулированных целей, задач и методов. «Информационное противоборство» — это реализация информационной войны в неофициальных условиях, средства которой, носящие неопределенный, зачастую спонтанный характер, могли бы усложнить изучение и описание данного явления, что не позволяет сделать данный термин центральным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : ок. 9000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. — М. : Русский язык, 1986. 600 с.
2. Вирен Г. В. Третья мировая... Информационная. — М. : Звонница-МГ, 2018. 276 с.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

V. R. Muravleva

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4083-4619 

 E-mail: VR.Muravleva@mail.ru.

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Рус. яз., 2000. Т. 1. 1209 с. (Б-ка словарей рус. яз.).

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с. (Б-ка словарей рус. яз.).

6. Зеленков М. Ю. Военная политология: учеб. пособие. — М. : Красная звезда, 2006. 400 с.

7. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2013. Т. 2. № 4 (80). С. 276—279.

8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. 864 с.

9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. — Свердловск, 1991. 156 с.

10. Костюхин А. А., Киреев С. А. «Война или противоборство?» [Электронный ресурс] // Мир и политика. 2012. URL: <https://studylib.ru/doc/3866142/4gw—«vojna»-ili-«protivoborstvo»> (дата обращения: 10.02.19).

11. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

12. Осипов Ю. С. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 11. Излучение плазмы — Исламский фронт спасения. — М. : БРЭ, 2008. 766 с. : ил.

13. Осипов Ю. С. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 30. Шервуд — Яя. — М. : БРЭ, 2017. 798 с. : ил.

14. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика : учеб. пособие для вузов. — М. : Горячая линия — Телеком, 2006. 352 с. С 211.

15. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.

16. Философия : энцикл. слов / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

17. Libicki M. C. What is Information Warfare? — The Center for Advanced Command Concepts and Technology Institute for National Strategic Studies, 1995. 104 p.

18. McClintock B. Russian Information Warfare: A Reality That Needs a Response (2017) [Electronic resource]. URL: <https://www.rand.org/blog/2017/07/russian-information-warfare-a-reality-that-needs-a.html> (date of access: 18.02.2019).

19. Molander R., Riddile A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War [Electronic resource]. — National Defense Research Institute RAND, 1996. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (date of access: 16.02.19).

20. Ulrik Franke. War by non-military means: understanding Russian information warfare [Electronic resource]; FOI Report, FOI-R-4065-SE, March 2015. P. 41. URL: <http://www.foi.se/en/Top-menu/Pressroom/News/2015/War-by-Non-Military-means> (date of access: 18.01.19).

Information War: Linguistic Issues of Formation and Structuring of the Terminological System

ABSTRACT. *The article deals with analysis of terminological units denoting «information wars». After the appearance of this phenomenon in the broad scientific discourse, the tendency to expand the scope of the notion by including more and more forms, means and kinds of influence in it became rather popular. As a result of active development of this phenomenon and its study by a number of sciences, each of which gives it its own name, a host of synonymic terms have come to life, which, in its turn, produces terminological chaos and prevents further and more detailed treatment of this urgent issue. The article describes the more frequently used terms with the meaning “information war” both in Russian and in English. The urgency of the study of information wars is corroborated by the “Doctrine of Information Security of the Russian Federation” and the reports of the United Nations Organization. The article reveals the main causes of emergence of the synonymic row and names the probable ways of the problem solution. As one of the ways of solution of the problem, the author suggests*

creating a uniform super-disciplinary terminological system allowing scholars to invent definitions necessary for each particular aspect of research. The article analyzes more frequent terms with the meaning “information war”, such as “information war”, “information confrontation”, “information intervention”, and on this ground suggests a dominant term. The practical value of the article consists in the fact that creation of a uniform terminological system could raise the efficiency of the design of strategies and tactics of counteraction to information pressure over the Russian Federation, and in future may facilitate the introduction of check mechanisms and restriction norms in the international law.

KEYWORDS: *information wars; information confrontation; information security; terminology; terminological studies.*


AUTHOR'S INFORMATION: *Muravleva Valeriya Romanovna, Post-graduate Student of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Muravleva, V. R. Information War: Linguistic Issues of Formation and Structuring of the Terminological System / V. R. Muravleva // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 71-76. — DOI 10.26170/pl19-03-08.*

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. Dictionary of Russian Synonyms: approx. 9000 synonyms / ed. L. A. Cheshko. — Moscow : Russian language, 1986. 600 p. [Slovar' sinonimov russkogo yazyka : ok. 9000 sinonimicheskikh ryadov / pod red. L. A. Cheshko. — M. : Russkiy yazyk, 1986. 600 s.]. — (In Rus.)
2. Viren G. V. The Third World ... Information. — Moscow : Zvonitsa-MG, 2018. 276 p. [Tret'ya mirovaya... Informatsionnaya. — M. : Zvonitsa-MG, 2018. 276 s.]. — (In Rus.)
3. Doctrine of Information Security of the Russian Federation [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016, No. 646 // Offic. Internet portal of legal information. [Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] : ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 g. № 646 // Ofits. internet-portal pravovoy informatsii]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-building. — Moscow : Rus. lang, 2000. Vol. 1. 1209 p. (Bibl. of Russian language dictionaries). [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. — M. : Rus. yaz., 2000. T. 1. 1209 s. (B-ka slovarey rus. yaz)]. — (In Rus.)
5. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-building. — Moscow : Rus. lang, 2000. Vol. 2. 1084 p. (Bibl. of Russian language dictionaries). [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. — M. : Rus. yaz., 2000. T2. 1084 s. (B-ka slovarey rus. yaz)]. — (In Rus.)
6. Zelenkov M. Yu. Military Political Science : teaching aid. — Moscow : Red Star, 2006. 400 p. [Voennaya politologiya: ucheb. posobie. — M. : Krasnaya zvezda, 2006. 400 s.]. — (In Rus.)
7. Ivanov S. A. Information Warfare: the Essence and the Main Forms of Manifestation // Proceedings of Altay State Univ. 2013. Vol. 2. No. 4 (80). P. 276—279. [Informatsionnaya voyna: sushchnost' i osnovnye formy proyavleniya // Izv. Altaysk. gos. un-ta. 2013. T. 2. № 4 (80). S. 276—279]. — (In Rus.)
8. Kara-Murza S. G. Manipulation of Consciousness. — Moscow : Eksmo : Algorithm, 2010. 864 p. [Manipulyatsiya soznaniiem. — M. : Eksmo : Algoritm, 2010. 864 s.]. — (In Rus.)
9. Komarova Z. I. The Semantic Structure of a Special Word and its Lexicographical Description. — Sverdlovsk, 1991. 156 p. [Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie. — Sverdlovsk, 1991. 156 s.]. — (In Rus.)
10. Kostyukhin A. A., Kireev S. A. “War or Confrontation?” [Electronic resource] // World and Politics. 2012. [«Voyna ili protivoborstvo?» // Mir i politika. 2012]. URL: <https://studylib.ru/doc/3866142/4gw-«voyna»-ili-«protivoborstvo»> (date of access: 10.02.19). — (In Rus.)
11. Lotte D. S. Basics of the Construction of Scientific and Technical Terminology. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. 158 p. [Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1961. 158 s.]. — (In Rus.)
12. Osipov Yu. S. The Great Russian Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 11. Plasma radiation — Islamic front of salvation. — Moscow : BDT, 2008. 766 p. : il. [Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 11. Izlučenje plazmy — Islamskiy front spaseniya. — M. : BRE, 2008. 766 c. : il.]. — (In Rus.)
13. Osipov Yu. S. The Great Russian Encyclopedia. In 30 vol. Vol. 30. Sherwood — Yaya. — Moscow : BDT, 2017. 798 p. : il. [Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. V 30 t. T. 30. Shervud — Yaya. — M. : BRE, 2017. 798 c. : il.]. — (In Rus.)
14. Panarin I. N. Information Warfare, PR and World Politics : teaching aid for universities. — Moscow : Hotline — Telecom, 2006. 352 p. [Informatsionnaya voyna, PR i mirovaya politika : ucheb. posobie dlya vuzov. — M. : Goryachaya liniya — Telekom, 2006. 352 s. S 211]. — (In Rus.)
15. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Linguistics of Information-psychological War: on Substantiation and Definition of the Term // Political Linguistics. 2016. No 1 (55). P. 42—50. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50]. — (In Rus.)
16. Philosophy : entsikl. dictionary / ed. A. A. Ivina. — Moscow : Gardariki, 2004. 1072 p. [Filosofiya : entsikl. slov / pod red. A. A. Ivina. — M. : Gardariki, 2004. 1072 s.]. — (In Rus.)
17. Libicki M. C. What is Information Warfare? — The Center for Advanced Command Concepts and Technology Institute for National Strategic Studies, 1995. 104 p.
18. McClintock B. Russian Information Warfare: A Reality That Needs a Response (2017) [Electronic resource]. URL: <https://www.rand.org/blog/2017/07/russian-information-warfare-a-reality-that-needs-a.html> (date of access: 18.02.2019).
19. Molander R., Riddle A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War [Electronic resource]. — National Defense Research Institute RAND, 1996. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (date of access: 16.02.19).
20. Ulrik Franke. War by non-military means: understanding Russian information warfare [Electronic resource]: FOI Report, FOI-R-4065-SE, March 2015. P. 41. URL: <http://www.foi.se/en/Top-menu/Pressroom/News/2015/War-by-Non-Military-means> (date of access: 18.01.19).

С. А. Якунин

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7270-5208  E-mail: aleksandrovich85@gmail.com.

Лингвистические средства ведения информационной войны

АННОТАЦИЯ. В данной статье автор проводит лингвистический анализ языковых средств ведения современной информационной войны. Исследование выполнено на материале американских и британских СМИ, информационных сайтов «The New York Times», «The Washington Post», «The Economist», «The Guardian», «The Telegraph», а также интернет-ресурсов канала «BBC News», освещающих главным образом российско-американские отношения, ситуацию в Сирии и в Украине. Результаты проведенного анализа позволили выявить различные лингвистические приемы и средства, используемые западными СМИ в качестве инструмента манипуляции массовым сознанием, а также показали, что основной целью информационной агрессии является преднамеренное введение аудитории в заблуждение и внушение определенной идеи с целью ее идеологического подчинения и достижения желаемых геополитических целей. Особое значение в данном контексте приобретает лингвостилистический анализ зарубежной англоязычной прессы. Одна из основных задач автора любого материала прессы — создать необычный, сенсационный заголовок, поэтому заголовки часто оказывают манипулятивное воздействие на эмоции читателя (распространенные методы: эмоционально-оценочные фразеологизмы, гипербола, метафора). В текстах статей к этим приемам добавляются использование лексем с негативно окрашенной семантикой, проведение исторических аналогий, употребление эвфемизмов при описании собственных военных акций и отсутствие эвфемизмов при характеристике аналогичных действий объекта информационной атаки. Знание механизмов манипулятивного воздействия в условиях его постоянно усиливающейся агрессивности необходимо для противостояния психологической и информационной войне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвостилистический анализ; информационные войны; политический дискурс; лексемы; эвфемизм; политические метафоры; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; британские СМИ; американские СМИ; фразеологизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Якунин Сергей Александрович, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, г. Москва, улица Волочаевская, 3/4; e-mail: aleksandrovich85@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Якунин, С. А. Лингвистические средства ведения информационной войны / С. А. Якунин // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 77-82. — DOI 10.26170/pl19-03-09.

Информационная цивилизация, к которой пришло человечество, не просто меняет статус информации, т. е. роль оказываемого ей позитивного влияния, но и резко расширяет негативные возможности. Перед нами оказалось сильнодействующее средство, воздействие на человека которого беспредельно.

В современном мире геополитическая ситуация всё чаще определяется тем, что любая страна мира нуждается в создании эффективной системы противодействия формированию ее негативного имиджа на мировой арене. Расширение информационного пространства и ускорение обращения информации на основе новых технологий способствует аккумуляции в сфере информации противоречий реальных и искусственно создаваемых.

Усиливается интенсивность конфликта информационного характера не только позитивного, но и негативного значения и целей. Таким образом, стала очевидной разработка такого понятия, как информационная война. Следует заметить, что существует множество аргументированных концепций информационной войны, но отсутствует однознач-

ное (общепринятое) определение данного понятия. Это обусловлено сложностью самого объекта исследования, а также теоретическими и методологическими позициями авторов, принадлежащих к различным научным школам и областям исследования.

Изучение современной научной литературы позволяет выделить группу ученых, сосредоточивающих свое внимание на социально-коммуникативном аспекте информационных войн. Например, согласно мнению М. Ю. Павлютенкова и Д. А. Швеца, информационная война представляет собой коммуникативную технологию, преследующую цель достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии [Павлютенкова 2001: 23; Швец 2003: 34].

Стороны, участвующие в информационной войне, ведут борьбу за установление доминирования в управлении сознанием и поведением целевой аудитории. Каждая из сторон стремится вытеснить сколь-нибудь весомые аргументы противника и заменить их своими, по возможности максимально убедительными, вызывающими доверие

этой аудитории. Соответственно информационная война — это прежде всего война вербальная, война дискурсов, интерпретаций произошедших и происходящих событий. Одна интерпретация события влечет за собой другие, поддерживающие или опровергающие первую. В конечном итоге интерпретация сама становится событием. Так происходит «раскручивание спирали» событий [Синельникова 2014: 96].

Основная функция СМИ — донесение информации. Для успешного выполнения этого коммуникативного намерения необходимо, чтобы передаваемое сообщение было четко адресовано по типу сообщаемой информации и по ее языковой реализации. Это значит, что информация должна быть доступной, понятной и легко декодируемой для потенциального адресата — без этого донесение информации не может быть успешным, и это неизбежно приведет к коммуникативной неудаче и невыполнению СМИ своей основной функции [Ильясова, Амири 2018: 10].

На современном этапе при рассмотрении информационной войны нельзя обойти вниманием такой лингвистический аспект проблемы, как роль и свойства медиадискурса. Как известно, основным средством осуществления коммуникации является язык, и соответствующая проблематика рассматривается в разных направлениях языкознания, в том числе в медиалингвистике. В рамках медиалингвистики язык СМИ может преимущественно рассматриваться как многогранное дискурсивное явление, где все языковые процессы представлены в динамике и отражают современную картину мира [Александрова [http: 6](http://)].

Данная статья посвящена анализу языковых приемов и средств ведения информационной войны и выполнена на материале современных англоязычных СМИ. Задача исследования — продемонстрировать, как изменение значения языковой единицы влияет на смещение как понятийного, так и оценочного компонентов.

На сегодняшний день, обладая статусом глобального языка, английский играет ключевую роль в медиадискурсе. Поэтому очень важно для изучающих этот язык на профессиональном уровне принимать во внимание стилистические особенности англоязычного медиадискурса, чтобы уметь правильно воспринимать, интерпретировать, а также анализировать информацию, полученную из различных источников СМИ (печатных, электронных, радио и телевидения).

В современных условиях информационной войны для изучения стилистических особенностей медиадискурса наиболее показательным является лингвистический

анализ зарубежной англоязычной прессы. Именно она более наглядно демонстрирует разнообразие стилистических приемов, используемых авторами публикаций для придания выразительности и приукрашивания сообщаемой информации.

Предпринятый лингвистический анализ поможет нам выявить основные лингвистические приемы ведения современной информационной войны.

Первое, что бросается в глаза и привлекает внимание читателя, — это заголовок. Поэтому одна из основных задач автора любой статьи — это создать такой необычный, сенсационный заголовок, который будет способен повлиять на читателя, возбудить интерес и привлечь внимание.

Так, например, в качестве элементов для привлечения внимания аудитории в заголовках часто используются эмоционально-оценочные фразеологизмы. Фразеологизмы являются одним из самых демократичных видов прецедентных текстов, поскольку они абсолютно «узнаваемы» [Лютая 2008: 128]. К ним можно отнести слова и лексемы, цепляющие зрителя, так называемые «вербальные сенсации».

К примеру, среди ряда оценочных словосочетаний часто используется гипербола. Гипербола — прием, служащий для чрезмерного преувеличения с целью усиления впечатления. Для осуществления данной функции обычно употребляется превосходная степень прилагательных или наречий. Так, в заголовке статьи в «The Guardian» *Russia poses greater threat than Isis, says new Army chief* [The Guardian, 2019] гиперболическим можно назвать словосочетание *greater threat* — «большая угроза». Используя данный прием, зарубежные журналисты создают образ России как потенциальной угрозы мировому сообществу.

Еще одним распространенным стилистическим приемом западных СМИ в информационной войне является использование различных метафорических выражений.

В качестве примера рассмотрим заголовок в газете «The Daily News» *Countless liters of blood are on Vladimir Putin's hands slouching toward Assad in Syria* [The Daily News, 2017]. Метафорическое высказывание *countless liters of blood* в сочетании с именем российского президента *V. Putin* создает в сознании зарубежных читателей образ России как страны, во главе которой стоит хладнокровный и безжалостный диктатор.

После трагического события 24 ноября 2015 г., когда турецкими ВВС был сбит российский самолет и отношения между Россией и Турцией значительно ухудшились, журнал «The Economist» выпустил публикацию с заго-

ловком *Russian-Turkish politics, Tsar v Sultan* [The Economist 2015]. Здесь стороны конфликта, Россия и Турция, обозначаются авторами статьи получившими в то время популярность метафорическими лексемами *tsar* и *sultan*.

Последние несколько лет Россия проводит активную внешнюю политику, демонстрируя всему миру политическую и военную мощь государства, что вызывает явную озабоченность за рубежом. Следующий пример показывает отрицательное отношение западных журналистов к деятельности России на геополитической арене. Для этого в статье того же журнала «The Economist» *Lest anyone presume with John McCain, an American senator, that Russia is just “a gas station masquerading as a country”, Mr. Putin intends to prove that Russia possesses resolve, as well as crack troops and cruise missiles* [The Economist 2015] они используют метафорическое выражение *a gas station*, как бы давая оценку результатам деятельности государства.

Также среди лексико-стилистических средств, усиливающих персуазивность западного медиадискурса, можно выделить использованное лексем с негативно окрашенной семантикой.

Так, например, в газете «The Telegraph» президент России предстает перед читателями в качестве главного обвинителя политики западных правительств, стремящихся к власти над всей Европой: *Vladimir Putin has criticized western governments for seeking to “reign” over Europe, blaming NATO’s post-Cold War expansion for the crisis in relations between Russia, the United States, and Europe* [The Telegraph 2016]. Именно в расширении НАТО в период после холодной войны В. Путин видит причину углубления кризиса в отношениях между Россией, странами Европы и США. Автору статьи удается представить Россию как страну третьего мира, которая не может принимать активного участия в мировой политике, а способна только на критику и обвинения. Любые, даже вербальные действия России выставляются агрессивными, что подчеркивается при помощи лексем с негативной семантической окраской *to criticize, to blame, to ignore*. Между тем совершенно естественно, что российское государство оказывается крайне недовольным фактом игнорирования его интересов [Склярова 2019: 69]: *Mr. Putin has frequently criticized the United States and other western governments for ignoring Russian security concerns by expanding NATO and attempting to build a missile defence system in Europe* [The Telegraph 2016].

В следующем примере авторы британского издания «The Independent», используя

негативно окрашенную лексику *war, horrific attacks, indiscriminately bombing*, возлагают вину за гибель мирных жителей на авиаудары российских ВКС: *The September 2015 Russian intervention in Syria changed the course of the war, tipping the balance strongly in favour of the pro-Assad forces at a time when rebels were seen to be winning the conflict. But Russia has also been accused of inflicting horrific attacks on Syrian civilians, with human rights monitors accusing it of indiscriminately bombing populated areas, and targeting hospitals in an attempt to degrade life in rebel-held territories* [The Independent 2018].

На современном этапе механизм информационного противоборства предстает довольно тривиальным. Создание негативного образа становится достаточно сложным и малоэффективным процессом, гораздо проще заимствовать данный образ из истории и отождествить его с современными событиями.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в мировой истории, наделив понятие «фашизм» высшей степенью негативной оценки. Так, например, события последних лет, происходящие на Украине, когда стало проследиваться явное поклонение идеологу украинского нацизма Степану Бандере, большинство российских СМИ стали именовать антироссийским фашизмом или реальным фашизмом. В ответ на это украинские и западные источники стали использовать в отношении россиян такие эпитеты и выражения, как «русские захватчики», «оккупантские силы» или «оккупанты из России». Как пример можно привести статью с интернет-ресурса британского канала BBC с заголовком *“Little green men” or “Russian invaders”?* [BBC News 2014], в которой украинские СМИ переходят на крайности и используют в отношении российских военных эпитет с ярко выраженной негативной окраской «русские экстремисты», употребляемый российскими СМИ для описания исламистских боевиков: *“Russian invaders” and “occupiers from Russia” is how popular Kiev-based news web site Ukrayinska Pravda describes the military men in Crimea. Meanwhile, analytical daily Den calls them “Russian extremists”* [BBC News 2014].

После прошедших недавно выборов на Украине и избрания новым президентом актера и режиссера Владимира Зеленского Пётр Порошенко продолжает настойчиво внушать уже новому народному избраннику, что Россия — враг и с ней необходимо бороться. Очередное его высказывание против нашей страны можно увидеть в статье ирландского издания «The Irish Times» под за-

головком *Departing Poroshenko warns Ukraine of Russian threat to pro-western path* [The Irish Times 2019]. В тексте самой статьи П. Порошенко в очередной раз называет Россию врагом Украины и обвиняет ее в том, что, используя временную политическую нестабильность в стране, она хочет сорвать планы по евроинтеграции, внести раздор, вражду и хаос в украинское общество и настроить народ против властей. Для этого употребляется негативно окрашенная лексика *strife, hostility, chaos*. Также значимым является факт ввода в политический оборот ярлыка *the enemy*, которым экс-президент окрестил Россию: *“The enemy is openly trying to use this period of political turbulence to wreck our achievements on the path of reforms and European integration. To sow strife, hostility, and chaos in our society, to set the people and the authorities against each other... and destroy Ukrainian statehood,” said Mr. Poroshenko* [The Irish Times 2019].

Для описания конфликта на Донбассе в свет вышло множество статей зарубежных СМИ, в которых явно прослеживаются некоторые тенденции в использовании знаковых персоналий в медийном дискурсе. При характеристике самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик преобладают отрицательные оценочные наименования. В нижеследующих примерах прослеживается изменение коннотативного значения. Автор первой статьи в издании «The Guardian» под названием *Call for Immediate Ceasefire in Eastern Ukraine as Fighting Intensifies* [The Guardian 2015] отсылает читателя к идеологической составляющей мировоззрения представителей ополчения и называет их мятежниками, а во втором и третьем примерах канал BBC News и издание «The Daily News» — пророссийскими активистами, поддерживаемыми Россией воинами-сепаратистами, явно указывая на помощь ополчению ЛНР и ДНР со стороны Российской Федерации:

1. *The rebels were also continuing to threaten Mariupol, a city of 500,000 people on the coast of Sea of Azov, Ukraine military spokesman Andriy Lysenko said* [The Guardian 2015].

2. *In April, pro-Russian activists stormed government buildings across the Donetsk and Luhansk regions* [BBC News 2014].

3. *Ukraine unleashed a counter-offensive to retake eastern regions from Russian-backed separatist fighters in the city of Donetsk* [The Daily News 2015].

Пытаясь реализовать прагматическую задачу, журналисты используют различные языковые средства, и иногда неудачное сочетание нейтральной и стилистически окра-

шенной лексики может иметь эффект, обратный желаемому. Так, в статье издания «The Guardian» *Ukraine claims conflict with pro-Russian rebels Entering Endgame* [The Guardian 2014] наблюдатели ОБСЕ представлены как «проукраинские», несмотря на то, что само понятие «наблюдатель» в современной политике подразумевает сохранение индивидом полного нейтралитета в отношении любой из сторон [Склярова 2019: 27]: *However, other pro-Ukrainian observers claimed this and other maps were too optimistic about Kiev's progress* [The Guardian 2014].

Для эффективного достижения цели высказывания посредством непрямого способа номинации СМИ нередко используют прием эвфемизации. По мнению А. И. Гальперина, «эвфемизмы — это слова и словосочетания, появляющиеся в языке для обозначения понятий, которые уже имеют названия, но считаются почему-либо неприятными, грубыми, неприличными или низкими. Они находятся в словарном составе языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия» [Гальперин 1988: 164]. Стоит заметить, что эвфемизм обладает семантической неопределенностью или низким уровнем конкретности смыслового наполнения, который и позволяет смягчать негативную оценку денотата [Потапова 2009: 25].

Западные СМИ по отношению к России всё чаще стали употреблять лексику *war*, которую раньше было принято заменять эвфемизмом *military operation* или *armed conflict*. К примеру, в заголовке газеты «The Independent» *There'll be no end to the war between Russia and Ukraine while it suits political elites on both sides to keep fighting* [The Independent 2018] авторы умышленно используют отрицательно окрашенную коннотацию, тем самым обостряя отношения между странами.

Стоит также заметить, что при описании авиаударов, наносимых в Сирии российскими ВКС, журналисты издания «The New Yorker» используют лексику *bombing*, значение которой понятно каждому: *Bombings by Syrian and Russian planes have been indiscriminate, killing civilians, levelling homes, and destroying medical facilities* [The New Yorker 2018]. В то же время при описании авиаударов, наносимых коалицией, возглавляемой США, они используют эвфемизм *air support*, который в силу семантической размытости можно интерпретировать по-разному. А если ракеты, выпущенные американцами, поражают американские же войска или войска их союзников, то такую неумышленную атаку на своих остроумно называют *friendly fire*.

В заключение следует сделать вывод, что проведенный в исследовании лингвостилисти-

ческий анализ зарубежной англоязычной прессы помог нам выявить основные приёмы и средства, используемые западными СМИ в информационной войне. К ним следует отнести употребление эмоционально-оценочных фразеологизмов, метафорических выражений, лексики с негативной семантической окраской и приема эвфемизации. Данный анализ поможет более эффективно решать проблемы международной коммуникации в условиях современной информационной войны.

ИСТОЧНИКИ

1. Ali R. "It's Raining Rockets": Deadly New Syrian-Russian Assault Kills Hundreds in Eastern Ghouta [Electronic resource] // The New Yorker. 2018. 8 March. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/deadly-new-syrian-russian-assault-kills-hundreds-in-eastern-ghouta> (date of access: 27.01.2019).
2. Daragahi B. Russia has killed at least 18,000 people since it intervened militarily in Syria three years ago, says monitoring group [Electronic resource] // Independent. 2018. 1 Oct. <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/russia-killed-thousands-civilians-syria-civil-war-military-intervention-a8562901.html> (date of access: 21.01.2019).
3. McLaughlin D. Departing Poroshenko warns Ukraine of Russian threat to pro-western path [Electronic resource] // The Irish Times. 2019. 19 May. URL: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/departing-poroshenko-warns-ukraine-of-russian-threat-to-pro-western-path-1.3897480> (date of access: 20.05.2019).
4. Oliphant R. Vladimir Putin blames Nato expansion for rising tension with Europe [Electronic resource] // The Telegraph. 2016. 11 Jan. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/world-news/vladimir-putin/12093042/Vladimir-Putin-blames-Nato-expansion-for-rising-tension-with-Europe.html> (date of access: 20.01.2019).
5. Russia poses greater threat than Isis, new British army chief warns [Electronic resource] // The Guardian. 2018. 24 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/nov/24/russia-poses-greater-threat-than-isis-new-british-army-chief-warns> (date of access: 12.01.2019).
6. Shevchenko V. "Little green men" or "Russian invaders"? [Electronic resource] // BBC News. 2014. 11 March. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26532154> (date of access: 12.02.2019).
7. Slouching toward Assad in Syria [Electronic resource] // Daily News. 2017. 31 Mar. URL: <https://www.nydailynews.com/>


opinion/slouching-assad-syria-article-1.3015572 (date of access: 12.01.2019).

8. Talks on ending Ukraine fighting begin as death toll continues to rise [Electronic resource] // The Guardian. 2015. 31 Jan. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jan/31/call-for-immediate-ceasefire-in-eastern-ukraine-as-fighting-intensifies> (date of access: 21.05.2019).
9. Tsar v sultan [Electronic resource] // The Economist. 2015. 3 Dec. <https://www.economist.com/europe/2015/12/03/tsar-vsultan> (date of access: 15.01.2019).
10. Ukraine claims conflict with pro-Russia rebels entering endgame [Electronic resource] // The Guardian. 2014. 15 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/15/ukraine-conflict-pro-russia-rebels-entering-endgame> (date of access: 21.05.2019).
11. Ukraine crisis: Protesters declare Donetsk "republic" [Electronic resource] // BBC News. 2014. 7 Apr. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26919928> (date of access: 21.05.2019).

ЛИТЕРАТУРА

12. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / под ред. М. Н. Володиной. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm> (дата обращения: 7.07.2015).
13. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. — М. : Изд-во литературы на ин. языках, 1988. 458 с.
14. Ильясова С. В., Амири Л. П. Язык СМИ // Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 6-е изд., стер. — М. : Флинта : Наука, 2018. С. 10—11.
15. Любая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2008. С. 128.
16. Павлутенкова М. Ю. Информационная война: реальная угроза или современный миф? // Власть. 2001. № 12. С. 19—23.
17. Потапова Н. М. Эвфемизмы и деловой дискурс. — М. : МАКС Пресс, 2009. 136 с.
18. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — Рефл-бук, 2001. (Сер.: Образовательная библиотека).
19. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 95—101.
20. Сякурова Н. Г. Лингвосомиотика милитарно-медийного дискурса (на материале современных публикаций англоязычных СМИ) : моногр. — М. : ИНФРА-М, 2019. С. 69—70.
21. Швец Д. А. Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности // Массовая коммуникация и массовое сознание. — М., 2003. 34 с.

S. A. Yakunin

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7270-5208 

 E-mail: aleksandrovich85@gmail.com.

Linguistic Means of Conducting Information War

ABSTRACT. *The author of the given article analyzes linguistic means of conducting a modern information war. The study is based on the material of American and British printed media and their online versions The New York Times, The Washington Post, The Economist, The Guardian, The Telegraph, as well as the internet-resources of the TV channel BBC News highlighting mainly the Russian-American relations and the situation in Syria and Ukraine. The analysis results make it possible to identify various linguistic techniques and means used by the Western mass media as instruments of manipulating mass consciousness and also show that the main aim of information aggression consists in purposive disinformation of the audience and promotion of a certain idea meant to produce ideological impact on the audience and to achieve the desired geopolitical goals. It is linguo-stylistic analysis of the foreign English-speaking press that acquires special importance in this context. One of the main tasks of the author of any material in the press is to create an unusual sensational headline; that is why headlines often produce manipulative impact upon the emotions of the reader (the most typical methods include: emotional-evaluative phraseologisms, hyperbole and metaphor). The texts of these articles also employ lexemes with negative semantics and historical analogies, and use euphemisms in describing own military actions and no euphemisms in characterizing similar actions of the object of an information attack. The knowledge of the mechanisms of manipulation under the conditions of continuous growth of its aggressiveness is necessary to be able to counteract psychological and information war.*

KEYWORDS: *linguo-stylistic analysis; information wars; political discourse; lexemes; euphemism; political metaphors; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; British mass media; US mass media; phraseologies.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yakunin Sergey Aleksandrovich, Post-graduate Student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Yakunin, S. A. Linguistic Means of Conducting Information War / S. A. Yakunin // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 77-82. — DOI 10.26170/pl19-03-09.*

MATERIALS

1. Ali R. "It's Raining Rockets": Deadly New Syrian-Russian Assault Kills Hundreds in Eastern Ghouta [Electronic resource] // The New Yorker. 2018. 8 March. URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/deadly-new-syrian-russian-assault-kills-hundreds-in-eastern-ghouta> (date of access: 27.01.2019).
2. Daragahi B. Russia has killed at least 18,000 people since it intervened militarily in Syria three years ago, says monitoring group [Electronic resource] // Independent. 2018. 1 Oct. <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/russia-killed-thousands-civilians-syria-civil-war-military-intervention-a8562901.html> (date of access: 21.01.2019).
3. McLaughlin D. Departing Poroshenko warns Ukraine of Russian threat to pro-western path [Electronic resource] // The Irish Times. 2019. 19 May. URL: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/departing-poroshenko-warns-ukraine-of-russian-threat-to-pro-western-path-1.3897480> (date of access: 20.05.2019).
4. Oliphant R. Vladimir Putin blames Nato expansion for rising tension with Europe [Electronic resource] // The Telegraph. 2016. 11 Jan. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/world-news/vladimir-putin/12093042/Vladimir-Putin-blames-Nato-expansion-for-rising-tension-with-Europe.html> (date of access: 20.01.2019).
5. Russia poses greater threat than Isis, new British army chief warns [Electronic resource] // The Guardian. 2018. 24 Nov. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/nov/24/russia-poses-greater-threat-than-isis-new-british-army-chief-warns> (date of access: 12.01.2019).
6. Shevchenko V. "Little green men" or "Russian invaders"? [Electronic resource] // BBC News. 2014. 11 March. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26532154> (date of access: 12.02.2019).
7. Slouching toward Assad in Syria [Electronic resource] // Daily News. 2017. 31 Mar. URL: <https://www.nydailynews.com/opinion/slouching-assad-syria-article-1.3015572> (date of access: 12.01.2019).
8. Talks on ending Ukraine fighting begin as death toll continues to rise [Electronic resource] // The Guardian. 2015. 31 Jan. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jan/31/call-for-immediate-ceasefire-in-eastern-ukraine-as-fighting-intensifies> (date of access: 21.05.2019).
9. Tsar v sultan [Electronic resource] // The Economist. 2015. 3 Dec. <https://www.economist.com/europe/2015/12/03/tsar-v-sultan> (date of access: 15.01.2019).
10. Ukraine claims conflict with pro-Russia rebels entering endgame [Electronic resource] // The Guardian. 2014. 15 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/aug/15/ukraine-conflict-pro-russia-rebels-entering-endgame> (date of access: 21.05.2019).
11. Ukraine crisis: Protesters declare Donetsk "republic" [Electronic resource] // BBC News. 2014. 7 Apr. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-26919928> (date of access: 21.05.2019).

REFERENCES

12. Aleksandrova O. V. Language of the Media as Part of the Collective Space of Society [Electronic resource] // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research: teaching aid / ed. M. N. Volodina. [Yazyk sredstv massovoy informatsii kak chast' kollektivnogo prostranstva obshchestva // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie / pod red. M. N. Volodiny]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/07.htm> (date of access: 7.07.2015). — (In Rus.)
13. Gal'perin I. R. Essays on the Style of the English Language. — Moscow : Publishing house of literature on foreign languages, 1988. 458 p. [Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka. — M. : Izd-vo literatury na in. yazykakh, 1988. 458 s.]. — (In Rus.)
14. Il'yasova S. V., Amiri L. P. Media Language // Language Game in the Communicative Space of the Media and Advertising. 6th ed., ster. — Moscow : Flinta : Science, 2018. P. 10—11. [Yazyk SMI // Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. 6-e izd., ster. — M. : Flinta : Nauka, 2018. S. 10—11]. — (In Rus.)
15. Lyutaya A. A. Modern Newspaper Headline: Structure, Semantics, Pragmatics : thesis ... Cand. of Philol. sciences. — Volgograd, 2008. P. 128. [Sovremennyy gazetnyy zagolovok: struktura, semantika, pragmatika : dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2008. S. 128]. — (In Rus.)
16. Pavlyutenkova M. Yu. Information Warfare: a Real Threat or a Modern Myth? // Power. 2001. No. 12. P. 19—23. [Informatsionnaya voyna: real'naya ugroza ili sovremennyy mif? // Vlast'. 2001. № 12. S. 19—23]. — (In Rus.)
17. Potapova N. M. Euphemisms and Business Discourse. — Moscow : MAX Press, 2009. 136 p. [Evmfizmy i delovoy diskurs. — M. : MAKS Press, 2009. 136 c.]. — (In Rus.)
18. Pocheptsov G. G. Information Wars. — Refl-book, 2001. (Ser. : Educational Library). [Informatsionnye voyny. — Refl-buk, 2001. (Ser.: Obrazovatel'naya biblioteka)]. — (In Rus.)
19. Sinelnikova L. N. Information Warfare ad Infinitum: Ukrainian Way // Political Linguistics. 2014. No 2. P. 95—101. [Informatsionnaya voyna ad infinitum: ukrainskiy vektor // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2. S. 95—101]. — (In Rus.)
20. Sklyarova N. G. Lingvosemiotics of Military-media Discourse (on the Material of Modern Publications of English-language media) : monograph. — Moscow : INFRA-M, 2019. P. 69—70. [Lingvosemiotika militarno-mediynogo diskursa (na materiale sovremennykh publikatsiy angloyazychnykh SMI) : monogr. — M. : INFRA-M, 2019. S. 69—70]. — (In Rus.)
21. Shvets D. A. Information Management as a Technology for Ensuring Information Security // Mass Communication and Mass Consciousness. — Moscow, 2003. 34 p. [Informatsionnoe upravlenie kak tekhnologiya obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti // Massovaya kommunikatsiya i massovoe soznanie. — M., 2003. 34 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА


УДК 811.161.1'42(091)
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-03
DOI 10.26170/pl19-03-10


ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Е. Н. Иванова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9521-5340 

 **E-mail:** z3411828@yandex.ru.

Письма Акинфия Демидова к власти имущим первой половины XVIII в. (к вопросу о диахронном подходе к политическому дискурсу в России)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются письма уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова к В. И. де Геннину, В. Н. Татищеву и другим государственным деятелям, сопоставимые с посланиями современного директора или владельца завода мэру. Анализируются особенности содержания, композиции и языка этих писем. Публикуются два письма целиком. В содержании этих писем отмечаются два плана: фактологический и этикетный. В структуре писем выделяются три универсальных блока: начальный блок, блок основного содержания и конечный блок. Письма А. Н. Демидова в композиционном плане имеют универсальные структурные блоки, наполнение которых в той или иной степени является специфическим: во-первых, представлены элементы, сохранившиеся в современных деловых письмах (пометы, ссылки на документы, резолюция), во-вторых, есть элементы, которые в современной практике свойственны только частным письмам (пожелания членам семьи чиновника), в-третьих, отмечаются элементы, сохранившиеся в деловых письмах, но изменившие свое языковое оформление (указание на адресата и подпись), в-четвертых, есть универсальные элементы (дата, место написания). В плане лексики и грамматики данные письма отличаются мозаичностью и сочетанием разнородных элементов (архаичных и разговорных). Делается вывод о том, что базовыми чертами текстов политического дискурса стали такие, как последовательность блоков (начальный блок: обращение; блок основного содержания: описание ситуации, повода для написания письма, ссылки на иные относящиеся к делу документы; конечный блок: подпись, дата и место написания, пометы, резолюция) и их наполнение в целом в структуре письма, часть формул именованья людей, часть лексических архаизмов, устойчивость базовых конструкций документов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; деловое письмо; русский язык; история русского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Иванова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: z3411828@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванова, Е. Н. Письма Акинфия Демидова к власти имущим первой половины XVIII в. (к вопросу о диахронном подходе к политическому дискурсу в России) / Е. Н. Иванова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 83-88. — DOI 10.26170/pl19-03-10.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

На современном этапе *политический дискурс* имеет довольно четкие тематические, коммуникативные, стилистические границы, проявляющиеся в наборе специфических языковых средств и практик. Возникновение и успешное существование такого направления, как политическая лингвистика, свидетельствует о необходимости фундаментальных и прикладных исследований в этой сфере (см. подробнее об этом, например, в следующих работах: [Будаев, Чудинов 2017; Чудинов, 2016; Чудинов, Цыганкова 2016; Ворошилова 2014; Политическая лингвистика 2016]).

При рассмотрении любых языковых явлений в самом широком смысле этого слова не менее важен диахронный подход, который

позволяет определить периоды в развитии явления и динамику изменений от эпохи к эпохе. Что касается политического дискурса в России, то одним из уникальных периодов в политическом дискурсе можно считать XVIII в. Последнее обстоятельство связано с историей русского литературного языка в целом: восемнадцатое столетие по праву считается временем формирования литературного языка нового типа с его стилистической дифференциацией и кодификацией языковых норм (напомним здесь о «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755) и первой редакции Словаря Академии Российской). Укажем также на специфику политической и языковой ситуации в истории российской государственности, хотя эта специфика во многом универсальна

для развития разных народов: с появлением государства становится необходимым письменный (литературный) язык; у древних русичей (восточных славян) этим государством стала Киевская Русь, использовавшая кириллическое письмо.

М. Фасмер в этимологическом словаре русского языка фиксирует время вхождения в русский язык слов *политика* и *политик* — вторая половина XVII в. (со времен Ф. Прокоповича и Г. Котошихина) [Фасмер, 3: 310].

В Словаре Академии Российской (90-е гг. XVIII в.), первом нормативном словаре русского языка, обнаруживаем следующие дефиниции интересующих нас слов:

Политика — 2) наука, преподающая управляющим народами правила к достижению предполагаемых намерений.

Политик — искусный в государственных делах.

Политический — относительный к правлению государством, к государственным делам [САР, 3, стлб., 965—966].

Делаем вывод о том, что в XVIII в. слова *политика* и *политик* существовали практически в современных нам значениях.

В статье анализируются деловые письма уральского заводчика Акинфия Никитича Демидова (1678—1745) к В. И. де Геннину, В. Н. Татищеву, И. И. Блиеру, которые в силу сложившейся письменной традиции диктовались писцам и заверялись автором. Такая традиция задавалась первыми лицами государства — императорами и императрицами: именно их указы всегда были за собственноручной подписью. Подобные письма, как правило, оформлялись особым образом специально обученными грамотными людьми, которые знали, как требовалось передать некое содержание в соответствующие инстанции.

Письма А. Н. Демидова до сих пор не опубликованы целиком, в отличие, например, от писем его старшего сына — Прокофия Акинфиевича Демидова [Прокофий Акинфиевич Демидов... 2010], хотя историки (А. С. Черкасова [Черкасова 1994], И. Н. Юркин [Юркин 1998] и др.) не раз обращались к характеристике личности А. Н. Демидова, его деятельности на Урале и приводили выдержки из его писем и бумаг. Послужившие материалом данного исследования рукописные тексты документов первой половины XVIII в. за именем А. Н. Демидова найдены в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург) и предоставлены в наше распоряжение доктором исторических наук А. С. Черкасовой.

Переписка Акинфия Никитича Демидова с властью имущими по вопросам заводской

деятельности, распределения человеческих ресурсов на его заводах, выплаты десятины и других налогов казне может рассматриваться как часть политического дискурса того времени, поскольку управление казенными и частными заводами было делом государственной важности и входило в вопросы внутренней политики.

Приводим одно письмо к В. И. де Геннину целиком с сохранением большинства пунктуационных, орфографических и графических черт (здесь и далее апостроф обозначает слитное написание в подлиннике, а в квадратных скобках приводятся буквы, восстановленные в сокращенно написанных под титлом словах).

№ 204

М[и]л[о]с[е]рдный мой г[о]с[у]д[а]рь батюшка Вилимъ Ивановичъ.

Всемогущимъ вышнимъ б[о]гомъ здравствуй и з'г[о]с[у]д[а]р[ы]нею моей матушкой Федорой Ивановной на множество летъ.

Послалъ я работного нашего чел[о]в[е]ка Ивана Медовщикова просить отеческую м[и]л[о]сть о'приключившихся к'намъ нуждъ и с'нимъ послал в'оберъ бере амть доношение.

Также будетъ просить и'на'словахъ ваше отеческое м[и]л[о]с[е]рдие а'много писать я и'не'посмелъ за'тем надеяся на'прежнее твое ко'мне м[и]л[о]с[е]рдие.

Пожалуй, мой м[и]л[о]стивый г[о]с[у]д[а]рь, не'оставь нашего прежняго прошения которое послано к'г[о]с[по]д[и]ну Гордеву.

Да'велел написать от[е]цъ мой Никита Демидовичъ до'вашей г[о]с[у]д[а]рской м[и]л[о]сти о'подряде с'вашихъ заводов в'ставку припасов в города по'указомъ Федора Тарасова буде вновь изволишь отдавать чтобы выключить имя наше от'нихъ того ради что они весьма пьяни а о[те]цъ мой весьма пьяных не'любитъ.

Да'и'сами вы' пьяных любить не'изволите а'что у'нихъ в'компани доброво сделано и самъ ты о'томъ извественъ.

В[а]шъ покорный слуга Акинфей Демидовъ (собственноручная подпись)

10 дня февраля 1724

[ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 39. Л. 471—471 об.]

Рассмотрим **особенности содержания** этих писем. Отчетливо выделяются два плана: 1) фактологический (темы, касающиеся заводской деятельности, организации производства, взаимоотношений с Берг-коллегией и обер-бергамтом и т. п.); 2) этикетный — формулы вежливости (в обращении, например: *милосердный государь батюшка, превосходительнейший господин от алтилерии генерал мазор, милостивый государь*

мой Вилим Иванович; в тексте письма: мой милостивый государь, государь; в подписи: ваш покорный слуга, слуга ваш, в прочем остаюсь вашего превосходительства покорный слуга и др.). Обращаем внимание и на вежливое пожелание здоровья жене де Геннина в начале письма. Очевидно, этикетность письменной коммуникации сложилась и неукоснительно соблюдалась в эпистолярном тексте. Нельзя не обратить внимание на то, как в одном тексте используются одновременно формы единственного и множественного чисел личного местоимения 2 лица (*ты — вы*) и притяжательного, связанного со вторым лицом (*твой — ваш*), что свидетельствует о колебании в этом нормативном блоке: преобладает вежливая форма, которая показывает дистанцию между коммуникантами, но встречается и другая форма, видимо, проникшая в текст из устной речи, и она не исправляется писцом.

Далее охарактеризуем **композиционные** особенности писем А. Н. Демидова к представителям горных властей.

Письмо А. Н. Демидова В. Н. Татищеву и И. И. Блиеру

Бл[а]городному г[о]с[по]д[и]ну Василию Никитичю и берхъ мейстеру Ивану Ивановичю

Ведение сего 721-го году июня въ 10 де[нь] получена отписка от'вашего бл[а]городия о'запрещении строении на нашей купленной земле пилной мельницы на'той купленной земле на'Шайтанке зачата была пилная мельница строит 718-го году и'за'отлучением нас з'завоуду то строение закоснело недостроено а'ныне послалъ ту пилную мельницу достроить для того намъ в'указе написано из'г[о]с[у]д[а]рствственной Берх каллегии велено беречь в'нашей вотчине леса и'я того ради велель мельницу достроить чтобы лесамъ была меньши утрата а'когда запретится из'Бергъ каллегии указомъ о'томъ строении и'мы повинны будемъ изломать тое мельницу и'о'томъ ведение послано в'Санкт Питербурхъ в Бергъ каллегию.

А'о'платеже десятого пуда когда пришлется указ намъ из'Бергъ каллегии и мы тогда платить готовы.

*Акинфей Демидов
1721 июня в 26 де[нь] г[о]с[по]да артиллерии капитанъ Василий Никитичъ Татищев да'бергъмейстеръ Блиеръ приговорили противъ сего ответствия писат в'Бергъ-коллегию и'послат с'сего писма копию.*

*Василий Татищевъ
Ioh. Fr. Blüher*

[ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 2.
Л. 189—189 об.]

Эпистолярный текст содержит три основных универсальных композиционных блока: начальный, блок основного содержания и конечный.

Начальный блок выполняет функцию установления контакта с адресатом и включает в себя один элемент — указание на адресата.

Указание на адресата (на человека, которому адресовано письмо).

Наименование адресата могло иметь разные формы: обращение по имени и отчеству в именительном падеже, которое, как правило, дополнялось обозначением дворянских регалий, должности, звания: *Милостивый государь Вилим Иванович*; указание на адресата в косвенном падеже: *Превосходительнейшему г[о]с[по]д[и]ну г[о]с[по]д[и]ну от'алтилерии генераль мазору, М[и]лл[о]стивому моему г[о]с[у]д[а]рю Вилиму Ивановичу.*

Блок основного содержания заключает в себя текст, в котором передается основная информация. Перечислим его основные компоненты: 1) благодарность, пожелание здоровья члену семьи (что ожидаемо скорее в частных письмах), 2) подтверждение получения письма или указа: *Письмо от'в[а]шего благородия сего февраля 9-го дня я получила 10-го дня при'Невьянских заводахъ 724-го году*, 3) сообщение о каких-либо событиях, послужившим поводом к донесению, 4) просьба: *Того ради прошу, чтобы повелено было... / Прошу вас...*

Конечный блок письма включает в себя следующие элементы: 1) указание на адресанта, 2) дата написания, 3) место написания, 4) пометы, 5) резолюция.

Указание на адресанта помещалось после блока основного содержания с правой стороны листа.

Формула именования адресанта (собственноручная подпись) — по имени и фамилии (*Акинфей Демидов*; подпись в виде скрепы: *К'сему до[но]шению в[м]еста отца своего Никиты Демидовича с[ы]нъ ево Акинфей руку приложил*).

Дата написания была очень важна для адресата и адресанта, поскольку обеспечивала последовательность получения информации.

Место написания (например, *Невьянской завод*). Присутствует в большинстве писем А. Н. Демидова.

Пометы. Их содержанием являлась информация о получении донесения/письма, входящий номер.

Резолюция о дальнейших действиях. Например, *1721 июня в 26 де[нь] г[о]с[по]да артиллерии капитанъ Василий Никитичъ*

Татищев да'бергъмейстеръ Блиеръ приговорили противъ сего ответственя писат в'Бергъ-коллегию и'послат с'сего письма копию.

Письма А. Н. Демидова в композиционном плане в целом имеют универсальные структурные блоки, наполнение которых в некоторой степени является специфическим: во-первых, представлены элементы, сохранившиеся в современных деловых письмах (пометы, ссылки на документы, резолюция), во-вторых, есть элементы, которые в современной практике свойственны только частным письмам (пожелания членам семьи чиновника), в-третьих, отмечаются элементы, сохранившиеся в деловых письмах, но изменившие свое языковое оформление (указание на адресата и подпись), в-четвертых, есть универсальные элементы (дата, место написания).

Наконец, охарактеризуем **языковые особенности** (лексические и грамматические) писем А. Н. Демидова.

В лексическом плане письма отличаются обилием терминологических слов и словосочетаний функциональной сферы «Горное дело, металлургия, монетное дело» [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 336]: *термины управления горной промышленностью и металлургией: бергамт* (нем.) — горный приказ, канцелярия, ведающая всеми горными и плавильными заводами какой-либо губернии [СРЯ XVIII, 1: 199]; **Берг-коллегия** (нем.) — главное учреждение, ведавшее горными заводами и всеми горными промыслами, созданное в 1718 г. [СРЯ XVIII, 1: 200]; *названия горных чинов (а) и должностей (б), именованя учеников (в): а) маркшейдер* (нем.) — специалист по горному делу; горный межевщик [СРЯ XVIII, 12: 71]; *названия руд, минералов, соединений: алебастр* — греч. через лат., нем. [Фасмер, I: 70]; *названия сооружений: штольня* (нем. через польск.) — горизонтальная горная выработка [Фасмер, IV: 479]; *названия инструментов, приспособлений: инструмент* (лат. из нем.) — средство, орудие чего-либо [Фасмер, II: 135]; *обозначения этапов технологического процесса: проба* (руды, галмея и т. п.) — испытание чего-либо на соответствие стандарту (лат. через польск. или нем.) [Фасмер III: 370]; *меры объема: колоша* — мера объема, обозначает порцию руды, флюсов и угля, засыпавшуюся в один прием в доменную печь (нем.) [Черных, I: 371].

Кроме терминов указанной сферы, отмечается лексика других сфер, профессионально ограниченная в употреблении.

Помимо терминологической лексики, в

письмах широко представлены канцеляризмы: *вышеписанный, учинить, чинить, при сем, показать радение, о сыску беглых, вспоможение* и под.; архаизмы: *аще, зело, елико, не вею* (= не знаю), *отчаяти, соизволить, здравие, долгоденствие* и др.; просторечные элементы: *стаскаться, охулка, рожа, пожитки, покраденный* и др.

Морфологические предпочтения А. Н. Демидова подробно анализировались нами в статьях [Иванова 2014; Иванова 2015] и в целом не противоречат морфологическим нормам, закрепленным М. В. Ломоносовым в уже упоминавшейся «Российской грамматике».

Однако в письмах встречаются и грамматические архаизмы: *челом бию, счастливаго, добраго, прилежнаго, крепкаго, божиим, отчаяти* и под.

Элементами разговорного синтаксиса можно считать своеобразную ассоциативную связь между членами предложения (отрыв подлежащего от сказуемого, согласованного определения от определяемого слова) и использования союза **а** в начале предложения: *А'оплатеже десятого луда когда пришлется указ намъ из'Бергъ каллегии и мы тогда платитъ готовы; А'его превосходительство господин господин от'алртилерии генерал мазоръ Вилимъ Ивановичъ обещал чтобы от'нас беглыхъ никого не'приимать; А'я по'писму его превосходительства и'васъ всякое требование от'правляя; А'ежели от'вас к'нимъ нашимъ беглым покажетца милосердие то они и'все от'нас переедутъ.*

В плане лексики и грамматики данные письма отличаются мозаичностью и сочетанием разнородных элементов (архаичных и разговорных).

Таким образом, письма Акинфия Никитича Демидова, созданные в 1720-е гг., в значительной мере являются типичными для этой разновидности деловых писем дворян-промышленников к вышестоящим адресатам-управленцам (позволим себе некоторое допущение и заметим, что они вполне сопоставимы с современными письмами директора или владельца завода мэру) и позволяют увидеть, какие их черты, значимые для политического дискурса, оформились в данный период. К ним относятся следующие особенности: последовательность блоков (**начальный блок**: обращение; **блок основного содержания**: описание ситуации, повода для написания письма, ссылки на иные относящиеся к делу документы; **конечный блок**: подпись, дата и место написания, пометы, резолюция) и их наполнение в целом в структуре письма, часть формул именованя людей (*по имени-*

отчеству), часть лексических архаизмов (вышеназванный/вышепоказанный), устойчивость базовых конструкций документов (письмо получено, в ответ на... сообщаем).

ИСТОЧНИКИ

1. Демидов А. Н. Письмо В. И. де Геннину (документ № 204) // Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 39. Л. 471—471 об.

2. Демидов А. Н. Письмо И. И. Блиеру // Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Т. 2. Л. 189—189 об.

ЛИТЕРАТУРА

3. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. А. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Наука, 1972. 432 с.

4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Эволюция российской политической метафоры // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 39—42.

5. Ворошилова М. Б. «Политическая лингвистика»: веки развития // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 45—48.

6. Иванова Е. Н. Морфологические предпочтения исторической языковой личности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 1. С. 115—121.

7. Иванова Е. Н. Ортологический аспект характеристики исторической языковой личности // Научное мнение. 2015. № 11-1. С. 85—88.

8. Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред.

А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т, 2016.

9. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2010.

10. Словарь Академии Российской [Электронный ресурс]. Ч. IV. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10110/#page/343/mode/1up> (дата обращения: 05.05.2019).

11. Словарь русского языка XVIII века = СРЯ XVIII. — Л.: Наука, 1984—.... Вып. 1—....

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — СПб.: Азбука, 1996.

13. Черкасова А. С. История одного конфликта. Из переписки В. Н. Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник: исторический альманах. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 1994. Кн. 1. С. 174—199.

14. Черкасова А. С. «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: исторический альманах. — Екатеринбург: Демидовский ин-т, 1994. Кн. 1. С. 10—29.

15. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. — М.: Русский язык, 1994.


16. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Дзюба Е. В., Кошкарлова Н. Н., Кондратьева О. Н., Никифорова М. В., Пирожкова И. С., Руженцева Н. Б., Солопова О. А. Теория и методика лингвистического анализа политического текста. — Екатеринбург, 2016.


17. Чудинов А. П., Цыганкова А. В. Политическая лингвистика и медиалингвистика: статус и грани соприкосновения // Медиалингвистика: материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. — 2016. С. 289—290.

18. Юркин И. Н. Демидовы в Туле: из истории становления и развития промышленной династии. — М.: Тула, 1998.

E. N. Ivanova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9521-5340 

 E-mail: z3411828@yandex.ru.

Letters of Akinfiy Demidov to those who Held Power in the First Half of the 18th Century (To the Question of the Diachronic Approach to Political Discourse in Russia)

ABSTRACT. *The article examines the letters of the Urals factory owner A. N. Demidov to V.I. de Gennin, V.N. Tatishchev and others, which are comparable to the letters of a contemporary director or plant owner to the mayor. The features of the content, composition and language of these letters are analyzed. The paper quotes complete texts of two letters. Two planes are distinguished in the content of these letters: factual and etiquette. Three universal blocks are subdivided in the structure of the letters: the initial block, the block of the main content and the final block. In terms of their composition, the letters of A.N. Demidov contain universal structural blocks, the content of which is somewhat specific: first, they possess some elements that are present in modern business letters (marks, references to documents, conclusion), second, there are elements which in modern practice are typical of private letters only (wishes to the official's family members), third, there are elements that are still used in business letters but have changed their linguistic expression (indication of the addressee and the signature), fourth, there are universal elements (date, place of writing). In their vocabulary and grammar, these letters are distinguished by mosaic nature and a combination of heterogeneous elements (archaic and colloquial). The author concludes that the basic features of the texts of the contemporary political discourse are the following: a certain sequence of blocks (initial block: salutation; block of the main content: description of the situation and the reason for writing the letter, links to other relevant documents; final block: signature, date and place of writing, marks, conclusion) and their content in the body of the letter, some of the formulas of naming people, some lexical archaisms, and stability of the basic constructions used in documents.*

KEYWORDS: *political discourse; business letter; Russian language; history of the Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ivanova Evgeniya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Ivanova, E. N. Letters of Akinfiy Demidov to those who Held Power in the First Half of the 18th Century (To the Question of the Diachronic Approach to Political Discourse in Russia) / E. N. Ivanova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 83-88. — DOI 10.26170/pl19-03-10.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-012-00465 A “Linguo-Political Personology: a Discursive Approach”.*

MATERIALS

1. Demidov A. N. Letter to V. I. de Gennin (Document No. 204) // State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 24. R. 1. C. 39. P. 471—471rev. [Pis'mo V. I. de Genninu (dokument № 204) // Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. 24. Op. 1. D. 39. L. 471—471 ob.]. — (In Rus.)

2. Demidov A. N. Letter to I. I. Bleer // State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 24. R. 1. C. 9. Vol. 2. P. 189—189rev. [Pis'mo I. I. Blieru // Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. 24. Op. 1. D. 9. T. 2. L. 189—189 ob.]. — (In Rus.)

REFERENCES

3. Birzhakova E. E., Voynova L. A., Kutina L. A. Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language of the XVIII Century. Language Contacts and Borrowing. — Leningrad : Science, 1972. 432 p. [Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaимstvovaniya. — L. : Nauka, 1972. 432 s.]. — (In Rus.)

4. Budaev E. V., Chudinov A. P. The Evolution of Russian Political Metaphorics // Cognitive Studies of Language. 2017. No. 30. P. 39—42. [Evolutsiya rossiyskoy politicheskoy metaforiki // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2017. № 30. S. 39—42]. — (In Rus.)

5. Voroshilova M. B. “Political linguistics”: Landmarks of Development // Pedagogical Education in Russia. 2014. № 1. P. 45—48. [«Politicheskaya lingvistika»: vekhi razvitiya // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 1. S. 45—48]. — (In Rus.)

6. Ivanova E. N. Morphological Preferences of a Historical Language Person // Proceedings of Univ. of Friendship of Nations. Ser.: Education Issues: Languages and Speciality. 2014. No. 1. P. 115—121. [Morfologicheskie predpochteniya istoricheskoy yazykovoy lichnosti // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2014. № 1. S. 115—121]. — (In Rus.)

7. Ivanova E. N. The Ortological Aspect of the Characteristics of a Historical Linguistic Personality // Scientific Opinion. 2015. № 11-1. P. 85—88. [Ortologicheskiy aspekt kharakteristiki istoricheskoy yazykovoy lichnosti // Nauchnoe mnenie. 2015. № 11-1. S. 85—88]. — (In Rus.)

8. Political Linguistics: Problems, Methodology, Aspects of Research and Prospects for the Development of Scientific Direction: Materials of the Internat. Scientific Conf. / ch. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ, 2016. [Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t, 2016]. — (In Rus.)

9. Prokofiy Akinfievich Demidov. Letters and documents. 1735—1786. — Ekaterinburg : Demidov Institute, 2010. [Pis'ma i dokumenty. 1735—1786. — Ekaterinburg : Demidovskiy in-t, 2010]. — (In Rus.)

10. Dictionary of the Russian Academy [Electronic resource]. Part IV. [Slovar' Akademii Rossiyskoy [Elektronnyy resurs]. Ch. IV]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10110/#page/343/mode/1up> (date of access: 05.05.2019). — (In Rus.)

11. Dictionary of the Russian language of the XVIII century. — Leningrad : Science, 1984—... Iss. 1—... [Slovar' russkogo yazyka XVIII veka = SRYa XVIII. — L. : Nauka, 1984—... Vyp. 1—...]. — (In Rus.)

12. Vasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language : 4 volumes. — Saint Petersburg : Azbuka, 1996. [Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — SPb. : Azbuka, 1996]. — (In Rus.)

13. Cherkasova A. S. The Story of One Conflict. From the Correspondence of V. N. Tatishchev with Nikita and Akinfiy Demidov // Demidov's Timeline: Historical Almanach. — Ekaterinburg : Demidov Institute, 1994. Book 1. P. 174—199. [Istoriya odnogo konflikta. Iz perepiski V. N. Tatishcheva s Nikitoy i Akinfiem Demidovymi // Demidovskiy vremennik: istoricheskiy al'manakh. — Ekaterinburg : Demidovskiy in-t, 1994. Kn. 1. S. 174—199]. — (In Rus.)


14. Cherkasova A. S. “... To make iron the kindest craftsmanship.” From the business correspondence of Akinfiy Nikitich Demidov // Demidov's Timeline: Historical Almanach. — Ekaterinburg : Demidov Institute, 1994. Book 1. P. 10—29. [«... Chtob zhelezo delat' samym dobrym masterstvom». Iz delovoy perepiski Akinfiya Nikiticha Demidova // Demidovskiy vremennik: istoricheskiy al'manakh. — Ekaterinburg : Demidovskiy in-t, 1994. Kn. 1. S. 10—29]. — (In Rus.)

15. Chernykh P. Ya. Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language: in 2 volumes. — Moscow : Russian language, 1994. [Istoriko-etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka : v 2 t. — M. : Russkiy yazyk, 1994]. — (In Rus.)

16. Chudinov A. P., Budaev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondrat'eva O. N., Nikiforova M. V., Pirozhkova I. S., Ruzhentseva N. B., Solopova O. A. Theory and Methods of Linguistic Analysis of a Political Text. — Ekaterinburg, 2016. [Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta. — Ekaterinburg, 2016]. — (In Rus.)

17. Chudinov A. P., Tsygankova A. V. Political Linguistics and Medialinguistics: Status and Facets of Contact // Medialinguistics : Proceedings of the 1st International. scientific-practical conf. — 2016. P. 289—290. [Politicheskaya lingvistika i medialingvistika: status i grani soprikosnoveniya // Medialingvistika : materialy 1-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — 2016. S. 289—290]. — (In Rus.)

18. Yurkin I. N. Demidov in Tula: From the History of the Formation and Development of the Industrial Dynasty. — Moscow ; Tula, 1998. [Demidovy v Tule: iz istorii stanovleniya i razvitiya promyshlennoy dinastii. — M. ; Tula, 1998]. — (In Rus.)

Е. Р. КорниенкоСеверный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9451-3517  **E-mail:** er-kor@mail.ru.

Предисловие как паратекст (на материале наследия Н. И. Новикова)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию жанра предисловия как паратекста. Автором рассматривается «исторический» публицистический дискурс (общественно-политическая направленность) с целью выявления дискурсивных средств. Предметом анализа выступают предисловия к изданиям русского просветителя второй половины XVIII в. Н. И. Новикова: к «Древней российской вивлиофике», к «Древней российской гидрографии», к «Скифской истории». Актуальность обусловлена важностью изучения исторической динамики жанровой и стилевой структуры журналистских текстов, поскольку в исторической ретроспективе очевидны изменения жанрового поля и жанровых канонов, архитектоники и композиции, семантической структуры и денотативных доминант, риторической и стилистической аранжировки произведений. С целью выявления способов организации речевого воздействия на читателя использовано сочетание методов традиционно-описательного, семантико-стилистического, когнитивного, коммуникативно-прагматического анализа. Результаты работы заключаются в том, что был изучен информационный потенциал авторского и издательского предисловия как паратекста; выявлены способы речевой реализации содержательно-фактуальной и концептуальной информации; определена роль оценочных средств в организации данных категорий; названа содержательная специфика предисловия в ряду иных паратекстовых форм; проанализировано влияние свободы содержательного вектора на организацию концептосферы текста; способы репрезентации событийности и дискурсивная организация взаимодействия создателя текста и потенциального читателя обозначены как основные речевые тактики дифференциации авторских и издательских предисловий; доказано, что тактика создания образа автора определяет его позицию в коммуникативном треугольнике «автор — читатель — издатель». Результаты работы могут быть применены в дальнейших исследованиях паратекста в рамках исторической стилистики, политической, когнитивной и коммуникативной лингвистики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публицистический дискурс; паратексты; предисловия; текстовая информация; концепты; образ автора; языковая личность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Корниенко Елена Ревовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск) Министерства здравоохранения РФ; 163000, Россия, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51; e-mail: er-kor@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Корниенко, Е. Р. Предисловие как паратекст (на материале наследия Н. И. Новикова) / Е. Р. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 89-95. — DOI 10.26170/pl19-03-11.

Изучая произведения разных исторических эпох, современные исследователи все чаще стали использовать паратекстуальный подход.

В российской науке вопросы паратекста в связи с рамочными компонентами рассматривались с 30-х гг. XX в. [Кржижановский 1931; Рубакин 1977; Реформатский 2004]. Более глубоко проблему текстовой периферии разрабатывают французские ученые [Genette 1982, 1987; Lane 1992]. В настоящей статье ориентиром для исследования являются следующие проблемы паратекста: комментарий к тексту оригинала; пространственные, темпоральные, сущностные, прагматические, функциональные характеристики паратекста и метатекста; теория языковой личности [Богин 1982; Караулов 2010; Карасик 2002]. Мы учитываем в изучении метатекста и паратекста позиции зарубежных и отечественных исследователей (I. Bilodeau, R. Dimitriu, G. Genette, J. Hadley, A. Mizuno, A. Pym, S. Rovira-Esteva, Ş. Tahir Gürçağlar, W. P. Verschueren, M. L. Wardle, A. Yanabu, Л. Г. Викулова, Ю. В. Гарусова, Н. В. Захарова и др.).

Объектом нашего исследования являются публицистические произведения, «Предисловия» к текстам русского просветителя второй половины XVIII в. Н. И. Новикова (1744—1818), представляющие собой паратекст. Паратекст считается текстовой периферией, но при этом может быть важным источником для получения национально-культурной информации. Необходимо заметить, что в данном случае речь идет об аллографическом паратексте, т. е. таком, который создается издателем.

Н. И. Новиков, писатель, журналист и книгоиздатель, осуществил свой замысел по обнародованию «дельных» книг для изучения России. По его словам, это издание было предпринято *паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что во времена Петра Великаго Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто, только служебных* [Новиков 1961: 327]. Необходимо отметить, что побудительным мотивом Н. И. Новикова к изданию памятников древней рус-

ской жизни послужил не только этот идеал, но и идея об образованности, органически слившаяся с чувством патриотизма: *Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов (говорит предисловие); но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников... и гнушаться оными* [Новиков 1961: 326]. Предисловия к изданиям, написанные Н. И. Новиковым, несут следы русского просвещения и российской культуры.

Настоящая работа выполнена в аспекте когнитивной лингвистики. Речевое воздействие с позиции когнитивной лингвистики — это совокупность действий адресанта коммуникации, направленных на изменение модели мира адресата [Иссерс 1999]. Модель мира — это знания о мире, коррелирующие с концептами авторской картины мира. Вопрос о критериях универсальности концептов является до сих пор дискуссионным [Александров 2010].

Роль паратекстов в репрезентации концептуальной авторской картины мира не столь широко изучена, что обусловливает актуальность исследования и его цель — изучение когнитивного потенциала авторского и издательского паратекста и способов его речевой реализации, а именно предисловий как паратекстового образования. Мы анализируем смыслы, формируемые околотекстовым пространством произведений, автором и издателем которых был Н. И. Новиков.

В качестве материала исследования были выбраны предисловия Н. И. Новикова к «Древней российской вивлиофике» (1773—1775), «Древней российской гидрографии» (1773), «Скифской истории» (1776).

Анализируя паратекст, мы применяли комплекс методов: традиционно-описательный и дискурсивный анализы, сопоставление и дифференциация исследуемого материала, концептуальный анализ, метод сплошной выборки. С целью выявления способов организации речевого воздействия на читателя использовано сочетание методик семантико-стилистического, когнитивного, коммуникативно-прагматического анализа.

Как просветитель, ключевой задачей своей деятельности Н. И. Новиков определял борьбу за национальные основы русской культуры. Не ограничиваясь сатирическими журналами, он выпустил ряд исторических изданий, среди которых были «Древняя российская вивлиофика», «Древняя российская гидрография», «Скифская история» А. И. Лылова. К ним издатель написал предисловия.

Жанр предисловия формирует издательский дискурс, который необходимо рас-

сматривать «как одну из форм письменной профессиональной коммуникации» [Викулова 2012: 63]. В триединой модели взаимодействия в рамках издательского дискурса «автор — читатель — издатель», без сомнения, ключевую роль играет издатель, вступающий посредством диалога в систему коммуникации с адресатом. Их взаимодействие осуществляется через паратекстовые жанры: издательская аннотация, читательский адресат издания, введение, предисловие, примечания, комментарии [Викулова 2008: 188]. Предисловие как жанр обладает особой информационной насыщенностью в ряду паратекстовых элементов. Это объясняется прежде всего свободой содержания: информационный вектор предисловия может быть направлен на потенциального читателя (интеллектуальная, эмоциональная, бытовая жизнь), на текст (пояснения, комментарии) или быть авторефлексивным. В авторских и издательских предисловиях реализуется коммуникативный потенциал письменного текста: автор учитывает уровень потребности в коммуникации между адресантом и адресатом; «личность» читателя; вербализирует коммуникативно-прагматические интенции.

Например, в предисловии к «Древней российской гидрографии» (т. I, 1773 г. — описание Московского государства, составленное при Фёдоре Алексеевиче) Н. И. Новиков в деталях описал приемы своей работы при подготовке книги, т. е. пояснил принцип формирования списка как основы публикации: *Прочитав все списки, нашёл я, что полученный мною от господина Хлебникова список старше всех и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нём описки и погрешности* [Новиков 1961: 327]. Издатель осуществил свой замысел по обнародованию «дельных» книг для изучения России. Работая над изданием указанного древнерусского памятника, получая информацию о рукописных списках из государственных и частных собраний, Н. И. Новиков сверял списки и выбирал наиболее древний. При наличии нескольких списков исправлялись «описки и погрешности» основного. Всё это говорит о трудоемкости работы при подготовке издания к публикации. В предисловии эксплицируется главный критерий отбора текста: «старее всех». Первичность источника акцентируется как элемент аксиологической иерархии вербальных ценностей в авторской картине мира. В то же время процитированный фрагмент говорит о большом трудолюбии и патриотическом желании русского просветителя Н. И. Новикова ближе узнать свое отечество. Формируется образ

автора, который становится ориентиром для потенциального читателя.

«Древняя российская вивлиофика» (1773—1775), 10-томное издание, в котором опубликованы письменные памятники русской старины, хранившиеся в архивах, своей основной идеей отличается от других изданий. Целью «Вивлиофики» было, как утверждал Н. И. Новиков в предисловии «К читателю», *начертание нравов и обычаев наших предков, чтобы мы познали великость духа их, украшенного простотою*. Таким образом, Н. И. Новиков лаконично определяет для читателя содержание издаваемого текста и в то же время вербализирует свою аксиологическую картину мира, свой идеал. Побудительным мотивом Н. И. Новикова к изданию памятников древней русской жизни стала идея об образованности, органически слившаяся с чувством патриотизма, о чем он также говорит читателю: *полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов; но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях* [Новиков 1961: 326]. Данный текст насыщен эксплицитными оценками, которые демонстрируют прагматический уровень языковой личности. Чувство патриотизма, увлечение стариною сливается в издателе «Вивлиофики» со стремлением изучить по историческим памятникам нравы и обычаи старины. В предисловии издатель критично оценивает общество, выражая надежду на благосклонное принятие нового издания потенциальным читателем: *не всё у нас ещё слава Богу! заражены Францею* [Новиков 1961: 325]. Просветитель, безусловно, не проповедует невежественного игнорирования всего чужеземного, он, напротив, находит полезным изучать новые и древние нравы других народов; в то же время он видит и недостатки русской старины, например, старинное суеверие. Таким образом, в предисловии информация о содержании текста становится поводом для оценок общества и создания прогностических моделей патриотического воспитания.

Анализируя информационную сторону паратекста, ученые решают проблему различия авторских и издательских предисловий. Исследователи художественных текстов отмечают, что авторское предисловие отличается от издательского прежде функциональной значимостью. Задача автора состоит в формировании диалогического взаимодействия с читателем, в то время как задачей издателя является использование паратекста для информирования читателя и передачи социокультурных аспектов общественной жизни какой-либо страны и эпохи. Также в лингвистике отмечается, что информация, находя-

щаяся в авторских предисловиях, является содержательно-концептуальной, а информация издательского предисловия — содержательно-фактуальной [Чернигова 2006].

Важным результатом нашего исследования является вывод о том, что один автор в одинаковом творческом контексте (создание паратекста для изданий близкого содержания) может создавать предисловия, прагматические, информационные, композиционные и речевые характеристики которых позволяют отнести их к разным типам предисловий — авторским или издательским. Н. И. Новиков создает разные образы авторов по позиции в коммуникативном триединстве «автор — читатель — издатель». Остановимся на вербальных механизмах репрезентации той или иной позиции создателя предисловия.

Презентация событий в предисловиях характеризуется разными типами: «реконструкция» представлена предисловием к «Древней российской вивлиофике», где событие автором комментируется и оценивается, исходя из его идеологических установок (*не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество*); «отражение» представлено предисловием к «Древней российской гидрографии», где отсутствуют комментарии и оценки, однако дана подробная публикационная «история списка». В первом случае нам предложено авторское предисловие как паратекстовое образование, коммуникативно-прагматически воздействующее на читателя — современника автора. Второму предисловию предшествует авторская помета «от издателя», тем самым его можно считать издательским, в котором Н. И. Новиков реализует свои коммуникативно-прагматические интенции и вступает в коммуникацию в триединой системе «автор — издатель — читатель». Издательское предисловие Н. И. Новикова разъясняет «историю» издания, формулирует коммуникативное намерение автора с целью убеждения адресата в значимости произведения, содействует сокращению «культурной» дистанции между текстом произведения и читателем.

Отметим, что авторскому и издательскому предисловиям свойственны общие черты, а именно прагматические характеристики, статус периферийного текста и метатекстовость. При этом, как указывают исследователи, при написании авторского и издательского предисловий отталкиваются от различных целей, задач, интенций [Белых 1991]. В лингвистической теории интенция обуславливается, например, созданием речевого произведения для достижения ожидаемого результата [Граудина 2009]. Интенциональность необходимо рассматривать во

взаимосвязи с концептуальным содержанием текста, выражающим его коммуникативную направленность и намерения автора; при этом способом выяснения интенции является концептуальный анализ текста.

Ориентируясь на типологию текстовой информации И. Р. Гальперина [Гальперин 1981], покажем, как коррелируют фактуальная и концептуальная информации и прагматическая составляющая в текстах предисловий Н. И. Новикова.

Обратимся к тексту «Предисловие к „Древней российской вивлиофике“». В первом предложении излагаются мотивы вербального творчества и издательской деятельности. Во втором предложении мотивная информация уступает место эксплицитной содержательно-фактуальной: *...в нынешний, 1773 год увидят читатели мои ежемесячное издание под заглавием „Древняя российская вивлиофика“* [Новиков 1961: 325]. Далее автор продолжает информировать читателя, насыщая информацию оценками, что меняет характер текста: *не все у нас еще, слава богу! Заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов... Увидят некое начертание нравов их и обычаев* [Новиков 1961: 325]. Фактуальная информация всегда выражена эксплицитно, лексическое значение используемых слов обычно номинативное (*издание, обряды, обычаи, список, библиотека*). Концептуальная информация (порочность общества, зараженность его «иностранный чумой», необходимость оздоровления через воспитания патриотизма и др.) вплетается в фактуальный контекст.

Тесное взаимодействие фактуальной и концептуальной информации требует при анализе предисловий наряду с категорией информативности фокусировать внимание на категории прагматики, предполагающей коммуникативное намерение автора воздействовать на реципиента. Вслед за И. Р. Гальпериним рассматриваем прагматическую установку как «цель сообщения, которая в значительной мере предопределяет идентификацию лингвистических характеристик. Эта установка лежит в основе отбора языковых единиц и их комбинаторики» [Гальперин 1976: 280]. Прежде всего отметим, что заголовки предисловий Н. И. Новикова (к «Древней российской вивлиофике», к «Древней российской гидрографии», к «Скифской истории») имеют прагматическую направленность, хотя не включают эксплицитных воздействующих средств, а просто сообщают тему, основную информацию, см.: *что ж касается до вещества, которым наполнено*

будет сие издание, то сие показывает заглавие сего книги [Новиков 1961: 326].

В анализируемых текстах предисловий выделяются следующие разновидности прагматической установки:

1) на актуализацию фоновых знаний: *Времена Петра Великого, библиотека императорской Академии наук, Московское государство, патриаршая ризница* (страноведческие знания), *нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов* (общечеловеческие знания), *сведения о своих предках* (региональные знания);

2) на оценку явления или события (*благоклонное принятие, маловажные мои сочинения, ободрило меня, заражены Франциею, отдавать справедливость достоинствам иностранных, пересмывать суеверие, подвержены суеверию; весьма достойный напечатания, весьма неисправно переписанные, исправнейший всех; с наилучшего списка*);

3) на привлечение внимания посредством апелляции (*увидят читатели мои, я уведомил уже тебя (читатель), остается мне просить моих читателей*);

4) на прямое побуждение, в том числе посредством модальных конструкций (*ты можешь собрать с него полезные плоды; если усмотришь недостатки, то упустит оные; не должно будет удивляться*) [Новиков 1961: 325—329].

Самым распространенным типом прагматических установок из указанных является оценочная, так как Н. И. Новикову как просветителю важно было ориентировать читателя в социокультурном пространстве. Реализация прагматической установки автора в предисловиях осуществляется с помощью средств выразительности.

Эпитеты (*благоклонное принятие, изрядный почерк*), в том числе сложные слова — эпитеты (*благоклонное, маловажных, чужеземных, полуфранцузы, вспомоществование, всемилостивейшая, достопамятных*) в предисловиях малочисленны, однако они имеют оценочное значение.

В антитезах (*похвально любить — стыдно презирать; один старинным — другой новым письмом писанные, у одного не находится заглавия — другой под заглавием*) автор проводит сравнение явлений, для чего использует узувальные антонимы (*похвально — стыдно, старинный — новый*) или антонимичные ситуации (*не находится заглавия — под заглавием*). В большинстве случаев антитезы вызывают у читателя два противоположных «образа» с определенной и однозначной оценкой: позитивный и негативный. Так, в антитезе *«похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но*

стыдно презирать своих соотечественников» Н. И. Новиков обращается к универсальной биполярной лингвокультурологической оппозиции «свои — чужие» (иностранцы — соотечественники), которая отражает константы национального сознания. Прагматический смысл такого противопоставления заключается в воспитании читателя. Известно, что участие Н. И. Новикова в общественной жизни детерминировано желанием исправлять пороки современного человека, «тиражировать» русский национальный характер.

Императивность в текстах предисловий выражается в форме повелительного наклона глагола (*не взирай, упусти*), в конструкции сложноподчиненного предложения: *пожелать читателю моему, чтобы он пользовался сею книжкою*. Побудительное высказывание оказывается действенным с точки зрения речевого воздействия на читателя благодаря сильной композиционной позиции — в конце текста: *Впрочем не остается мне больше ничего, как в заключение сего пожелать читателю моему, чтобы он пользовался сею книжкою столько, сколько любители российской истории желали видеть ее напечатанною* (Предисловие к «Скифской истории» А. Лызлова) [Новиков 1961: 329]; *Наконец, если усмотришь ты, благосклонный читатель, какие погрешности мои или недостатки, в сем издании легко быть могущие, то упусти оные, памятуя, что в начале своем ничто не может быть совершенно* (Предисловие к «Древней российской вивлиофике») [Новиков 1961: 326].

Прагматические установки осуществляются с помощью интонационных средств выразительности (*не все у нас еще, слава богу! заражены Францею; к тебе обращаюсь я, любитель российских древностей!*) Восклицательные конструкции выражают эмотивные смыслы в структуре образа автора, связанные с основными концептами текста — «свой — чужой», «древность/история», «Россия/Родина».

Подводя итоги вышесказанному, следует подчеркнуть, что все воздействующие языковые средства увеличивают информативную ценность паратекста и приводят к реализации его важных функций — убеждения и эмоционального воздействия. Подбор языковых выразительных средств и точное словоупотребление способствуют реализации прагматической установки. Таким образом, прагматическая установка Н. И. Новикова в предисловиях, с одной стороны, содержит в себе отношение автора к сообщаемой информации, с другой — управляет читательским восприятием.

Концептуальная информация структурируется в когнитивном пространстве текста в форме концептов как «сгустков смыслов»,

являющихся основными для автора. Текстовые концепты имеют разный уровень обобщения и аксиологического потенциала. Например, в «Древней российской вивлиофике» в предисловии выделяем идейный концепт «Древность», который вербализируется через авторские оценки: *«гораздо полезнее иметь сведения о своих предках», «с наименьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их (предков) и обычаев и с восхищением познают великость духа их»* [Новиков 1961: 325—326]. Оценка имеет утилитарный и эмотивный характер: степень сравнения прилагательного (*полезнее*) и отвлеченные существительные (*удовольствие, восхищение*). В авторском предисловии к указанному выше произведению с помощью семантико-стилистического анализа получаем подтверждение, что идейный концепт «Древность» проявляет авторскую установку «любовь к российским древностям» (*великость духа, похвально любить, любитель российских древностей*). Именно поэтому Н. И. Новиков использует императив (*не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отчество*), содержащий оттенок эмоциональности и призыв.

В предисловии к «Древней российской гидрографии» определяем текстовый концепт «Список». Текст является повествованием, композиционно оформленным в виде подробной публикационной «истории списка»:

- 1) *получа сей список;*
- 2) *Нашел я его весьма достойным напечатания;*
- 3) *предприняв издать во свет сей список;*
- 4) *стараюсь отыскивать другие и нашел;*
- 5) *потом получил я еще из Москвы три таковые же списка;*
- 6) *почитав все оные списки;*
- 7) *нашел я, что полученный мною от господина Хлебникова список старше всех, и потому решился я издавать по оному;*
- 8) *вторую часть оныя отыскал я;*
- 9) *принял я намерение в свет издать;*
- 10) *что же касается до третьей части, ...еще оныя отыскать я не мог;*
- 11) *я оставлял оныя погрешности точно так, как находятся в списках* [Новиков 1961: 326—327]. Как видим, автор часто использовал конструкции с инверсией главных членов: акцент делается на авторе «я». Таким образом, в издательском предисловии является интенция, выражаемая только идеей издания «списка».

Обратимся к «Предисловию к „Скифской истории“ А. Лызлова». Лингвистическая пресуппозиция здесь опирается на текст, заключенный как в заглавии, где содержится antecedent «история», так и в первом пред-

ложении (*Скифская история, издаваемая ныне мною в свет*). В предисловии даются фактические сведения — кем (*стольником Лызловым*) и когда (*в 1692 году*) история была написана, а также из скольких частей состоит. Указывается содержание каждой части: 1) *содержит в себе историю скифских народов*; 2) *содержит историю о Перекопской, или Крымской орде*; 3) *содержит в себе известие о дворе турецких султанов* [Новиков 1961: 328—329]. Повтор слова *история* (синоним *известие*) формируют текстовый концепт. Композиционно предисловие двучастно: первая часть — короткий фактический рассказ о скифской истории, вторая — рассказ о процессе издания произведения (*учинено оно с наилучшего списка из всех тех, которые я имел, ... Я решил предпочесть его другим*). В предисловии авторские интенции сформулированы в виде пожелания читателю, например, пользоваться книгой: *столько, сколько любители российской истории желали видеть ее напечатанною* [Новиков 1961: 329].

Содержательно-фактуальная и концептуальная информация помещается в прагматическую рамку. Так, предисловия «К древней российской вивлиофике» и к «„Скифской истории“ А. Лызлова» содержат обращения (*ты, благосклонный читатель; читателю моему*) и пожелания к читателям (*упусти оные (недостатки); чтобы он (читатель) пользовался сею книжкою*). Н. И. Новиков в первом случае обращается к читателю прямо, используя личное местоимение 2 лица, а во втором — косвенно, в конструкции *пожелать читателю моему, чтобы он пользовался сею книжкою*.


Итак, в результате анализа трех предисловий изданий русского просветителя, журналиста Н. И. Новикова был изучен информационный потенциал авторского и издательского паратекста, выявлены способы речевой реализации содержательно-фактуальной и концептуальной информации. Выявлено, что в текстах предисловий к «Древней российской вивлиофике», к «Древней российской идиографии», к «Скифской истории» информативность помещается в прагматическую рамку. Средства оценки являются «контрапунктом», объединяющим данные категории и эксплицирующим интенции автора. Спецификой предисловия как паратекста является свобода содержательного вектора, что определяет суще-


ственные различия формируемых текстовых концептов. Специфика авторских и издательских предисловий реализуется в способах репрезентации событийности и в дискурсивной организации взаимодействия создателя текста и потенциального читателя. Одна языковая личность, решая типовую творческую задачу по созданию паратекста, может выбирать ту или иную тактику создания образа автора, определяя его позицию в коммуникативном треугольнике «автор — читатель — издатель». В рамках нашего исследования этот тезис доказан на материале предисловий Н. И. Новикова к издаваемым историческим текстам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров О. А. Универсальные концепты в когнитивной системе человека // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3 (7). С. 26—29.
2. Бельх А. В. Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1991. 22 с.
3. Богин Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1982. 31 с.
4. Викулова Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «Автор — Издатель — Читатель» // Вестн. ИГЛУ. Сер. «Филология». 2012. № 2 (18). С. 63—68.
5. Викулова Л. Г. Личность издателя как медиатора в литературной коммуникации // Личность и модусы ее реализации в языке : коллектив. моногр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2008. С. 188—206.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981. 140 с.
7. Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований : моногр. — М. : Наука, 1976. С. 267—290.
8. Граудина Л. К. Теория и практика русского красноречия. — М. : УРСС : Книжный дом «Либроком», 2009. 237 с.
9. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестн. Омск. ун-та. 1999. № 1. С. 74—79.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. — Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
12. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. — М. : Никитинские субботники, 1931. 36 с.
13. Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. — М., 1961. 336 с.
14. Реформатский А. А. Семиотика, лингвистика, поэтика. — М. : Языки славянской культуры, 2004. 766 с.
15. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. — М. : Книга, 1977. 263 с.
16. Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI—XVII веков: на материале авторских и издательских предисловий : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2006. 208 с.
17. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. — Paris, 1982. 467 p.
18. Genette G. Seuils Text. — Paris : Le Seuil, 1987. 426 p.
19. Lane Ph. La peripheric du texte Text. — Paris : Nathan, 1992. 160 p.

Е. Р. Kornienko

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9451-3517 

 E-mail: er-kor@mail.ru.

Preface as Paratext (based on the heritage of N. I. Novikov)

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of the preface genre as a paratext. The author considers the “historical” media discourse (socio-political orientation) in order to identify discursive means. The analysis focuses on the prefaces to the publications of the Russian educator of the 18th century N.I. Novikov: to «Drevnyaya rossijskaya vifliotika», «Drevnyaya rossijskaya idrografiya», «Skifskaya istoriya». The urgency of the study is derived from the importance of research of the historical dynamics of the genre and stylistic structure of journalistic texts, since the historical retrospect demonstrates obvious changes in the genre field and genre canons, architectonics and composition, semantic structure and denotative dominants, and rhetorical and stylistic arrangement of such works. In order to identify different methods of exercising verbal manipulation of the reader, the author uses a combination of methods: traditional descriptive, semantico-stylistic, cognitive, and communicative-pragmatic analysis. The results of the work show that the author has explored the information potential of the authored and publisher’s preface as a paratext; has revealed the ways of speech realization of the content-factual and conceptual information; has determined the role of axiological means in the organization of these categories; has determined the content specificity of the preface among other forms of paratext; has analyzed the impact of the freedom of the content vector on the organization of the conceptsphere of the text; has described the ways of representation of events and the discursive organization of interaction between the creator of the text and the potential reader as the main speech tactics of differentiating between authored and publisher’s prefaces; has demonstrated that the tactic of creating the author’s image determines his position in the communicative triangle “author — reader — publisher”. The results of the work can be used for further studies of paratext within the framework of historical stylistics, political, cognitive and communicative linguistics.*

KEYWORDS: *journalistic discourse; paratexts; prefaces; text information; concepts; image of the author; linguistic personality.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Kornienko Elena Revovna, Candidate Of Pedagogy, Associate Professor of Department of Pedagogy and Psychology; Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kornienko, E. R. Preface as Paratext (based on the heritage of N. I. Novikov) / E. R. Kornienko // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 89-95. — DOI 10.26170/pl19-03-11.*

REFERENCES

1. Aleksandrov O. A. Universal Concepts in the Human Cognitive System // *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. 2010. No. 3 (7). P. 26—29. [Universal’nye kontsepty v kognitivnoy sisteme cheloveka // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2010. № 3 (7). S. 26—29]. — (In Rus.)
2. Belykh A. V. The Implementation of Pragmatic Installations of the Monographic Preface (on the Material of the English Language) : synopsis of thesis ... of Cand. Philol. Sciences. — Leningrad, 1991. 22 p. [Realizatsiya pragmaticheskikh ustanovok monograficheskogo predisloviya (na materiale anglijskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — L., 1991. 22 s.]. — (In Rus.)
3. Bogin G. I. The concept of Linguistic Personality : symopsis of thesis ... of Dr. Phil. Sciences. — Leningrad, 1982. 31 p. [Kontseptsiya yazykovoy lichnosti : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — L., 1982. 31 s.]. — (In Rus.)
4. Vikulova L. G. Publishing Discourse in the Communication System “Author — Publisher — Reader” // *Proceedings of IGLU. Ser. “Philology”*. 2012. № 2 (18). P. 63—68. [Izdatel’skiy diskurs v sisteme obshcheniya «Avtor — Izdatel’ — Chitateľ’» // *Vestn. IGLU. Ser. «Filologiya»*. 2012. № 2 (18). S. 63—68]. — (In Rus.)
5. Vikulova L. G. The Identity of the Publisher as a Mediator in Literary Communication // *Personality and Modes of its Implementation in the Language: the team. monogr.* — Irkutsk : Publ. House. of State Linguist. Univ., 2008. P. 188—206. [Lichnost’ izdatel’ya kak mediatora v literaturnoy kommunikatsii. Lichnost’ i modusy ee realizatsii v yazyke : kolektiv. monogr. — Irkutsk : Izd-vo Irkut. gos. lingvist. un-ta, 2008. S. 188—206]. — (In Rus.)
6. Gal’perin I. R. Text as an Object of Linguistic Research. — Moscow : Science, 1981. 140 p. [Tekst kak ob’ekt lingvističeskogo issledovaniya. — M. : Nauka, 1981. 140 s.]. — (In Rus.)
7. Gal’perin I. R. On the Principles of Semantic Analysis of Stylistically Marked Text Segments // *Principles and Methods of Semantic Research* : monograph. — Moscow : Science, 1976. S. 267—290. [O printsipakh semanticheskogo analiza stilističeski markirovannykh otrezkov teksta // *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* : monogr. — M. : Nauka, 1976. S. 267—290]. — (In Rus.)
8. Graudina L. K. Theory and Practice of Russian Eloquence. — Moscow : URSS : Librokom Book House, 2009. 237 p. [Teoriya i praktika russkogo krasnorechiya. — M. : URSS : Knizhnyy dom «Librokom», 2009. 237 s.]. — (In Rus.)
9. Issers O. S. Speech Impact in the Aspect of Cognitive Categories // *Proceedings of Omsk Univ.* 1999. № 1. P. 74—79. [Rechevoe vozdeystvie v aspekte kognitivnykh kategoriy // *Vestn. Omsk. un-ta*. 1999. № 1. S. 74—79]. — (In Rus.)
10. Karasik V. I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse // monograph. — Volgograd : Change, 2002. 477 p. [Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs : monogr. — Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.]. — (In Rus.)
11. Karaulov Yu. N. The Russian Language and Linguistic Personality // Moscow : LKI Publ., 2010. 264 p. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’. — M. : Izd-vo LKI, 2010. 264 s.]. — (In Rus.)
12. Krzhizhanovskiy S. D. Poetics of Titles. — Moscow : Nikitinsky Saturdays, 1931. 36 p. [Poetika zaglaviy. — M. : Nikitinskie subbotniki, 1931. 36 s.]. — (In Rus.)
13. N. I. Novikov and His Contemporaries. Selected Works. — Moscow, 1961. 336 p. [N. I. Novikov i ego sovremenniki. Izbrannye sochineniya. — M., 1961. 336 s.]. — (In Rus.)
14. Reformatskiy A. A. Semiotics, Linguistics, Poetics. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2004. 766 p. [Semiotika, lingvistika, poetika. — M. : Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2004. 766 s.]. — (In Rus.)
15. Rubakin N. A. The Psychology of the Reader and the Book. — Moscow : Book, 1977. 263 p. [Psikhologiya chitateľya i knigi. — M. : Kniga, 1977. 263 s.]. — (In Rus.)
16. Chernigova I. V. Communicative Potential of Paratext of French Artworks of the 16th — 17th centuries: on the material of the author and publishing prefaces : thesis ... of Cand. Philol. Sciences. — Irkutsk, 2006. 208 p. [Kommunikativnyy potencial parateksta frantsuzskikh khudozhestvennykh proizvedeniy XVI—XVII vekov: na materiale avtorskikh i izdatel’skikh predisloviy : dis. ... kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2006. 208 s.]. — (In Rus.)
17. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. — Paris, 1982. 467 p.
18. Genette G. *Seuils Text.* — Paris : Le Seuil, 1987. 426 p.

К. А. Наумова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1729-395X

E-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте

АННОТАЦИЯ. В данной статье приводятся обоснования гипотезы о независимом положении гибридных форматов дискурса в классификации типов дискурса и о наличии существенных различий между гибридными форматами дискурса, имеющими общую дискурс-основу (военно-политический и военно-публицистический дискурс). Исследование специфики и типологических признаков военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса осуществляется с использованием инструментария критического анализа дискурса, контент-анализа и интент-анализа. Автором приводится методология отбора текстов для создания корпуса текстов, а также критерии выделения концептуальных переменных для проведения контент-анализа. Для одного и того же набора концептуальных переменных подсчитаны абсолютная и относительная частота встречаемости как для отдельных текстов, так и для групп текстов, выделенных в рамках одного корпуса. Контент-анализ и интерпретация данных, полученных с его помощью, позволили автору подтвердить гипотезу о наличии существенных различий между гибридными форматами дискурса. Автором было установлено, что военно-публицистический дискурс не является однородным и может быть подразделен на проправительственный и оппозиционный военно-публицистический дискурс. Для военно-политического и тяготеющего к нему проправительственного военно-публицистического дискурса характерно активное использование местоимений «*we*», «*I*» и «*you*», актуализирующих оппозицию «свой — чужой». В проправительственном военно-публицистическом дискурсе и военно-политическом дискурсе кодовая единица «*War*» заменяется на эвфемистическое понятие «*Strike*» или содержащее угрозу «*Chemical Weapons*», в то время как оппозиционный военно-публицистический дискурс акцентирует свое внимание на кодовой единице «*War*». Таким образом, автором установлено, что существенные различия между форматами дискурса обусловлены несовпадением целей: для военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса — инициация войны, для оппозиционного военно-публицистического дискурса — недопущение военных действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные форматы; военно-политический дискурс; военно-публицистический дискурс; контент-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Наумова Ксения Андреевна, аспирант кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Наумова, К. А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте / К. А. Наумова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 96-105. — DOI 10.26170/pl19-03-12.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00192.

Тема войны не теряет своей актуальности даже в мирное время, потому что любой вооруженный конфликт зачастую предваряется словесными дебатами, в которых на чаше весов, с одной стороны, находится отказ от войны, а с другой — необходимость ее инициации по каким-либо причинам. В этой связи дискурсивные исследования, призванные разоблачить использование манипулятивных технологий при порождении дискурса, приобретают особый смысл и дают мощный толчок развитию лингвистики в целом и междисциплинарных исследований в частности.

Учитывая, что война есть продолжение политики иными средствами, мы считаем, что изучения военного [Олянич 2015; Уланов 2014], политического [Алёшина 2015; Герасимов 2002; Демьянков 2002; Солопова

2011; Чудинов 2006; Chilton 2004; Fairclough I., Fairclough N. 2012; Wodak 1989] или публицистического [Володина 2005; Иссерс 2014; Fowler 1991; Talbot 2007] дискурса по отдельности недостаточно, чтобы определить отношение к войне в современном мире. В то время как военный дискурс сосредотачивается на вопросах ведения войны, политический и публицистический форматы дискурса затрагивают слишком широкий круг тем, не сводимых исключительно к обсуждению вооруженных конфликтов.

Тем не менее существуют так называемые «гибридные форматы дискурса», имеющие общую дискурс-основу и сочетающие характеристики и свойства двух и более типов дискурсов. В частности, речь идет о военно-политическом [Солопова, Чудинов 2018]

и военно-публицистическом [Кучинская 2011] форматах дискурса, в центре которых находится обсуждение вопросов войны.

Несмотря на широкое освещение политического и публицистического форматов дискурса в современной дискурсологии, связанные с ними гибридные форматы по-прежнему изучены недостаточно. Автор предполагает, что гибридные форматы дискурса занимают особое место в классификации типов дискурса, не являются механическим воспроизведением черт, присущих их составляющим, и порождают качественно новый формат со своими целями, ценностями и установками [Солопова, Наумова 2018].

Цель данного исследования — сопоставить военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса для выявления их специфики и типологических признаков.

Для достижения поставленной цели автор прибегает к использованию инструментария критического анализа дискурса [Richardson 2007; Wodak, Meyer 2001], контент-анализа и интент-анализа. Критический дискурс-анализ, нацеленный на разоблачение манипулятивных технологий и трактующий дискурс как инструмент осуществления власти [Dijk 1995; Wodak 1989], позволяет интерпретировать дискурс в его неразрывной связи с экстралингвистическим контекстом. Контент-анализ, подразумевающий использование математических подсчетов, придает определенную строгость получаемым результатам и позволяет абстрагироваться от субъективного мнения исследователя. Интент-анализ предоставляет возможность выявить скрытый смысл, содержащийся в анализируемых фрагментах дискурса, и определить намерения и цели, влияющие на исследуемый дискурс.

Создание корпуса текста для исследования

Для выявления черт, присущих военно-политическому и военно-публицистическому форматам дискурса, был собран корпус текстов, состоящий из следующих материалов:

1. Obama's address to the nation on Syria (пер.: «Обращение Барака Обамы к нации по поводу Сирии» от 10 сентября 2013 г. — 12 875 знаков с пробелами);

2. Response is fundamental to a world of civility and justice by Nicholas Burns (пер.: «Требуется ответные действия во имя цивилизованного и справедливого мира» — статья в издании «The Boston Globe» от 7 сентября 2013 г., 4436 знаков с пробелами);

3. Pulling the curtain back on Syria by Nicholas Kristof (пер.: «Покажите настоящую Си-

рию» — статья в издании «The New York Times» от 7 сентября 2013 г., 6495 знаков с пробелами);

4. Obama Acts Like He Doesn't Know He's an Executive-Power Extremist by Conor Friedersdorf (пер.: «Обама ведет себя так, словно не знает, что он — президент-экстремист» — статья в издании «The New York Times» от 12 сентября 2013 г., 5933 знака с пробелами);

5. The President Speaks on Syria by Ross Douthat (пер.: «Президент говорит о Сирии» — статья в издании «The New York Times» от 10 сентября 2013 г., 4400 знаков с пробелами).

При выборе материала для составления корпуса текстов автор руководствовался следующими критериями.

1. Все тексты посвящены сирийской проблеме.

2. Все тексты принадлежат либо военно-политическому (текст 1), либо военно-публицистическому форматам дискурса (тексты 2—5). Принадлежность текста тому или иному формату дискурса определяется по его первоисточнику.

3. Все тексты опубликованы в течение небольшого промежутка времени (7—12 сентября 2013 г.).

4. Все тексты принадлежат авторитетным источникам с обширной читательской аудиторией: текст 1 — архивы Белого дома (obamawhitehouse.archives.gov), текст 2 — издание «The Boston Globe» (выпускается с 1872 г., является одним из наиболее влиятельных изданий в США [[The Boston Globe http](http://The Boston Globe)]), тяготеет к политическим взглядам Демократической партии США [[Boston Globe http](http://Boston Globe)]), тексты 3—4 — издание «The New York Times» (американская газета с мировым именем, основанная в 1851 году [[The New York Times http](http://The New York Times)]), как и «The Boston Globe», считается симпатизирующей взглядам Демократической партии [[New York Times http](http://New York Times)]), текст 5 — издание «The Atlantic» (журнал, основанный в 1857 г., является одним из старейших и наиболее уважаемых в США [[The Atlantic Monthly http](http://The Atlantic Monthly)]), как и предыдущие издания, позиционируется как разделяющий взгляды Демократической партии США [[The Atlantic http](http://The Atlantic)]).

Поиск текстов для составления корпуса осуществлялся как при непосредственном обращении к сайтам определенных газет, так и с использованием поисковой системы *Google*.

Основным текстом корпуса и единственным текстом, относящимся к военно-политическому формату дискурса, является текст 1, первоисточником которого стало выступление первого лица государства. Принадлежность к военно-политическому фор-

мату дискурса также связана с тем, что темой выступления президента является вопрос инициации военной кампании в Сирии в связи с предполагаемым обладанием данным государством химическим оружием (дискурс о войне и для войны). Именно данный текст стал точкой отсчета для определения временных рамок поиска текстов военно-публицистического дискурса (1 августа 2013 г. — 1 октября 2013 г.).

Перед нами стояла задача сопоставить военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса с использованием текстов, в которых а) первое лицо государства заявляет о перспективе инициации военной кампании; б) возможная военная операция в Сирии оценивается СМИ положительно; в) возможная военная операция в Сирии оценивается СМИ отрицательно.

Необходимость рассмотрения диаметрально противоположных точек зрения объясняется желанием исключить влияние субъективного отношения со стороны исследователя и изучить позицию обеих сторон. Более того, подобный подход позволяет рассмотреть проблему классификации текстов проправительственного характера в рамках военно-политического или военно-публицистического форматов дискурса.

С учетом статистически подтвержденной низкой народной поддержки возможной интервенции в Сирию [American Views on Intervention in Syria <http://>], материалов проправительственного толка за указанный период было выделено всего 2, которые и вошли в данный корпус (всего было проанализировано 200 статей, относящихся к интервенции в Сирию, однако не все из них удовлетворяли заданным критериям поиска).

Стоит отметить, что в обоих изданиях независимо друг от друга публикации проправительственного толка вышли за 3 дня до выступления президента, т. е. 7 сентября 2013 г. Таким образом, мы можем сделать вывод, что их публикация стала своеобразной подготовкой общественного мнения к предстоящему выступлению президента. Существует как минимум два возможных объяснения подобного совпадения: 1. Журналисты действительно излагали свою позицию относительно вмешательства в сирийские проблемы со стороны США. 2. Журналисты обладали инсайдерской информацией о предстоящем выступлении президента, поэтому имели представление, о чем именно им следует писать.

Для того, чтобы более подробно рассмотреть содержательную сторону каждого из текстов, мы воспользуемся инструментами контент-анализа.

Выбор К-переменной и определение ее значений

Процедура контент-анализа неизменно сопровождается выбором единиц кодирования, или так называемых концептуальных переменных (далее — К-переменных). В каждом конкретном тексте или корпусе текстов К-переменная представлена своими значениями — языковыми коррелятами. Подбор языковых коррелятов осуществляется в соответствии с категориями, которые исследователь анализирует в тексте. К подобным категориям могут относиться, например, «свой — чужой», «война», «права человека» и т. д. Таким образом, их языковыми коррелятами будут выступать слова и словосочетания, раскрывающие данные языковые категории.

Для поиска единиц кодирования в корпусе текстов мы воспользуемся инструментом *Extractor*. Программа «Extractor» была разработана на базе Национального научно-исследовательского совета Канады и впоследствии привлекала внимание фирмы «DBI Technologies», которая занимается выпуском программного обеспечения. Пробная версия программы, предназначенная для частного использования с целью обработки текстов небольшого объема, доступна на одноименном сайте: extractor.com. Программное обеспечение «DBI Extractor» предназначено для автоматического извлечения содержимого документа в виде ключевых слов и фраз. Программа использует технологию резюмирования, таким образом, система прочитывает текст так, как это сделал бы человек, а затем формирует список ключевых слов. Данная программа может мгновенно обрабатывать тексты любых объемов и извлекать из них ключевые фразы, которые не только встречаются в документе, но и отражают его смысл и контекст. Механизм резюмирования не требует обучения, настройки или вмешательства человека. В качестве одного из возможных примеров использования данной программы указывается борьба с терроризмом, так как «Extractor» может помочь в распознавании текстов террористической тематики.

В таблице 1 приведены ключевые слова для каждого из текстов, полученные с использованием инструмента «Extractor».

Таблица 1

Ключевые слова корпуса текстов

Текст	Слово 1	Слово 2	Слово 3	Слово 4	Слово 5
1	America	War	Regime	Syria	President
2	Syria	United States	Congress	President	Chemical Weapons
3	President	Obama	Power	Executive Power	To act
4	Syria	Hama	Slaughter	Syrian	Government
5	President	Speech	To appeal	To speak	Diplomatic situation

Таблица 2

Краткая характеристика исследуемого корпуса текстов

Но текста	T1	T2	T3	T4	T5
Кол-во слов	2207	759	1027	1108	750

Как показывают данные таблицы 1, несмотря на единство тематики, акценты в каждом из текстов расставлены по-разному, чем и объясняется расхождение ключевых слов. Тем не менее выявленные совпадения подтверждают, что каждый из военно-публицистических текстов посвящен выступлению президента и дипломатической ситуации в Сирии. С учетом расхождения ключевых слов мы решили самостоятельно извлечь единицы кодирования, руководствуясь прочитанным. В частности, мы остановились на следующих единицах: *We, I, Assad, Chemical Weapons, You, War, Strike, Iraq, Afghanistan*.

Выбор данных единиц кодирования объясняется следующим.

Местоимение *we* («мы»), во-первых, является инструментом противопоставления на уровне «свой — чужой» («мы — они»), а во-вторых, инструментом манипулирования и навязывания коллективной ответственности за принятие важных политических решений.

Местоимение *I* («я»), с одной стороны, позволяет высказать личное мнение, с другой — является инструментом навязывания собственного мнения в случае, если речь идет об авторитетной персоне, например о президенте страны.

Assad — фамилия сирийского президента, множество раз встречавшаяся в корпусе текстов. Использование имени собственного говорит об отождествлении происходящего в стране с конкретным лицом и, как следствие, о предъявлении ему обвинений за сложившуюся дипломатическую обстановку.

Chemical Weapons («химическое оружие») — использование химического оружия режимом Б. Асада является официальным предлогом для предъявления последнему обвинений со стороны США, именно поэтому данное словосочетание играет особую роль в корпусе текстов.

Местоимение *you* («вы/ты») — использование данного местоимения является непо-

средственной формой обращения к реципиенту для получения обратной связи.

War («война») — центральная тема всех текстов, лежащая в основе конфликта власти и СМИ.

Strike («удар») — военная мера, о которой идет речь в выступлении президента и которая активно обсуждается журналистами.

Iraq и *Afghanistan* — исторические конфликты, тема которых традиционно поднимается, если речь заходит о вмешательстве США во внутреннюю политику других государств. Именно эти войны регулярно приводятся в качестве примера неудач внешней политики США.

Выбранные единицы кодирования достаточно четко могут быть поделены на две более глобальные категории: «свой — чужой» (*we, you, I, Assad*) и «война» (*Chemical Weapons, War, Strike*, а также *Iraq* и *Afghanistan* как частные случаи военных кампаний).

Таблица 2 представляет собой краткую характеристику корпуса текстов, в котором осуществляется поиск К-переменных.

T1, T2 и T4, представленные в таблице без подчеркивания, являются текстами, поддерживающими сирийскую кампанию, при этом T1 — текст военно-политического дискурса, а T2 и T4 — тексты военно-публицистического дискурса. Соответственно T3 и T5, выделенные в таблице подчеркиванием, являются материалами оппозиционного характера, отвергающими возможность военной кампании на территории Сирии.

В таблице 3 представлена обобщенная характеристика текстов по форматам дискурса (военно-политический и военно-публицистический), а также по характеру текста — поддерживающие или отвергающие идею военного вмешательства в Сирию. Как и в предыдущей таблице, подчеркиванием обозначены тексты военно-публицистического дискурса, имеющие оппозиционный характер.

Таблица 3

Обобщенная характеристика текстов исследуемого корпуса

No текста	T1	T2+T4	T3+T5
Кол-во слов	2207	1867	1777

Таблица 4

Абсолютная частота встречаемости отдельных словоупотреблений в тексте

K	T1	T2	T3	T4	T5
We	33	10	3	5	1
I	31	0	0	7	8
Assad	24	6	0	3	1
Chemical Weapons	15	5	1	3	2
You	11	1	0	3	6
War	9	1	8	5	2
Strike	7	5	2	3	2
Iraq	6	2	2	6	0
Afghanistan	4	0	1	2	0

Таблица 5

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений в тексте

K	T1	T2	T3	T4	T5
We	0,014952	0,013175	0,002921	0,004513	0,001333
I	0,014046	0	0	0,006318	0,010667
Assad	0,010874	0,007905	0	0,002708	0,001333
Chemical Weapons	0,006797	0,006588	0,000974	0,002708	0,002667
You	0,004984	0,001318	0	0,002708	0,008
War	0,004078	0,001318	0,00779	0,004513	0,002667
Strike	0,003172	0,006588	0,001947	0,002708	0,002667
Iraq	0,002719	0,002635	0,001947	0,005415	0
Afghanistan	0,001812	0	0,000974	0,001805	0

Статистический анализ данных

Определение абсолютных и относительных частот K-переменной

Чтобы проанализировать содержательную сторону текста, нам необходимо вычислить абсолютную частоту встречаемости заявленных единиц кодирования. Абсолютная частота включает в себя все случаи употребления искомым единиц кодирования, т. е. сколько раз то или иное слово встретилось в тексте.

Исходя из таблицы 4, мы можем заметить, что наиболее «насыщенным» является текст 1, относящийся к военно-политическому дискурсу, что можно объяснить необходимостью использования широкого арсенала инструментов манипулирования общественным мнением в текстах данного формата. При этом абсолютная частота употребляемости таких единиц кодирования, как *We*, *Assad*, *Chemical Weapons*, *Strike*, *Iraq*, *Afghanistan*, выше всего в текстах военно-политического и военно-публицистического дискурса проправительственного характера, что, с одной стороны, подтверждает их тесную связь, а с другой — ставит вопрос о дальнейшем подразделении

военно-публицистического дискурса на проправительственный и оппозиционный.

Несмотря на то, что представленные в таблице 4 данные уже могут быть использованы для анализа текста, учитывая разницу в объемах текстов, более объективная картина будет получена при подсчете относительной частоты встречаемости словоупотреблений.

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений — отношение конкретно взятых единиц к общему объему текста. После таких подсчетов мы получаем возможность сравнивать частоту встречаемости отдельных единиц кодирования в разных текстах, руководствуясь одними и теми же коэффициентами.

Жирным шрифтом мы выделили наибольшие значения встречаемости конкретно взятой единицы кодирования, а подчеркиванием — наименьшие.

Таким образом, исходя из данных, представленных в таблице 5, мы видим, что большинство единиц кодирования чаще всего встречается в тексте военно-политического дискурса (T1), что подтверждает наше предположение о наиболее выраженной потребности манипуляции общественным мне-

нием. В частности, президент регулярно ссылается на необходимость коллективного принятия решения и сплочения перед всеобщей угрозой (местоимение *we*), а также на собственный авторитет и собственное отношение к происходящему (местоимение *I*). Частое упоминание имени Асада говорит о персонализации ответственности за напряженную ситуацию в международных отношениях, что также объясняет частое упоминание сирийского президента в еще одном тексте (T2) проправительственного характера. Аналогичным образом больше всего упоминаний химического оружия приходится на выступление президента и на материалы проправительственного характера (T2 и T4), призванные нагнетать ощущение реальности угрозы, исходящей от ближневосточного государства.

Местоимение *you* создает несколько другую картину и выражает функцию апелляции в статье антиправительственного характера (T5), благодаря чему журналист призывает читателей задуматься над тем, какой ценой может обойтись очередная военная кампания для американского народа. Более того, местоимение *we* встречается в данной статье реже всего, что говорит о том, что автор не отождествляет себя с читателями, а позволяет им сформировать собственную позицию относительно происходящего.

Наиболее частое упоминание войны (*war*) характерно для военно-публицистического текста оппозиционного характера (T3), в котором реже всего встречаются такие единицы кодирования, как *I, Assad, Chemical Weapons, You, Strike*, что позволяет сделать вывод о том, что данный текст всецело посвящен тематике войны и ее пагубности для США. К подобному выводу можно прийти и в связи с тем, что автор не упоминает в достаточной степени ни сирийского лидера, ни его арсеналы химического оружия, ни военный удар, а учитывая, что местоимения «я» и «вы/ты» также используются крайне редко, автор пытается вызвать у читателя ощущение непредвзятости собственной позиции и

объективности фактов, изложенных в его статье.

Меньше всего упоминаний о войне и больше всего упоминаний об ударе по Сирии характерно для текста проправительственного характера (T2), который преподносит возможную военную кампанию не как полномасштабные боевые действия, а как отдельные «точечные удары», способные отрезвить противника.

Ирак и Афганистан так или иначе упоминаются практически в каждом из текстов, причем с разной целью: в текстах проправительственного характера они призваны подчеркнуть, что ужасы этих военных кампаний не повторятся в Сирии, а тексты оппозиционного характера подчеркивают, что очередная война на территории чужого государства США не нужна.

Таким образом, мы можем увидеть, что одни и те же единицы кодирования используются в равной степени в текстах военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса (T1, T2, T4). Тексты оппозиционного характера (T3, T5) также близки между собой с точки зрения встречаемости одних и тех же единиц кодирования, что позволяет говорить о различных целях военно-политического, проправительственного военно-публицистического и оппозиционного военно-публицистического дискурса. Первые два используют убеждающую функцию для навязывания аудитории необходимости инициации военной кампании, тогда как оппозиционный дискурс придерживается цели недопущения войны в любых ее проявлениях.

Для более подробного анализа текстов мы решили проанализировать относительную частоту встречаемости отдельных единиц кодирования в схожих текстах.

Как и в предыдущем случае, жирным шрифтом мы выделили наибольшие значения встречаемости конкретно взятой единицы кодирования, а подчеркиванием — наименьшие (таблица 6).

Таблица 6

Относительная частота встречаемости отдельных словоупотреблений в текстах схожего характера

K	T1	T2 + T4	T3 + T5
We	0,01495	0,01769	0,00425
I	0,01405	0,00632	0,01067
Assad	0,01087	0,01061	0,00133
Chemical Weapons	0,00680	0,00930	0,00364
You	0,00498	0,00403	0,008
War	0,00408	0,00583	0,01046
Strike	0,00317	0,00930	0,00461
Iraq	0,00272	0,00805	0,00195
Afghanistan	0,00181	0,00181	0,00097

Интересно, что в отличие от данных, полученных для отдельных текстов, результаты анализа относительных значений для групп текстов меняют распределение кодовых единиц в рамках корпуса.

Так, например, противопоставление на уровне местоимения «я» и имени собственного «Асад», как и прежде, четко прослеживается в дискурсе Б. Обамы (0,01405 и 0,01087 соответственно — наибольшие значения для данных словоупотреблений), в то время как местоимение «мы» теперь более характерно для проправительственного военно-публицистического дискурса (0,01769 — наибольший показатель), а не для военно-политического дискурса, при этом стоит отметить, что именно в текстах, поддерживающих военную кампанию (Т1, Т2, Т4), меньше всего затрагивается тема войны (наибольший показатель 0,01046 принадлежит тексту оппозиционного военно-публицистического дискурса).

Можно сделать вывод, что материалы проправительственного характера были призваны подготовить общественное мнение к предстоящему выступлению президента, потому что именно в этих текстах (Т2 и Т4) чаще, чем в других, шла речь о химическом оружии, ударе по Сирии и кампаниях в Ираке и в Афганистане, которые характеризовались как необходимый инструмент распространения демократии и защиты населения ближневосточных стран.

В текстах оппозиционного военно-публицистического дискурса (Т3 и Т5) чаще всего встречается обращение к реципиенту (местоимение «вы/ты») и тема войны, при этом речь идет не о конкретной войне, а о пагубности военных действий в принципе, чем объясняются низкие значения встречаемости таких единиц, как *we*, *Assad*, *chemical weapons*, *Iraq*, *Afghanistan* (наименьшие значения показателей для данных единиц кодирования: 0,00425, 0,00133, 0,00364, 0,00195 и 0,00097 соответственно).

Таким образом, данные, приведенные в таблице 6, показывают, что тексты, призванные поддержать военную кампанию (Т1, Т2, Т4), избегают самого понятия войны, прикрываясь угрозой химического оружия и

необходимостью «точечных ударов». Относительная частота употребляемости для единицы *war* в текстах Т1, Т2+Т4 составляет 0,00408 и 0,00583 соответственно, при этом в текстах оппозиционного характера данная единица встречается с частотой 0,01046, значительно превышающей значения для текстов, поддерживающих военную кампанию в Сирии. Это может быть связано с тем, что тексты оппозиционного характера (Т3, Т5), наоборот, призывают задуматься о последствиях любой войны, независимо от ее масштабов.

Учитывая, что в своем анализе мы неоднократно возвращались к роли местоимений в данных текстах, особый интерес представляет соотношение использования местоимений «мы» и «я» для каждой из группы текстов, что позволит нам определить, для каких из текстов характерно навязывание коллективной ответственности за принимаемые решения, а для каких — выражение личного мнения для убеждения читателей.

Исходя из таблицы 7, мы можем заметить, что, с точки зрения употребления местоимений, военно-политический и проправительственный военно-публицистический дискурс ближе друг к другу, нежели оппозиционный военно-публицистический дискурс. Данное утверждение также находит свое подтверждение в том, что именно в оппозиционном военно-публицистическом дискурсе соотношение местоимений «мы» и «я» решается в пользу второго. Таким образом, во-первых, данные тексты (Т3, Т5) призваны выразить отношение конкретного автора к конкретным историческим событиям, что создает впечатление объективности подачи информации, а во-вторых, не навязывают аудитории коллективную ответственность за принимаемые политические решения. Можно сделать вывод, что военно-публицистический дискурс призывает читателя проникнуться позицией автора, в то время как военно-политический дискурс и проправительственный военно-публицистический дискурс побуждают читателя почувствовать себя соавтором и равноправным участником коммуникации.

Таблица 7

Установление соотношения частоты употребления местоимений *we* и *I* для каждой группы текстов по отдельности

К	Т1	Т2 + Т4	Т3 + Т5
We	33	15	4
I	31	7	8

Заключение

Гибридные форматы дискурса занимают особое место в его типологии. Военно-политический и военно-публицистический гибридные форматы играют важную роль в решении глобальных вопросов международных отношений, таких как проблема войны и мира.

Военно-публицистический дискурс не является однородным по своей структуре и достаточно четко подразделяется на проправительственный и оппозиционный военно-публицистический дискурс, при этом проправительственный военно-публицистический дискурс тяготеет к военно-политическому дискурсу, так как разделяет излагаемые в нем позиции.

Для военно-политического и проправительственного военно-публицистического дискурса характерно активное использование местоимений «we», «I» и «you», которые способствуют раскрытию категории «свой — чужой» в текстах данных форматов дискурса. Кодовая единица «Wag» не характерна для военно-политического и проправительственного военно-публицистического форматов и заменяется на эвфемистическое понятие «Strike» или содержащее угрозу «Chemical Weapons».

Оппозиционный военно-публицистический дискурс, наоборот, акцентирует свое внимание на кодовой единице «Wag», подчеркивая, что война в любом формате остается войной.

Апелляция к одним и тем же событиям, таким как война в Ираке и Афганистане, преследует различные цели в военно-политическом, проправительственном и оппозиционном военно-публицистическом дискурсе: первые два стремятся убедить аудиторию в том, что ужасы прошлого не повторятся, оппозиционный военно-публицистический дискурс настаивает на извлечении уроков из прошлого и недопущении очередной войны.

Результаты данного исследования получены с использованием контент-анализа, основанного на математических подсчетах, что придает объективность авторской интерпретации информации, извлеченной из текстов, и позволяет абстрагироваться от субъективного мнения исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015.

2. Володина М. Н. СМИ как форма «общественного диалога» // *Язык современной публицистики*. — 2005.

3. Герасимов В. И. Политический дискурс-анализ // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования* : сб. науч. тр. — М. : РАН ИНИОН, 2002.

4. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // *Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования* : сб. науч. тр. — М. : РАН ИНИОН, 2002.

5. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // *Коммуникативные исследования*. 2014. No 2.

6. Кучинская Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2011.

7. Олянич А. В. Милитарный (военный) дискурс // *Дискурс-Пи*. 2015. No 2.

8. Солопова О. А. Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2011. No 3 (37).

9. Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // *Филологический класс*. 2018. No 4 (54).

10. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-day // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика*. 2018. No 2.

11. Уланов А. В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // *Язык и культура*. 2014. No 4 (28).

12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта, 2006.

13. American Views on Intervention in Syria [Electronic resource]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/interactive/2013/09/10/world/middleeast/american-views-on-intervention-in-syria.html> (date of access: 30.04.19).

14. Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/boston-globe/> (date of access: 21.04.19).

15. Chilton P. *Analysing political discourse: theory and practice*. — London : Routledge, 2004.

16. Fairclough I., Fairclough N. *Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students*. — London : Routledge, 2012.

17. Fowler R. *Language in the news: Discourse and ideology in the British press*. — London : Routledge, 1991.

18. New York Times [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/new-york-times/> (date of access: 21.04.19).

19. Richardson J. E. *Analysing newspapers. An approach from critical discourse analysis*. — New York : Palgrave Macmillan, 2007.

20. Talbot M. *Media discourse: representation and interaction*. — Edinburgh : Edinburgh University Pr., 2007.

21. The Atlantic Monthly [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Atlantic-Monthly> (date of access: 21.04.19).

22. The Atlantic [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/the-atlantic/> (date of access: 21.04.19).

23. The Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Boston-Globe> (date of access: 21.04.19).

24. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-New-York-Times> (date of access: 21.04.19).


25. Van Dijk T. A. *The mass media today: discourses of domination or diversity?* // *Journ. of the European Institute for Communication and Culture*. 1995. No 2.


26. Wodak R. *Language, power and ideology. Studies in political discourse*. — Amsterdam : Benjamins, 1989.

27. Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis*. — London : SAGE publ., 2001.

K. A. Naumova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1729-395X 

 E-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

Comparative Content Analysis of Military-Political and Military-Media Discourse Formats

ABSTRACT. *The article poses a hypothesis about the independence of hybrid discourse formats and the substantial differences between hybrid discourse formats with a common base (military-political and military-media discourses) in typological discourse classification. The specificity and the typological features of military-political and military-media discourses is investigated using the tools of critical discourse analysis, content analysis, and intent analysis. The author provides a methodology of selection of texts for a text corpus, as well as the criteria of the choice of conceptual variables for content-analysis. The author has calculated the absolute and relative frequency of occurrence of both separate texts and groups of texts within the text corpus for the same set of conceptual variables. The content analysis and the interpretation of the data obtained allowed the author to confirm the hypothesis about the substantial differences between hybrid discourse formats. It has been revealed that the military-media discourse is not homogeneous and can be subdivided into pro-government and oppositional military-media discourse. The military-political and the pro-government military-media discourses are characterized by recurrent usage of the personal pronouns “we”, “I”, and “you” actualizing the opposition of “own – alien”. In the pro-government military-media and the military-political discourse, the conceptual variable “war” is substituted by the euphemistic notion “strike” or threat-containing notion “chemical weapons”, while the oppositional military-media discourse focuses on the variable “war”. Thus, the author argues that the substantial differences between the hybrid discourse formats are determined by the specificity of their aims: war initiation for the pro-government military-media and the military-political discourses, and war prevention for the oppositional military-media discourse.*

KEYWORDS: hybrid formats; military-political discourse; military-media discourse; content analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: Naumova Kseniya Andreevna, Post-graduate Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Naumova, K. A. Comparative Content Analysis of Military-Political and Military-Media Discourse Formats / K. A. Naumova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 96-105. — DOI 10.26170/pl19-03-12.

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-012-00192.

REFERENCES

1. Aleshina E. Yu. Public Political Discourse of a Conflict Situation. — Moscow : Prometheus, 2015. [Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii. — M. : Prometey, 2015]. — (In Rus.)
2. Volodina M. N. Mass Media as a Form of “Public Dialogue” // Language for Contemporary Publicism. — 2005. [SMI kak forma «obshchestvennogo dialoga» // Yazyk sovremennoy publitsistiki. — 2005]. — (In Rus.)
3. Gerasimov V. I. Political Discourse Analysis // Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research: collection of scientific works. — Moscow : RAS INION, 2002. [Politicheskiy diskurs-analiz // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya : sb. nauch. tr. — M. : RAN INION, 2002]. — (In Rus.)
4. Dem'yankov V. Z. Political Discourse as a Subject of Political Science Philology // Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research: collection of scientific works. — Moscow : RAS INION, 2002. [Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya : sb. nauch. tr. — M. : RAN INION, 2002]. — (In Rus.)
5. Issers O. S. Media Fiction: Between Truth and Mystification // Communicative Research. 2014. No 2. [Mediafeyki: mezhdru pravdy i mistifikatsiy // Kommunikativnye issledovaniya. 2014. No 2]. — (In Rus.)
6. Kuchinskaya E. A. Genre and Text Composition in Military Periodicals (Communicative-semantic Modeling) : doctoral thesis ... Dr. Phil. Sciences. — Moscow, 2011. [Zhanr i kompozitsiya teksta v voennoy periodike (kommunikativno-semanticheskoe modelirovanie) : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2011]. — (In Rus.)
7. Olyanich A. V. Military (military) Discourse // Discourse-Pi. 2015. No 2. [Military (voenny) diskurs // Diskurs-Pi. 2015. No 2]. — (In Rus.)
8. Solopova O. A. Investigation of Russia's Future Models in Political Discourse // Political Linguistics. 2011. No 3 (37). [Issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskoy diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2011. No 3 (37)]. — (In Rus.)
9. Solopova O. A., Naumova K. A. Hybrid Discourse Formats: Classification Problems // Philological Class. 2018. No 4 (54). [Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii // Filologicheskij klass. 2018. No 4 (54)]. — (In Rus.)
10. Solopova O. A., Chudinov A. P. Diachronic Analysis of Metaphors in the British Corpus of Texts: Victory Bells and Russia's V-day // Proceedings of Univ. of Friendship of Nations. Ser.: Linguistics. 2018. No 2. [Diakhronicheskiy analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-day // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2018. No 2]. — (In Rus.)
11. Ulanov A. V. Communicative Strategies in Military Discourse // Language and Culture. 2014. No 4 (28). [Kommunikativnye strategii v voennom diskurse // Yazyk i kultura. 2014. No 4 (28)]. — (In Rus.)
12. Chudinov A. P. Political Linguistics. — Moscow : Flinta, 2006. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta, 2006]. — (In Rus.)
13. American Views on Intervention in Syria [Electronic resource]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/interactive/2013/09/10/world/middleeast/american-views-on-intervention-in-syria.html> (date of access: 30.04.19).
14. Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://mediabiasfactcheck.com/boston-globe/> (date of access: 21.04.19).
15. Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. — London : Routledge, 2004.
16. Fairclough I., Fairclough N. Political Discourse Analysis. A Method for Advanced Students. — London : Routledge, 2012.
17. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the British press. — London : Routledge, 1991.
18. New York Times [Electronic resource]. URL: <https://media>

biasfactcheck.com/new-york-times/ (date of access: 21.04.19).

19. Richardson J. E. *Analysing newspapers. An approach from critical discourse analysis*. — New York : Palgrave Macmillan, 2007.

20. Talbot M. *Media discourse: representation and interaction*. — Edinburgh : Edinburgh University Pr., 2007.

21. The Atlantic Monthly [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Atlantic-Monthly> (date of access: 21.04.19).

22. The Atlantic [Electronic resource]. URL: <https://media.biasfactcheck.com/the-atlantic/> (date of access: 21.04.19).

23. The Boston Globe [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Boston-Globe> (date of access: 21.04.19).

24. The New York Times [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-New-York-Times> (date of access: 21.04.19).

25. Van Dijk T. A. *The mass media today: discourses of domination or diversity?* // *Journ. of the European Institute for Communication and Culture*. 1995. No 2.

26. Wodak R. *Language, power and ideology. Studies in political discourse*. — Amsterdam : Benjamins, 1989.

27. Wodak R., Meyer M. *Methods of critical discourse analysis*. — London : SAGE publ., 2001.

В. В. Сидоров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6585-5312

З. Р. Зиннатуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1616-9911

А. Х. Ашрапова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5412-491X

E-mail: viktor.sidorov86@icloud.com; zin-zulya@mail.ru; tatarandlanguages@gmail.com.

Дилеммы языковой политики в современной России (на материале языковой ситуации в Республике Татарстан)

АННОТАЦИЯ. Дилеммы, возникающие в многонациональном государстве при выборе приоритетов языковой политики, всегда относятся к остроактуальным политическим вопросам. Сложность выработки сбалансированной языковой политики заключается в противоречивости интересов различных этнических групп. Зачастую их интересы являются прямо противоположными, а интересы элит идут вразрез с интересами этнических групп, что порождает совокупность трудноразрешимых дилемм. На наш взгляд, комплекс такого рода дилемм мы наблюдаем в современной России. На протяжении всего XX в. политические лидеры и элиты Российской империи, СССР, а затем и Российской Федерации придерживались диаметрально различных подходов к вопросу о языках. В последние годы можно отметить целенаправленное движение российского федерального центра к выработке определенной единой концепции языковой политики с целью формирования общегражданской идентичности. Однако меры, принятые федеральным центром, в частности, переход к добровольному изучению региональных языков в школе, встречают определенное сопротивление со стороны региональных этнонациональных элит, для которых вопрос о языке становится принципиальным. Региональные элиты будут сопротивляться размыванию региональных идентичностей, которое происходит в том числе через механизмы языковой политики. Другим фактором в этом политическом процессе является количественное соотношение имеющих свои интересы национальных групп в регионах России (часто наблюдается следующая картина: этническое большинство и русскоязычное меньшинство). Усиленное изучение русского языка для успешной сдачи ЕГЭ и поступления в более престижный вуз является значимым фактором усиления позиций русского языка в школьном образовании вне зависимости от региона. На наш взгляд, противоречия интересов федерального центра, региональных элит и этнических групп порождают дилеммы языковой политики, которые сегодня требуют достаточно быстрого и компромиссного решения со стороны всех участников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика; языковая ситуация; этносы; этнолингвистика; многонациональное государство; гражданская идентичность; этнонациональные меньшинства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сидоров Виктор Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, 18; e-mail: Viktor.Sidorov86@icloud.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зиннатуллина Зульфия Рафисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, 18; e-mail: zin-zulya@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ашрапова Алсу Халиловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, 18; e-mail: tatarandlanguages@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сидоров, В. В. Дилеммы языковой политики в современной России (на материале языковой ситуации в Республике Татарстан) / В. В. Сидоров, З. Р. Зиннатуллина, А. Х. Ашрапова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 106-111. — DOI 10.26170/pl19-03-13.

БЛАГОДАРНОСТИ. Публикация выполнена в рамках исследования «Языковая политика как инструмент формирования общегражданской идентичности в многонациональном обществе» по гранту РФФИ 19-011-00870.

Любое многонациональное государство на определенном этапе своего существования сталкивается с проблемами языковой политики. Этнорегиональные партии в таких странах, как Великобритания, Испания, Индия апелли-

руют к проблемам этнической идентичности через призму государственной языковой политики [Борисова 2017; Семененко 2018].

Это связано с тем, что довольно сложно найти формы и способы реализации языко-

вой политики, удовлетворяющие всех политических акторов и все общественные группы. Сложное переплетение языков и идентичностей, запросов этнических групп на реализацию своих групповых прав и попыток привести государственные законодательные акты в единообразие, процессов глобализации и устремления национальных государств к защите своего суверенитета через механизмы формирования идентичности — все это так или иначе является фактором усиления языковых противоречий и может привести к конфликтам на разных уровнях [Фарукшин 2017].

Опыт России в этом плане без преувеличения можно считать уникальным. На протяжении XX в. языковая политика в России не развивалась в одном и том же направлении и скорее напоминала маятник. Надо отметить, что в начале XX в. правительство Российской империи осуществляло политику радикальной русификации различных территорий, в частности, Украины, Прибалтики, Сибири и Средней Азии и Кавказа [Миллер 2000], и «национальная политика империи, начиная с 1860-х гг., была направлена на административную систематизацию и унификацию гетерогенного государства, а на поднимающиеся национальные движения отвечала частичным проведением культурной русификации» [Рагимова 2014: 141].

После 1917 г. языковая политика приняла диаметрально противоположный характер. «Ленинская» языковая политика предполагала, что каждый регион получал возможность использовать и развивать язык или языки в соответствии со спецификой этнического состава населения региона. Исследователь В. М. Алпатов утверждает: «Такая политика, конечно, была реакцией на ассимиляторскую царскую политику, вызвавшую протест у многих. Она также вытекала из распространившихся тогда в стране представлений о необходимости строительства на рациональных, научных началах нового общества, учитывавшего интересы простых людей» [Алпатов 2013: 18]. Советская власть в первые десятилетия своего правления создала условия для развития языков этнонациональных меньшинств. Однако ранний советский эксперимент с языковой политикой быстро остановился. Уже в начале 30-х гг. И. Сталин лишь на словах говорил о преемственности «делу Ленина», на практике же на всей территории СССР восстановилось доминирующее положение русского языка. Маятник качнулся в другую сторону во время эпохи «перестройки» и в первые годы после распада СССР. На территории бывших советских республик наблюдался

расцвет идеологии национализма, которая заменила советскую идеологию. Согласно националистическим доктринам, русский язык рассматривался как фактор, мешающий становлению новых государств, а значит нежелательный. Внутри Российской Федерации в национальных республиках были приняты нормы, устанавливающие двуязычие. Русский язык, хоть и оставался государственным, становился конкурентом языкам этнонациональных меньшинств.

С такой проблемой на протяжении долгого времени сталкивается Россия. По мнению некоторых исследователей, в России осознание угрозы исчезновения языков национальных меньшинств и нарастание требований изменения языковой политики привело к обострению ситуации вокруг проблем развития, изучения и использования языков в субъектах Российской Федерации [Марусенко 2017].

Казалось, что первые годы нового тысячелетия позволили немного отойти от этих конфликтных ситуаций. Несмотря на усиление вертикали власти, были созданы фонды и программы поддержки национальных языков (например, государственные программы «Сохранение и развитие государственных языков» в республиках Татарстан, Башкортостан). Однако обострение языковых противоречий в современной России во многом оказалось связано с реформой изучения национальных языков на уровне школьного образования. В июле 2017 г. на заседании Государственного совета РФ Президент В. Путин заявил о недопустимости заставлять людей учить язык, который не является для них родным. Фактически это стало началом кампании за отмену обязательного изучения региональных российских языков в субъектах Российской Федерации. Новый виток развития языковой политики в корне не устроил региональные этнические элиты, интеллигенцию и местных активистов национальных движений [Панов 2018; Цумарова 2018].

На наш взгляд, в основе несовпадения оценок современных языковых проблем лежат глубокие противоречия между интересами российского федерального центра и национальных субъектов. Фундаментальную проблему, несомненно, представляют объективные сложности и непроработанность механизмов формирования гражданской нации в России. Проблема соотношения гражданской и этнической идентичностей является актуальной для России сегодня.

Распад Советского Союза и неудача в формировании «новой исторической общности — советского народа», объединенного идеологическими установками, привели к расцвету идеологии национализма на пост-

советском пространстве. Получив независимость, новые государства стали активно формировать политические общности, основываясь на этнонациональной идентичности и используя язык как ее основной маркер. В новых государствах отрицалось двуязычие, а русский язык, оказавшийся языком национальных меньшинств новых постсоветских государств, стал вытесняться из официальных сфер обращения [Laitin 1998].

В самой России языковая ситуация носила принципиально иной характер. Во-первых, не было задачи развития «своего» языка — очевидно, что русский язык понимало и использовало (или могло использовать) во всех сферах жизни подавляющее большинство населения России. Во-вторых, слабость федерального центра в 90-е гг. XX в. привела к тому, что региональные языки, получив поддержку местных элит, стали развиваться гораздо быстрее, чем во времена послевоенного Советского Союза. В-третьих, вытеснение русского языка внутри некоторых регионов России в 90-е гг. ярко демонстрирует неэффективность попыток формирования гражданской нации российским федеральным центром.

Усиление федерального центра и проведение политики централизации власти в начале 2000-х гг. не могли не повлиять на изменение языковой политики в России. Федеральный центр довольно резко изменил свою политику в национальных республиках, внедряя новые или изменяя уже существующие нормативные акты (например, Конституцию Республики Татарстан). В скором времени предметом беспокойства центральной власти стал объем преподавания русского языка в школах, так как региональные языки были включены в учебные планы за счет сокращения часов по русскому языку и литературе. Это вызывало определенный уровень недовольства и у родителей, так как Единый государственный экзамен (ЕГЭ) стало возможно сдавать только на русском языке, высшее образование было полностью русифицировано. Также был принят закон, согласно которому кириллица стала единственной возможной для использования на территории России системой письма для региональных языков. В 2017 г. федеральный центр принял решение о переводе изучения региональных языков в школах на добровольную основу. Вопрос об изучении родных языков вызвал значительный отклик среди населения национальных республик, особенно Республики Татарстан. Как отмечает А. Г. Большаков, «массовость объясняется тем, что в кампаниях „за“ и „против“ были задействованы практически все родите-

ли, у которых есть дети школьного возраста. А если добавить к числу родителей прочих родственников учащихся (бабушек, дедушек и др.), а также школьные администрации и учителей, то получается значительная часть населения Татарстана с „активной позицией“» [Большаков 2018: 81]. И здесь можно провести параллель с XX веком, так как реформа школьного языкового образования 2017 г. частично повторяет реформу 1958 г., проведенную в Советском Союзе. Тогда в союзных республиках родители получили право выбора между национальной и русской школой для обучения своих детей. По подсчетам исследователей, эта мера снизила количество обучающихся на языках союзных республик: родители выбирали язык, который в тех условиях обеспечивал лучшее будущее детям [Алпатов 2000: 106].

Поскольку лучшие вузы страны осуществляли свои образовательные программы на русском языке, то это было (и остается в настоящее время) значимым стимулом изучать русский язык школьниками национальных республик. Однако для смягчения сложившейся ситуации в 2018 г. федеральный центр принял решение о создании «Фонда сохранения и изучения родных языков народов России» (Указ от 26 октября 2018 г.).

Таким образом, языковая политика в современной России содержит в себе совокупность дилемм. Первая дилемма заключается в противоречиях между идеей единой идентичности федерального центра и местных этнонациональных элит. Если центр стремится сформировать гражданскую российскую национальную идентичность [Дробжижева 2018], то задачей региональных элит является сохранение местной этнорегиональной идентичности, так как этническая группа является ресурсом власти для местной элиты: «Этнократия и этнический национализм стали источником силы региональных элит, их аргументом в торге с федеральными властями и способом защиты от „чужих“ на своей „делянке“» [Силаев 2001: 67]. Противоположностью ассимиляции, которая ускоряется не только из-за действий федерального центра, но и вследствие глобализации, превращается в вопрос сохранения власти. В связи с этим местные элиты задействуют все имеющиеся у них ресурсы для сохранения этнонациональной региональной идентичности. Самым очевидным и действенным инструментом в данной ситуации является политика сохранения и развития национальных языков.

Вторая дилемма, на наш взгляд, заключается в противоречиях между интересами региональных этнических элит и русскоязычного меньшинства в национальных рес-

публиках России, которое не стремится стать двуязычным и выступает против обязательного изучения регионального языка [Дробижева, Рыжова 2016]. Русскоязычные сегменты обществ национальных республик выступают за добровольность изучения региональных языков, и в этом контексте реформа 2017 г. полностью соответствует их интересам. Однако дав возможность гражданам, которые не хотят стать билингвами, отказаться от изучения регионального языка, региональная элита открывает возможность для отказа от изучения и для своей титульной этнической группы.

Это порождает третью дилемму языковой политики в России — доминирующее положение русского языка является стимулом для массового обывателя из региональных этнических групп отказаться от изучения регионального языка в пользу изучения русского. Особенно данное утверждение справедливо для крупных индустриальных городских центров, где нет необходимости знать региональный язык для комфортного повседневного общения. При этом массовый обыватель (включая и этнических русских, и представителей титульных этнонаций республик) пассивен — он не будет массово выходить на акции протеста ни за обязательное изучение регионального языка, ни за его добровольное изучение. Об этом свидетельствует реакция, а точнее минимальная реакция, на принятие федерального закона об изучении родных языков в 2018 г. По мнению А. Г. Большакова, «это означает, что ситуация продолжает развиваться, возврата к обязательному изучению татарского языка не будет, а количество людей, выступающих за изучение языка в полном объеме всеми жителями республики, независимо от их национальности, минимально» [Большаков 2018: 84]. Поскольку вопрос об изучении языков во многом касается школьного образования, то важным стимулом для школьников и их родителей являются правила сдачи ЕГЭ. Поскольку ЕГЭ по русскому языку является обязательным при поступлении в ведущие вузы России, то стимулы для изучения русского возрастают — это повышает шансы на высокие баллы и поступление на бюджетную форму обучения. «Не лучше ли потратить силы на дополнительное изучение русского языка для успешной сдачи ЕГЭ и не тратить время и силы на изучение регионального языка, имеющего ограниченный круг использования?» — именно так выглядит иерархия стимулов жителей крупных городов национальных республик России.

Таким образом, сложившаяся на начало 2019 г. языковая ситуация в Российской Фе-

дерации находится в неустойчивом равновесии. Решение предложенных нами дилемм требует существенного пересмотра существующей языковой политики в России. На наш взгляд, сложность заключается в том, что Россия как государство характеризуется пространственной неоднородностью, соответственно невозможно выработать унифицированную программу по языковой политике. Поэтому, по нашему мнению, предстоит сложная работа по выработке концепции, которая учитывала бы интересы всех сторон — федерального центра, местных элит и различных этнических групп. Стоит подчеркнуть, что интересы элит и интересы граждан не всегда совпадают, агрегация и артикуляция интересов — это сложный процесс, требующий особых институтов и отлаженных алгоритмов осуществления. Создание публичных механизмов решения языковых дилемм и противоречий является важнейшей задачей и серьезным вызовом для российской этнополитики в краткосрочной перспективе.

Анализ дилемм показывает, что противоречивость языковой политики может быть снята с помощью изменения стимулов. При условии устранения влияния изучения региональных языков на подготовку к ЕГЭ возможно, что и русскоязычные семьи не станут выступать против изучения региональных языков. Повышение престижа региональных языков также является важной задачей для властей субъектов Федерации. Со стороны федерального центра смягчение языковой политики могло бы повысить его авторитет среди региональных элит и активистов. Если Россия сможет совместить политику формирования общенациональной идентичности с существованием билингвальных региональных сообществ — это станет заметным достижением этнополитической практики и разрешит описанные выше дилеммы. Такая задача может стать хорошим ориентиром для этнонациональной политики России на ближайшую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М. : Крафт+ : ИВ РАН, 2000. 224 с.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С. 11—22.
3. Большаков А. Г. Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики. 2018. № 1 (1). С. 78—85.
4. Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межкультурных отношениях. — М. : РОССПЭН, 2017. 188 с.
5. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100—115.

6. Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — СПб.: Алетей, 2000. 267 с.

7. Марусенко М. А. Актуальные проблемы языковой политики РФ: смена парадигмы // Текст культуры и культура текста : материалы 4-го Междунар. пед. форума (Сочи, 16—17 окт. 2017 г.). — СПб., 2017. С. 617—622.

8. Панов П. В. Языки меньшинств в школьном образовании в России: масштабы и факторы вариативности // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология. 2018. № 3. С. 120—137.

9. Рагимова П. Ф. Особенности национальной политики Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Среднерусский вестн. общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 134—141.

10. Российская, республиканская, этническая идентичность в Татарстане // Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте : моногр. / под ред. Л. М. Дробжиной, С. В. Рыжовой ; Ин-т социологии РАН. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. С. 33—41.

11. Семенов И. С. Национализм, сепаратизм, демократия. Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. 2018. № 5. С. 70—87.

12. Силаев Н. Город на холме. Проблема межэтнических отношений неразрешима в рамках национальной политики // Эксперт. 2001. № 7. С. 67.


13. Указ «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58914> (дата обращения: 11.04.2019).

14. Фарушкин М. Х. Статус официальных языков этнических общностей в полиэтнических государствах // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 77—87.


15. Цумарова Е. Ю. Татарстан начинает и...? Языковой вопрос в политике идентичности национальных республик в России // Вестн. Перм. ун-та. Политология. 2018. № 3. С. 103—119.

16. Laitin D. Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. — Ithaca : Cornell Univ. Pr., 1998. 417 p.


V. V. Sidorov


Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6585-5312 

Z. R. Zinnatullina

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1616-9911 

A. Kh. Ashrapova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5412-491X 

 **E-mail:** viktor.sidorov86@icloud.com; zin-zulya@mail.ru; tatarandlanguages@gmail.com.

Language Policy Dilemmas in Modern Russia (on the basis of the linguistic situation in the Republic of Tatarstan)

ABSTRACT. *Political dilemmas arising in a multi-ethnic state in the priorities of language policy context are always acute political issues. The difficulty of balancing the language policy is at the heart of the conflict of interests of different ethnic groups. Frequently, their interests are directly opposed, and the interests of the elites run counter to the interests of the ethnic groups, which creates a set of intractable dilemmas. The authors believe that we face a set of such dilemmas in modern Russia. Throughout the 20th century, the political leaders and elites of the Russian Empire, the USSR, and then the Russian Federation followed diametrically different approaches to the issue of languages. Recent years have witnessed purposeful activity of the Russian Federal center to develop a certain unified concept of language policy to form a common civil identity. However, the measures taken by the Federal center – in particular, the transition to the optional study of regional languages at school – meet with certain resistance from the regional ethnic and national elites for whom they become matters of principle. Regional elites would resist erosion of regional identities, which occurs also through the mechanisms of language policy. Another factor in this political process is associated with the ratio of ethnic groups with certain interests in different regions of Russia (we can often observe the following situation: ethnic majority and Russian minority). Regardless of the region, the enhanced study of the Russian language for successful completion of the unified state exam and admission to a more prestigious university is a significant factor in favor of strengthening the position of the Russian language in school education. The authors keep to the view that the contradictions between the interests of the Federal center, regional elites and ethnic groups give rise to language policy dilemmas which need a fairly quick and compromise solution on the part of all participants.*

KEYWORDS: *language policy; linguistic situation; ethnoses; ethnolinguistics; multinational state; civil identity; ethno-national minorities.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sidorov Viktor Vladimirovich, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Politology, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zinnatullina Zul'fiya Rafisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ashrapova Alsu Khalilovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Linguistic and Intercultural Communication, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.*

FOR CITATION: *Sidorov, V. V. Language Policy Dilemmas in Modern Russia (on the basis of the linguistic situation in the Republic of Tatarstan) / V. V. Sidorov, Z. R. Zinnatullina, A. Kh. Ashrapova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 106-111. — DOI 10.26170/pl19-03-13.*

ACKNOWLEDGMENTS: *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 19-011-00870 “Language Policy as a Tool for the Formation of Common Civil Identity in a Multi-Ethnic Society”.*

REFERENCES

1. Alpatov V. M. 150 Languages and Politics. 1917—2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Area. — Moscow : Kraft +; IW RAS, 2000. 224 p. [150 yazykov i politika. 1917—2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetetskogo prostranstva. — M. : Kraft+ : IV RAN, 2000. 224 s.]. — (In Rus.)
2. Alpatov V. M. Language Policy in the Modern World: “Monolingual” and “Bilingual” Practices and the Problem of Language Assimilation // *Comparative Politics*. 2013. № 2 (12). P. 11—22. [Yazykovaya politika v sovremennom mire: «odnoyazychnaya» i «dvuyazychnaya» praktiki i problema yazykovoy assimilyatsii // *Sravnitel'naya politika*. 2013. № 2 (12). S. 11—22]. — (In Rus.)
3. Bol'shakov A. G. The Language Problem in Tatarstan: Tension without Conflict // *Ethnopolitical Issues*. 2018. No. 1 (1). P. 78—85. [Yazykovaya problema v Tatarstane: napryazhennost' bez konflikta // *Voprosy etnopolitiki*. 2018. № 1 (1). S. 78—85]. — (In Rus.)
4. Borisova N. V. When Languages are on Fire: Challenging Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations. — Moscow : ROSSPEN, 2017. 188 p. [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyakh. — M. : ROSSPEN, 2017. 188 s.]. — (In Rus.)
5. Drobizheva L. M. Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness // *Polis. Political studies*. 2018. No. 5. P. 100—115. [Rossiyskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018. № 5. S. 100—115]. — (In Rus.)
6. Miller A. I. “The Ukrainian Question” in the Policy of the Authorities and the Russian Public Opinion (Second Half of the 19th Century). — Saint Petersburg : Aletheia, 2000. 267 p. [«Ukrainskiy vopros» v politike vlastey i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.). — SPb. : Aleteyya, 2000. 267 s.]. — (In Rus.)
7. Marusenko M. A. Actual Problems of the Language Policy of the Russian Federation: Paradigm Shift // *Text Culture and Text Culture: materials of the 4th Intern. ped. Forum (Sochi, October 16—17, 2017)*. — Saint Petersburg, 2017. P. 617—622. [Aktual'nye problemy yazykovoy politiki RF: smena paradigmy // *Tekst kul'tury i kul'tura teksta : materialy 4-go Mezhdunar. ped. foruma (Sochi, 16—17 okt. 2017 g.)*. — SPb., 2017. S. 617—622]. — (In Rus.)
8. Panov P. V. Minority Languages in School Education in Russia: Scales and Variability Factors // *Proceedings of Perm Univ. Ser.: Political Science*. 2018. No. 3. P. 120—137. [Yazyki men'shinstv v shkol'nom obrazovanii v Rossii: masshtaby i faktory variativnosti // *Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Politologiya*. 2018. № 3. S. 120—137]. — (In Rus.)
9. Ragimova P. F. Features of the National Policy of the Russian Empire in the Late XIX — Early XX Century // *Central Russian Herald of Social Sciences*. 2014. № 5 (35). P. 134—141. [Osobennosti natsional'noy politiki Rossiyskoy imperii v kontse XIX — nachale XX v. // *Srednerusskiy vestn. obshchestvennykh nauk*. 2014. № 5 (35). S. 134—141]. — (In Rus.)
10. Russian, Republican, Ethnic Identity in Tatarstan // *Positive Inter-ethnic Relations and the Prevention of Intolerance: the Experience of Tatarstan in the All-Russian context : monogr. / ed. L. M. Drobizheva, S. V. Ryzhova ; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. — Moscow ; Saint Petersburg : Nestor History, 2016. P. 33—41. [Rossiyskaya, respublikanskaya, etnicheskaya identichnost' v Tatarstane // *Pozitivnye mezhnatsional'nye otnosheniya i preduprezhdenie neterpimosti: opyt Tatarstana v obshcherossiyskom kontekste : monogr. / pod red. L. M. Drobizhevoy, S. V. Ryzhovoy ; In-t sotsiologii RAN. — M. ; SPb. : Nestor-Istoriya, 2016. S. 33—41*]. — (In Rus.)*
11. Semenenko I. S. Nationalism, Separatism, Democracy. Metamorphosis of National Identity in the “Old” Europe // *Polis*. 2018. No. 5. P. 70—87. [Natsionalizm, separatizm, demokratiya. Metamorfozy natsional'noy identichnosti v «staroy» Evrope // *Polis*. 2018. № 5. S. 70—87]. — (In Rus.)
12. Silaev N. City on the Hill. The Problem of Interethnic Relations is Insoluble in the Framework of National Policy // *Expert*. 2001. No. 7. P. 67. [Gorod na kholme. Problema mezhetnicheskikh otnosheniy nerazreshima v ramkakh natsional'noy politiki // *Ekspert*. 2001. № 7. S. 67]. — (In Rus.)
13. Decree “On the Establishment of the Fund for the Preservation and Study of the Native Languages of the Peoples of the Russian Federation” [Electronic resource]. [Ukaz «O sozdanii Fonda sokhraneniya i izucheniya rodnnykh yazykov narodov Rossiyskoy Federatsii»]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58914> (date of access: 11.04.2019).
14. Farukshin M. Kh. The Status of the Official Languages of Ethnic Communities in Multi-ethnic States // *Sociological Studies*. 2017. No. 7. P. 77—87. [Status ofitsial'nykh yazykov etnicheskikh obshchnostey v politnicheskikh gosudarstvakh // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. № 7. S. 77—87]. — (In Rus.)
15. Tsumarova E. Yu. Tatarstan Begins and ..? The Language Issue in the Politics of Identity of National Republics in Russia // *Proceedings of Perm Univ. Political Science*. 2018. No. 3. P. 103—119. [Tatarstan nachinaet i..? Yazykovoy vopros v politike identichnosti natsional'nykh respublik v Rossii // *Vestn. Perm. un-ta. Politologiya*. 2018. № 3. S. 103—119]. — (In Rus.)
16. Laitin D. *Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad*. — Ithaca : Cornell Univ. Pr., 1998. 417 p.

С. Ю. Спирчагов

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

ORCID ID: — E-mail: svyatoslavs@mail.ru.

Метонимия в англоязычном банковском дискурсе

АННОТАЦИЯ. Современная теория метонимии подчеркивает ее когнитивную природу, отмечая ее ключевую роль в качестве инструмента появления неологизмов. В статье характеризуются статус и значение метонимических выражений в банковской терминологии английского языка. Для выявления особенностей использования данного тропа был проведен масштабный анализ корпуса банковского дискурса (1 888 728 слов). Применение когнитивного подхода позволило выявить метонимические структуры, характеризующие банковский дискурс. Подтверждена возможность использования созданного корпуса терминосистемы для выделения метонимов. Данное исследование доказывает, что банковский дискурс часто использует метонимы. Мы обнаружили подтверждение нашего предположения, что метонимы в качестве подлежащего используются чаще. Таким образом, метоним и его синтаксическая позиция в банковском дискурсе взаимосвязаны. Также краткость, ради которой используется метонимия, может привести к неоднозначности. Следовательно, метонимия размывает, камуфлирует ответственность сотрудников банковского сектора. За счет сращивания (наименования страны, правительства, института банковского сектора, лица, принимающего окончательное решение) образуется обозначение единого агента действия в процессе, которое не является ни метонимией, ни метафорой в чистом виде. Данная статья характеризует современное состояние исследований метонимии в когнитивной лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: банковская терминология; метонимия; банковский дискурс; экономические понятия; английский язык; когнитивная лингвистика; банки; банковская система.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Спирчагов Святослав Юрьевич, аспирант, кафедра англистики и межкультурной коммуникации, институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, корп. 1; e-mail: svyatoslavs@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Спирчагов, С. Ю. Метонимия в англоязычном банковском дискурсе / С. Ю. Спирчагов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 112-119. — DOI 10.26170/pl19-03-14.

1. Введение

Исследование банковских терминов-метонимов как в собственно лингвистическом, так и в когнитивном аспекте является актуальной задачей терминологии. Роль метонимии в банковском дискурсе высока. Объект нашего исследования — терминологическая лексика банкинга, а предмет — термины-метонимы. Материалом исследования послужили термины толкового словаря *Dictionary of Banking Terms* общим объемом 2852 единицы (все определения приводятся по данному словарю, если не указано иное) — эквивалент на русском языке взят из Большого англо-русского словаря по экономике и менеджменту под общей редакцией руководителя Высшей школы менеджмента СПбГУ М. А. Сторчевого. За теоретическую основу были взяты исследования следующих ученых: W. Croft, D. Geeraerts, M. Johnson, M. Knowles, Z. Kövecses, G. Lakoff, R. Moon, Klaus-Uwe Panther, D. Speelman, L. Thornburg, B. Warren, W. Zhang.

2. Метонимия в банковской терминосистеме

В лингвистике предлагается несколько определений метонимии, некоторые ученые

полагают, что тропы метафоры и метонимии представляют собой варианты одного явления. Мы лишь частично разделяем эту точку зрения и рассматриваем метонимию в качестве самостоятельного процесса. Мы согласны с мнением У. Крофта: «...metonymy involves the use of an expression E with a default construal A to evoke a distinct construal B, where the connection between B and A is inferable by general principles (i.e. is not a private prearranged code between individuals). In novel uses, there is normally an intuitive violation of conventional constraints. This characterization covers metaphor as well as metonymy. Metonymy is distinguished by the fact that (i) A and B are associated in some domain or domain matrix, 1 (ii) any correspondences (in the Lakoffian sense) between A and B are coincidental and not relevant to the message and (iii) there is no blending between A and B.» [Croft 2010: 216].

Нам кажется необходимо привести мнение К. Пантер и Л. Торнбург, которые полагают, что «in contrast to (most cases of) metaphor, conceptual metonymy is characterized by exactly one link between source and target. The semiotic relation between metonymic source and target is indexical, i.e., the source meaning functions as a thought vehicle that more or less automatically evokes the target meaning. We

regard the metonymic target meaning as a conceptual elaboration of the source meaning, in which the latter remains an integral part of the target meaning, but becomes backgrounded as a result of the metonymic operation. The relation between source and target meaning in both metaphor and metonymy is contingent. By contingent' we mean that this relation is not logically or conceptually necessary; rather it is shaped by experiential, perceptual, and motor interactions of humans with their environment, and their culture-specific beliefs and practices» [Panther, Klaus-Uwe, Thornburg 2009: 16].

Д. Лакофф и М. Джонсон указывали на присущую метонимии концептуальность: «...metonymic concepts structure not just our language but our thoughts, attitudes, and actions» [Lakoff, Johnson 2003: 39].

Для классификации метонимов в нашем исследовании мы воспользовались понятиями *vehicle entity* и *target entity*, которые определяются З. Кёвечешем следующим образом: «...the vehicle entity is the word or phrase which is being used metonymically, while the target entity is the intended meaning or referent» [Kövecses 2002: 146], — а также выделенными в вышеуказанной работе Д. Лакоффа и М. Джонсона типами метонимии.

За основание выделения метонимии (и отделения тропа метафоры) мы берем, с одной стороны, тест «быть как» (“be like”

test), предлагаемый З. Кёвечешем и другими, который полагает, что «if one thing can be said to 'be like' another, then it is a metaphor. If it would be nonsensical to say this, then it is a metonym» [Kövecses 2002: 146]. Однако, с другой стороны, также очевидно, что наиболее логичным способом разделения этих явлений является зевгма: «metaphor does not allow zeugma, but metonymy does» [Warren 2002: 117—118]. Таким образом, мы можем категоризировать концептуальные термины-метонимы банковского дела, выделив типы согласно работе Д. Лакоффа и М. Джонсона. К. Пантер и Л. Торнбург полагают, что: «one of the central properties of metonymy is the contingency of the relation between the metonymic source and its target, i.e., this relation is conceptually not necessary. One of the obvious corollaries of this claim is that the targeted meaning is often (though not always) defeasible or cancelable. Another, less immediately obvious corollary is that lexicalized metonymy can in principle almost always be dispensed with in language: the intended or targeted meaning can always be expressed by some alternative means and not necessarily by means of a metonymic vehicle» [Panther, Klaus-Uwe, Thornburg 2007: 262].

Однако классификация Лакоффа — Джонсона может быть нами дополнена (см. табл.).

Таблица. Метонимы банковской сферы

Средство передачи информации (Vehicle entity)	Назначение (Target entity)	Концептуальный метоним (Conceptual metonym)
Keefe Bank Index	capitalization-weighted money center and regional banks compiled by Keefe, Keefe, Bruyette & Woods, a New York City investment banking firm specializing in bank stocks. Full name: KBW Bank Sector Index.	Producer for product
Keogh Plan	salary deferral plan for business owners are similar to other types of retirement savings plans.	Producer for product
Group of Ten	the major world economic powers working within the framework of the IMF: Belgium, Canada, France, Germany, Italy, Japan, Netherlands, Sweden, the United Kingdom and the United States. There are in fact now eleven members, since Switzerland has joined the original ten. It is also called the 'Paris Club', since its first meeting was in Paris. Abbreviation G10.	Institution for people responsible (organization-for-members) (organization-for-faculty) (organization-for-product) (organization-for-index) (organization-for-event)
Group of Five	a central group of major industrial nations (France, Germany, Japan, the UK and the US), now expanded to form the G7.	
Société Générale	As 2007 rolled into 2008, more tales of foreign banks and financial institutions suffering multibillion — dollar losses because of their investments in subprime CDOs “made in America” began to pile up. In France, Société Générale took a \$3 billion loss [Muolo, Padilla 2007: 304]	

Средство передачи информации (Vehicle entity)	Назначение (Target entity)	Концептуальный метоним (Conceptual metonymy)
Hambrecht & Quist Technology Index	an American index based on the prices of 275 technology stocks.	Institution for people responsible (organization-for-members) (organization-for-faculty) (organization-for-product) (organization-for-index) (organization-for-event)
HSBC, Citibank, the Bank of East Asia	There appears to be some decisive developments on this front. By March 2002, HSBC, Citibank, and the Bank of East Asia received permission to offer foreign-currency services to citizens in Shanghai [Sáez 2004: 31].	
The Maastricht Treaty	The primary objective of the ESCB is price stability. However, the Maastricht Treaty does not provide a specific definition of this objective [Haan, Eijffinger, Waller 2005: 31].	
Bear Stearns	Morrice sketched a plan he had concocted with Einhorn and Bear Stearns [Muolo, Padilla 2007: 176].	
Dutch auction	an auction where the auctioneer offers an item for sale at a high price and then gradually reduces the price until someone makes a bid. The Federal Reserve and the Office of the Comptroller of the Currency (OCC), which also regulated banks, had no jurisdiction whatsoever over Arnall's companies. Long ago the future ambassador to the Netherlands had sent a message to Washington by burning his S & L charter and placing its ashes in an urn sitting on a credenza behind his desk. The closest Washington had come to issuing any type of policy statement on how residential loans should be originated was the "Guidance on Non — Traditional Mortgages" working paper that came out in the fall of 2006 — long after Ameriquest, Household Finance, Associates First Capital Corporation, and dozens of other subprime lenders found themselves in trouble, accused of taking advantage of homeowners by charging them hidden fees, higher rates, and more points than they realized, and having them take out larger loan amounts than they needed [Muolo, Padilla 2007: 290].	The place for the institution
Chinese stock markets	Moreover, until the dissolution of the two asset classes, the long-term prospect for B shares is weak because the Chinese government is likely to sell state-owned shares in order to finance social welfare programs. By selling these assets, Chinese stock markets are likely to be glutted with new share issues [Sáez 2004: 65].	The place for the event (place for people) (capital for government) (place for product)
the Bank of England, JMB	After this crisis, it became clear that the existing system of regulation had to be overhauled and that such a task could not be solely left to the Bank of England . Particularly dangerous to the position of Chancellor Lawson was a false statement he made at the House of Commons, since the central bank only informed him about an additional deposit of £ 100 million pounds made by the Bank of England in order to provide JMB with operating capital after the fact [Busch 2009: 147].	
Bretton Woods	Yet the collapse of the international post-war settlement based on the Bretton Woods system brought this era of tranquility to an end when it came to banking in America [Busch 2009: 43]. Over the next two months the story went something like this: Countrywide's stock would slide a bit, rise, then slide some more. Wall Street firm after firm would announce that they were writing down by billions of dollars the value of subprime CDOs they held on their balance sheets. The numbers were getting huge: Citigroup (\$11 billion with potential exposure on CDOs and structured investment vehicles 6 of \$45 billion); United Bank of Switzerland (UBS, a major warehouse lender to subprime nonbanks and an investor in CDOs, \$10 billion in write — downs); Merrill Lynch (\$8.4 billion); Bear Stearns (\$1.2 billion).	

Окончание таблицы

Средство передачи информации (Vehicle entity)	Назначение (Target entity)	Концептуальный метоним (Conceptual metonymy)
Bretton Woods	HSBC, the London bank that had bought subprime giant Household Finance earlier in the decade, was taking a \$3.4 billion loss on subprime loans it held [Muolo, Padilla 2007: 260].	The place for the event (place for people) (capital for government) (place for product)
the Bank of England, the Federal Reserve, the Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC), the Comptroller of the Currency	In January 1987, after three months of discussion, the Bank of England and the U.S. federal banking regulatory authorities (the Federal Reserve, the Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC), and the Comptroller of the Currency) announced that they had reached agreement on proposals for a common measure of capital adequacy for banks [Smith, Walter 2003: 342].	
The Bank of Canada, Reserve Bank of Australia, the BoJ, the PBOC (People's Bank of China)	The Bank of Canada meets about every six weeks; the Bank of England, ECB, and Reserve Bank of Australia meet monthly ; and the BoJ, about every three weeks , while the PBOC meets quarterly . But all can hold emergency meetings should the situation arise. Virtually all the central banks held emergency meetings in the aftermath of the terrorist attacks on September 11, 2001, for example [Picker 2007: 4].	

Критерием отделения метонимов и метафор служит различие выполняемых ими функций: «...naming or identifying something by mentioning something else which is a component part or closely or symbolically linked. In contrast, metaphor is about understanding and interpretation: it is a means to understand or explain one phenomenon by describing it in terms of another» [Knowles, Moon 2006: 41—42]. Однако большинство словарей зачастую не включает в словарь имена собственные. Как мы и предполагали, в результате анализа частотности словника *The Dictionary of Banking Terms* такие ключевые метонимические термины, как обозначения *The Federal Reserve System*, употребляются 54 раза, *The Office of the Comptroller of the Currency* — 36 раз, *Freddie Mac* — 20 раз (*Federal Home Loan Mortgage* — 22), *Fannie Mae* — 18 раз (*Federal National Mortgage Association* — 17), *The American Bankers Association* — 9 раз, *The International Bank for Reconstruction and Development* — 5 раз. По этой причине большинство примеров метонимии взято нами в контексте из массива текстов, так как участники дискурса должны иметь знания *a priori* о том, что стоит за метонимией, которые можно сравнить с пониманием анафоры между участниками дискурса.

Очевидно, что активность метонимии достаточно высока, так как она служит, кроме номинативных целей, также средством создания экспрессивно-оценочных единиц, пополняющих состав терминологической лексики банковского дела.

Goldman Sachs and Lehman Brothers were forced to settle with regulators and plain-

tiffs in the United Kingdom over their roles in Robert Maxwell's looting of his public company's pension fund in 1994. Baring Brothers failed in Singapore in 1995, and several of its top managers were accused of covering up what they knew [Smith, Walter 2003: 399].

Метонимы выступают как социальные агенты.

Метонимия распространена в банковском дискурсе и служит методом сокрытия лиц, принимающих решения в сфере банкинга, направленные на установление контроля над экономиками целых стран.

On the left, it's popular to blame deregulation for the crisis — specifically, the 1999 repeal **of the Glass-Steagall Act**, which allowed commercial banks to get into the investment banking business and thereby take on more risks [Krugman 2009: 163].

Например, в вышеприведенном отрывке *the Glass-Steagall Act* означает Закон о создании Федеральной корпорации по страхованию депозитов (*Federal Deposit Insurance Corporation*) от 16 июня 1933 г. По этому закону депозитные и инвестиционные функции банков были разделены, чем ставился барьер спекулятивным операциям. Гарантировалось страхование банковских депозитов в сумме до 5000 долларов. Расширялся состав Федеральной резервной системы (*Federal Reserve System*) за счет включения новых групп банков. Отмена данного закона привела к экономическому кризису.

"Securitization" of home mortgages — assembling large pools of mortgages, then selling investors shares in the payments received from borrowers — isn't a new practice. In fact, it was

pioneered by **Fannie Mae**, the government-sponsored lending agency, which dates back to the 1930s. Until the great housing bubble, however, securitization was more or less completely limited to “prime” mortgages: loans to borrowers who could make a substantial down payment and had enough income to meet the mortgage payments. Such borrowers still defaulted now and then, in the wake of job loss or medical emergency, but default rates were low, and buyers of mortgage-backed securities more or less knew what they were buying [Krugman 2009: 149].

Термин *securitization* имеет следующее значение: секьюритизация (превращение неликвидных активов, таких как ипотеки и другие кредиты, в ликвидные ценные бумаги; осуществляется путем группировки неликвидных активов со схожими параметрами и выпуска ценных бумаг, обеспеченных этим пулом активов; осуществляется владельцем этих активов с целью получения дополнительных средств или устранения неликвидных активов со своего баланса). Термин *Fannie Mae* имеет следующее значение: *federally chartered corporation that purchases qualifying mortgages from lenders and sells securities backed by mortgage loans to investors. Fannie Mae, the largest source of home mortgage funding in the United States, purchases mortgages and mortgage-backed securities from financial institutions and guarantees timely payment of principal and interest to buyers of Fannie Mae — issued mortgage securities.*

Наименование **the White House** и банка **BNP Paribas** служат для сокрытия ответственных лиц.

On July 19, 2007, the Dow Jones Industrial Average rose (above 14,000 for the first time. Two weeks later the White House released a “fact sheet” boasting about the economy’s performance on the Bush administration’s watch: “The President’s Pro-Growth Policies Are Helping Keep Our Economy Strong, Flexible, and Dynamic,” it declared. What about the problems already visible in the housing market and in subprime mortgages? They were “largely contained,” said Treasury Secretary Henry Paulson in an August 1 speech in Beijing. On August 9 the French bank BNP Paribas suspended withdrawals from three of its funds — and the first great financial crisis of the twenty-first century had begun [Krugman 2009: 165].

Далее:

He (George Soros) found his opportunity in Britain that summer. In 1990 Britain had joined the European Monetary System’s Exchange Rate Mechanism (ERM), a system of fixed exchange rates that was intended as a way station en route to a unified European currency.

Like the unhappy continents in our globo parable, however, Britain found that it did not like the monetary policy it was forced to follow. At the time Europe did not have a European Central Bank; while there was a legal fiction of symmetry among nations, in practice everyone matched the monetary policy of Germany’s Bundesbank. And Germany was, literally, in a different place from the rest of Europe: having just reunified, it was compelled to spend large sums on the attempted reconstruction of East Germany. Fearing that this expenditure would be inflationary, the Bundesbank maintained high interest rates to prevent its own economy from overheating. Meanwhile Britain, which probably entered the ERM at too high an exchange rate, was in a deep recession, and its government was facing growing popular dissatisfaction. Officials strenuously denied that they would consider dropping out of the ERM; but there was a nagging doubt about whether they really meant it [Krugman 2009: 122—123].

Мнение таких исследователей, как У. Чжан, Д. Герартс и Д. Спилман, о том, что «in bilateral or multilateral international affairs, people tend to use juxtaposed metonymies: that is, more than one metonymy used in one sentence» [Zhang, Geeraerts, Speelman 2018: 128], представляется нам верным.

Однако метонимия может чередоваться в абзаце с метафорой для выделения наиболее важных пунктов:

In fact, like the Fed, these other central banks can impact financial markets worldwide. Investors everywhere watch the BoJ for assurances that deflation has ended in Japan. Investors in Europe hope that the ECB will not increase rates by too much and cut off its nascent recovery. And Canadian investors watch Bank of Canada policy as they weigh the relative merit of Canadian versus U.S. investment pay-offs. Bank of England watchers are wondering if interest rates can accommodate the inflationary pressures of crude oil prices and tight labor markets while at the same time, not squashing (метафора) consumer demand [Picker 2007: 4].

Итак, мы можем сказать, что основной функцией метонимии является выделение важного элемента или ситуации (и одновременно сокрытие ответственных людей и враждебных организаций банковского сектора), а другая функция соотносится с принципом когнитивной экономики. Метонимия позволяет контролируемое действие преподнести как неподконтрольное человеку через неупоминание руководителей ведомств, банков, корпораций и т. д. Метонимическое выражение проще неметонимического, а компактное языковое выражение эффе́ктив-

но и естественно при трансформации образа. Метонимия, таким образом, приводит к полисемии, так как получатель информации не может найти ответственного за грабительские действия банковских структур, как, например, в следующем отрывке. Интересным является тот факт, что если метоним занимает позицию подлежащего, то сам троп речи (метонимия) используется с большей частотой:

*During this period **Northern Rock and the Tripartite authorities** had essentially been pursuing a threefold strategy to **extricate Northern Rock** from its difficulties. The three options pursued were:*

1. **Northern Rock resolves** its liquidity problems through its own actions in short-term money markets and by securitising its debt.

2. **Northern Rock obtains** the “safe haven” of a takeover by a major retail bank.

3. **Northern Rock receives** a support facility from **the Bank of England guaranteed by the government**.

There was considerable overlap between consideration of the three options [Walters 2008: 55].

Хотелось бы пояснить некоторые термины: *Northern Rock — a British bank that was nationalized in February 2008. In September 2007 the bank had to ask the Bank of England for emergency funds because of problems in the credit markets connected with the crisis in the US subprime mortgage market. The Tripartite Authorities — HM Treasury (Her/His Majesty's Treasury), the FSA (The **Financial Services Authority** — the regulator of the financial services industry in the UK) and the Bank of England. (the) Bank of England — the central bank of the United Kingdom, in London. It is the official source of all paper money in Britain, it advises the government on financial matters, and it acts as banker to the government and to other banks. It was privately owned until 1946, when it came under government control. Since 1997 it has been responsible for deciding on the minimum lending rate [Oxford Advanced Learner's Dictionary].*

Мы обнаружили подтверждение нашего предположения, что метонимы в качестве подлежащего используются чаще. Таким образом, с позиции ономазиологии метоним и его синтаксическая позиция в банковском дискурсе взаимосвязаны.

Краткость, ради которой используется метонимия, может (намеренно) вызвать и двусмысленность. Метонимия размывает, камуфлирует ответственность и подотчетность высокопоставленных сотрудников банков, правительства за кризисы банковской системы, неверные решения в сфере ее управления, некомпетентность.

Если термин-метоним малоизвестен потенциальному реципиенту, то первый не употребляется вне банковского дискурса.

Очевидно, что анализ терминосистемы банкинга позволяет подтвердить выдвинутое Д. Герартсом предположение, что «metonymy in contrast to metaphor by invoking the number of conceptual domains involved in the conceptualization process: metaphors involve two conceptual domains, metonymies only one» [Geeraerts 2010: 215].

В банковском деле присутствуют и термины, которые колеблются между метонимией и метафорой. Например, слово *high* в таких выражениях, как *high tower* или *high tide*, является буквальным с точки зрения когнитивистики, а вот такой термин, как *high price*, может ассоциироваться с восходящей линией на графике при изображении банковских операций, изменении обменного курса. Графическое представление цены принадлежит к тому же концептуальному полю, что и сама цена. Метонимически мы можем воспринять это как «вещь вместо ее представления» (*thing for its representation*). Некоторые могут ассоциировать высокую цену с количеством денег. Мы можем ассоциировать высокую цену с количеством денег. В данном случае понятия «высота» цены и «количество» денег относятся к одной и той же понятийной области, и этот случай можно отнести к метонимическому варианту «up for more», но можно и соотносить указанные понятия с разными понятийными областями и трактовать метафорически: «more is up». Однако мы не можем легко соотнести понятия оценочности и вертикальности как принадлежащие к одной области и рассматриваем ситуацию чисто метафорически («good is up»).

*The whole industry does about \$50 billion daily. Swap trading definitely became a mainstream instrument. With billions in investments, swaps became bigger and more important to most financiers than the bond markets that created them. But OTC swaps came with a major hazard and at a **high price**: The parties have to know whether the counter-party who has agreed to your contract has the money to cover the loss in the event of a default [Choi, Papaioannou 2009: 23].*

*The phrase “conspicuous consumption” was coined by the economist Thorstein Veblen to describe markets where demand rose rather than declined with price. Veblen's theory was that in these markets it was the **high price**, the publically **high price**, of the object that generated the demand for it. Veblen argued that the wealthy used the purchase of high-priced goods to signal their economic status. Veblen was the original economist of bling — if you've got it you want to flaunt it [Cooper 2008: 7].*

In Veblen's case it is simply **high prices** that generate high demand, but in asset markets it is the rate of change of prices that stimulates shifting demand [Cooper 2008: 8].

Keynes had also been part of negotiating the Bretton Woods currency framework, and had recommended that all individual country currencies be pegged against a new global currency — the *bancor*. This new currency would then be managed by what would have been in effect a global central bank. Having seen the **high price** of ignoring Keynes's advice after WWI, the political establishment decided to also ignore his advice after WWII. Needless to say Keynes, as was his habit, was right once more as the Bretton Woods system did not prove durable [Cooper 2008: 65].

Even at the time many observers thought that there was something manic and irrational about the financial boom—that traditional companies in slowly growing industries should not be valued like growth stocks, with price-earnings ratios of 60 or more. But as is so often the case in manic markets, the skeptics were without the resources, or the courage, to back their lack of conviction; conventional wisdom found all sorts of justifications for the **sky-high prices** [Krugman 2009: 61].

Очевидно, мы имеем дело с неким континуумом буквальности — метонимии-метафоры. Также, по результатам нашего анализа, такие выражения, как *soaring prices*, *sky-rocketing prices* и *exploding prices*, воспринимаются более метафорически, чем *high prices* или *rising prices*.

He defined it as "**soaring prices** for stocks, real estate, and other assets, low inflation, declining unemployment, increasing productivity, a strong dollar, low tariffs, the willingness to serve as global crisis manager, and most of all, a huge projected federal budget surplus" [Greenspan 2007: 161].

That statement did not turn out to be my most prescient. But then, the stock market wasn't my main concern that day. I had a different agenda. I was determined to start people thinking about the big picture of technological change. In studying what was going on in the economy, I'd become persuaded that we were on the verge of a historic shift; **the soaring stock prices** were just a sign of it [Greenspan 2007: 166].

Consider: had prices not risen owing to the anticipatory buying by investors, oil consumption would have increased at a faster pace, bringing forward the time when demand would smack into the supply ceiling. At that point, world consumers would rapidly run through their inventories, and **prices would rocket sharply higher**, with severe consequences for

world economic stability. Instead, in response to higher prices induced by investor demand, producers have increased production measurably, and some consumption has been discouraged [Greenspan 2007: 442].

Метафора *high (high price — sky-high — soaring stock prices — prices would rocket sharply higher)* может быть описана как «изменение цен подобно устремляющимся вверх объектами».

Приведем примеры терминов банковского дела, которые можно рассматривать как метафо-метонимы (метафтонимы): *New York interest* — нью-йоркский процент (процент, рассчитанный на основе фактического числа дней в месяце, а не на основе стандартного 30-дневного месяца), *Boston interest* — бостонский процент (процент, рассчитываемый на основе стандартного 30-дневного месяца, т. е. независимо от фактического числа дней в месяце). Семантический сдвиг происходит от пространственного к временному полю.

3. Заключение

Суммируя вышесказанное, можно утверждать, что метонимический перенос значения является малопродуктивным для терминологии банковского дела (по результатам анализа словаря *Dictionary of Banking Terms*), так как лишь 0,44 % терминов были образованы данным способом. Однако в массиве текстов частотность метонимов высока, что объясняется экономией языковых средств. Следовательно, метонимия размывает, камуфлирует ответственность сотрудников банковского сектора. Такое сращивание (наименования страны, правительства, института банковского сектора, лица, принимающего окончательное решение) образует обозначение единого агента действия в процессе, не являющееся ни метонимией, ни метафорой в чистом виде. Метонимия представляет собой распространенный способ расширения значений банковских терминов, при этом не делающий их малопонятными: термин используется для обозначения «соседа» старого значения. Оба понятия сосуществуют в понятийной близости.

Нами установлено, что метафоризация проявляется изначально в банковских терминах, в то время как метонимизация в основном на уровне текста.

С этим соотносится отмеченная Д. Лаккоффом особенность: «...like metaphoric concepts, metonymic concepts are grounded in our experience. In fact, the grounding of metonymic concepts is in general more obvious than is the case with metaphoric concepts, since it usually involves direct physical or causal associations» [Lakoff, Johnson 2003: 39].

Также очевидно, что некоторые термины невозможно отнести ни к метафоре, ни к метонимии, так как расширение значений выходит за привычные рамки этих понятий. Для рассмотрения подобных случаев требуется двойной анализ.

ЛИТЕРАТУРА. REFERENCES

1. Busch Andreas. Banking Regulation and Globalization. — Oxford Univ. Pr. Inc., 2009.
2. Choi J. Jay, Papaioannou Michael G. Credit, Currency, or Derivatives: Instruments of Global Financial Stability or Crisis? — Emerald Group Publ. Limited, 2009.
3. Cooper George. The Origin of Financial Crises. Central Banks, Credit Bubbles and the Efficient Market Fallacy. — Harriman House Ltd, 2008.
4. Croft William, Alan Cruse D. Cognitive Linguistics. — Cambridge Univ. Pr., 2010.
5. Geeraerts Dirk. Theories of lexical semantics. — New York : Oxford Univ. Pr. Inc., 2010.
6. Greenspan Alan. The Age of Turbulence: Adventures in A New World. — The Penguin Press, 2007.
7. Haan Jakob de, Eijffinger Sylvester C. W., Waller Sandra. The European Central Bank: credibility, transparency, and centralization. — Massachusetts Institute of Technology, 2005.
8. Knowles Murray, Moon Rosamund. Introducing Metaphor. — Routledge, 2006.
9. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2002.
10. Krugman Paul. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. — New York ; London : W. W. Norton & Company, 2009.

S. Yu. Spirchagov

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID ID: —

E-mail: GrinevSV@mgpu.ru; svyatoslavs@mail.ru.

11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 2003.

12. Muolo Paul, Padilla Mathew. Chain of Blame. How Wall Street Caused the Mortgage and Credit Crisis. — John Wiley & Sons, Inc., 2007.

13. Oxford Advanced Learner's Dictionary. 9th ed.

14. Panther Klaus-Uwe, Thornburg Linda L. Metonymy // Handbook of Cognitive Linguistics / D. Geeraerts & H. Cuyckens, (ed.) ; Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2007. P. 236—263.

15. Panther Klaus-Uwe, Thornburg Linda L. Introduction. On figuration in grammar // Metonymy and Metaphor in Grammar / Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg, Antonio Barcelona (eds). — The Netherlands : John Benjamins Publishing Co., 2009. 441 p.

16. Picker Anne Dolganos. International Economic Indicators and Central Banks. — John Wiley & Sons, Inc., 2007.

17. Sáez Lawrence. Banking Reform in India and China. — Palgrave Macmillan, 2004.

18. Smith Roy C., Walter Ingo. Global Banking. — Oxford Univ. Pr., Inc., 2003.

19. Walters Brian. The Fall of Northern Rock. An Insider's Story of Britain's Biggest Banking Disaster. — Harriman House Ltd, 2008.

20. Warren B. An Alternative Account of the Interpretation of Referential Metonymy and Metaphor // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / R. Dirven, R. Pörrings (eds.). — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2002.

21. Zhang W., Geeraerts D., Speelman D. (Non)metonymic Expressions for GOVERNMENT in Chinese: A Mixed-Effects Logistic Regression Analysis // Mixed-Effects Regression Models in Linguistics / D. Speelman, K. Heylen, D. Geeraerts (ed.). — Springer International Publ. AG, 2018.

Metonymy in English Banking Discourse

ABSTRACT. *The contemporary theory of metonymy stresses its cognitive nature highlighting its crucial role as an instrument of lexical innovation. This paper focuses on the status and significance of metonymic expressions in the English banking terminology. A large-scale corpus analysis of the English banking discourse (1,888,728 words) has been conducted to determine the peculiar features of the usage of this trope. Application of the cognitive approach made it possible to identify metonymic constructions characterizing banking discourse. The study has confirmed the possibility to use the self-built domain corpus for metonymy identification. The paper proves that banking discourse is highly metonymic. It has been found that metonyms are more often used in the position of the subject of the sentence. Thus, the metonym and its syntactic position are interconnected in the English banking discourse. Yet the brevity, for the sake of which metonymy is used, may cause ambiguity. Hence, metonymy can blur or disguise the responsibility of the banking agents. Due to the fusion (of a country, government, banking institution, final decision-taker) the resulting unit of nomination denotes a single agent of a process and is neither pure metonymy nor pure metaphor. The present article characterizes the current state of research of metonymy in cognitive linguistics.*

KEYWORDS: *banking terminology; metonymy; banking discourse; economic notions; English language; cognitive linguistics; banks; banking system.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Spirchagov Svyatoslav Yur'evich, Post-graduate Student, Department of English Studies and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Spirchagov, S. Yu. Metonymy in English Banking Discourse / S. Yu. Spirchagov // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 112-119. — DOI 10.26170/pl19-03-14.*


РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'38:81'23
ББК Ш105.55+Ш100.6
DOI 10.26170/pl19-03-15


ГСНТИ 16.21.29; 16.31.61


Код ВАК 10.02.19

А. Н. Гришанина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5782-8584 

М. Ю. Гришанина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6282-8079 

 **E-mail:** a.grishanina@spbu.ru; mashagrishanina@mail.ru.

Вопросы психолого-лингвистического исследования мотивов экстремистского речевого поведения молодежи в социальных сетях

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются вопросы мотивации и причины экстремистского поведения пользователей социальных сетей; основная тема — общение людей молодежного возраста в социальных сетях и их предпочтения в выборе средств коммуникации. В материале говорится о важности изучения данной проблемы и дифференциальном подходе к ней, так как на формирование речевых конструкций высказываний, создание невербальных сообщений, контекст и содержание влияют особенности молодежного возраста. В связи с этим обозначены основные важные социально-психологические характеристики молодежного возраста и проблемы его границ. Методология определяется предметом и направленностью исследования. Прежде всего изучалась личность в координатах медиа, поэтому исследование проводилось в рамках социально-психологических методов и приемов, а также медиаисследований (*mediaresearch*). Сделан первичный тренировочный мониторинг социальных сетей в рамках экспертной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета, выявлены те страницы и ссылки, на которых чаще всего встречаются агрессивно-деструктивные тексты, речевые угрозы и информация экстремистской направленности. Применен сравнительный анализ текстов, метод наблюдения, интент-анализ, использованы данные исследований из открытых источников оперативных служб по выявлению экстремизма. Основным методом при исследовании последствий воздействия на личность стал интент-анализ, использовались элементы контент-анализа медиатекстов (текст, изображение, видео, креолизованные тексты). Авторы статьи на стыке лингвистики и психологии делают попытку на основе собственных исследований предложить стратегический план работы по выявлению экстремизма и обозначить основные современные стратегии антиэкстремизма. Исследования показали: особая роль в профилактике экстремизма отводится медиаресурсам, в первую очередь СМИ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстремизм; социальные сети; речевое поведение; психолингвистика; психолингвистические исследования; медиадискурс; агрессивное поведение; молодежь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гришанина Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; e-mail: a.grishanina@spbu.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гришанина Мария Юрьевна, выпускник, бакалавр, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, набережная Макарова, д. 6; e-mail: mashagrishanina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гришанина, А. Н. Вопросы психолого-лингвистического исследования мотивов экстремистского речевого поведения молодежи в социальных сетях / А. Н. Гришанина, М. Ю. Гришанина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 120-125. — DOI 10.26170/pl19-03-15.

Экстремистское поведение пользователей социальных сетей, как показывает практика, сегодня необходимо рассматривать и анализировать более дифференцированно, об этом говорят и последние законодательные и нормативные документы Президента и Правительства Российской Федерации.

Исследования материалов, данные Центра экспертиз СПбГУ, а также Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, мониторинг авторов статьи показывают, что среди создателей сетевых текстов

довольно большой процент составляют молодые люди. На это указывают прямые и косвенные признаки идентификации автора и его речевых намерений: имена пользователей, объявления возраста в контексте переписки (диалогов), характеристики и самохарактеристики реципиентов, тематика реплик, молодежный сленг и др.

Авторы используют возможности современных технологий с целью самовыражения, забывая о других не менее важных функциях «цифрового общения». По мнению А. Курпатова, технологии создаются для того, что-

© Гришанина А. Н., Гришанина М. Ю., 2019

бы изменить мир, сделать нашу жизнь лучше, комфортнее, содержательнее [Курпатов 2015: 13—14]. При этом социальные сети отслеживают каждый шаг человека. Однако не все так очевидно...

Сложность («умность») интеллектуального объекта — той мысли, «которую мы с вами думаем, — это как раз и есть его структурная или, нейропсихологически говоря, иерархическая организация. Конечно, компьютерные программы структурной иерархии не чужды, но все-таки они больше напоминают линейную „машину Тьюринга“» — берут количеством операций, а не их многомерной сложностью. Впрочем, ученые, как говорится, над этой проблемой работают. Автор отмечает, что «пока искусственный разум пытается экспоненциально расти, обучаясь созданию сложных интеллектуальных объектов, человеческие мозги пошли в строго противоположном направлении. У нас развивается своего рода „лайковое мышление“: нравится — лайкаем, не нравится — идем дальше» [Курпатов 2015: 20—21; Курпатов 2015].

Для создания медиаобраза знаковой исторической эпохи используются традиционные и новаторские методы работы. Традиционность связана прежде всего с поиском информации. А вот на уровне предъявления факта и выбора средств их интерпретации, комментирования, оценки осваиваются новаторские приемы и методы.

Психологи утверждают, что в новых технологиях так же важна глубина человеческих отношений, как и в традиционных, устоявшихся видах общения. Глубокие отношения — это схема общения по типу «я знаю личную ситуацию человека и его отношения с другими людьми».

Интернет как часть культурной среды того или иного сообщества и глобального общества в целом — это то пространство, где человек может забыть о своих личных проблемах, при этом вспомнить о чужих и прокомментировать их, поделиться мыслями с незнакомыми людьми. Существует понятие социально-культурной деятельности, которая «основывается на системе принципов: массовое и доступное творчество, социальная значимость, содержательность и репродуктивность, равноправие и сотрудничество, мультиконтактность, оценивание и критичность» [Гришанина М. Ю. 2018: 106—108].

Социально-психологические установки в обществе формируются во многом благодаря СМИ: зависят от профессионализма либо непрофессионализма журналистов, их умения видеть и объяснять структурные причины социальных процессов, способности

обобщать увиденное с максимально объективной точки зрения. На материалы, размещенные в СМИ и на страницах социальных сетей СМИ, пользователи пишут свои отклики. В Сети появляются комментарии к произведениям журналистов, причем часто отсутствуют видимые взаимосвязи между такими откликами и исходным текстом. Отсутствие либо игнорирование таких связей-цепочек в сетевой переписке, как показали исследования, часто ведет к появлению первичных признаков речевой агрессивности, затем к навешиванию ярлыков, в дальнейшем к употреблению речевых клише, демонстрирующих речевые стереотипы с отрицательной коннотацией, обобщения относительно какой-либо группы людей, и в конечном счете это может привести к возникновению речевых признаков экстремизма. Косвенные признаки экстремального поведения проявляются на всех указанных этапах. Человек критикует действительность ради процесса критики, а не поиска рационального решения устранения проблемы. Такая позиция чаще всего встречается у молодого поколения в силу максимализма взглядов. Психологи утверждают, что критичность мышления — позитивный признак развития человека, становления его гражданской позиции, «взросления» (то есть вхождения в иную возрастную категорию) [Леонтьев 1934: 188—190; Леонтьев А. Н., Кринчик 1964: 295—325; Пряжников 1996: 34—40].

Исследования специалистов, экстраполированные на процессы развития современного человека, позволяют сделать вывод о том, что иногда молодые люди становятся «экстремистами поневоле».

Конечно, в данном случае речь не идет о явных формах речевого экстремистского проявления с четкой позицией автора по тому или иному вопросу.

Молодого человека формирует и культура восприятия, и культура потребления информации. Юноша или девушка, которые постоянно пользуются информацией из Интернета, постепенно принимают правила этой игры, даже если они не согласны с ними. «Возникает первичная степень зависимости от поставляемой информации и формы ее подачи, когда, например, становится „неприличным“ не отвечать оскорблением на оскорбление, не произносить обценных слов, не говорить негативно окрашенными ярлыками, и самое важное и тревожное — не проявлять агрессивное состояние. Как снежный ком, в диалогах накатывается волна агрессивности» [Экстремизм 2018: 321—322].

Молодежной аудитории свойственно в силу возраста большее проявление про-

тестных настроений, чем в зрелые годы, что имеет очевидные объяснения: человек в возрасте 16—28 лет ищет себя и свою нишу в жизни. Это время получения образования, приобретения профессиональной квалификации, этап согласования своих желаний, возможностей, ориентаций с условиями и требованиями, предъявляемыми обществом. Они, в частности, выражаются в наборе профессий, специальностей и должностей, которые не всегда достаточно хорошо известны выпускнику школы, абитуриенту, студенту. Таким образом, в психологическое содержание молодежного возраста входит развитие самосознания, решение задач профессионального самоопределения, вступление во взрослую жизнь [Гришанина А. Н. 2015: 97].

В этом возрасте происходит расширение индивидуальных контактов и привязанностей, выработка ценностных ориентаций, формирование устойчивого мировоззрения как совокупности жизненных ценностей, человек активно и сознательно проявляет гражданские качества личности.

При этом происходит становление самосознания, и этот процесс обуславливается внутренними противоречиями личности. Потребность в социальном признании сталкивается с ограниченными возможностями ее реализации. Среди ярко выраженных потребностей личности в этот период выделяются:

- потребность в социальном признании;
- потребность в самостоятельности;
- потребность в осмыслении своего места в мире, в самоидентификации и недостаточная или противоречивая информация о себе;
- потребность в понимании и чувство одиночества, отчужденности.

У человека появляется возможность новых форм деятельности, предусматривающих большую самостоятельность, свободу выбора. Кроме того, в студенческом возрасте происходит расширение социального окружения, сферы контактов, а соответственно, и круга значимых «других» [Гуриева, Яничева и др. 2017: 436—444].

Экстремистские проявления в речи пользователей социальных сетей данного возраста выявить сложно, так как информация, представленная на сетевых страницах, часто оказывается оценочной, в координатах «хороший — плохой». Напомним, что референтное значение понятия «информация» трактуется следующим образом: «...это совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям» [Как провести лингвистическую экспертизу

2006: 48].

Опыт наблюдений и социально-психологических и лингвистических исследований показывает, что, как правило, авторы подобных текстов — люди с активной жизненной позицией, имеющие образование и знания в той области, которую обсуждают, однако часто непонятые в своей среде или же ищущие новых контактов, подтверждения своим мыслям. Иногда процесс «взрослой» социализации проходит у пользователя за счет эпатажного поведения в Сети (ирония, сарказм, сексизм, вербальная агрессия).

Такого рода тексты часто содержат конфликтогенные элементы, и это является «основной причиной, по которой тот или иной материал попадает в сферу внимания правоохранительных органов и затем становится объектом исследования» [Кузнецов, Оленников 2014: 266—267].

Как показал сравнительный анализ текстов и интен-анализ медиаматериалов в диалоговой переписке, молодой человек подчиняется всем правилам игры и одновременно бунтует против них в многочисленных высказываниях, так как, с одной стороны, следует символической логике социального и социальному образцу, с другой — оказывает сопротивление новой социализации, проходящей с помощью интернет-приемов. Каждая личность наделена образом «Я», который представляет собой определенную совокупность «учрежденного символическим знанием о нем самом, некие зеркальные отражения и понятие субъективности» [Вульфович, Гимельштейн 2009: 70].

Интенции авторов проявляются часто за счет размещения ими изображений-картинок. Эти изображения (фотографии, рисунки, коллажи, лубочные картинки и др.) «гуляют» по страницам различных пользователей, за счет репостов то там, то здесь всплывают в Сети вновь, и каждый автор вкладывает в размещенное изображение свой смысл. В таком случае делающему репост кажется, что он очень точно подметил ситуацию. Многие фрагменты вербальных и невербальных материалов содержат элементы экстремистских проявлений: направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, оправдывают или обосновывают их; призывают или подстрекают к осуществлению, иницируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику.

При этом наибольшую сложность представляет психолого-лингвистический анализ

рисунков и фотографий, которые размещают в социальных сетях, так как часто их невозможно рассматривать как некий целостный текст, имеющий содержательно-смысловую направленность. Для молодого человека, судя по надписи либо имени пользователя, либо по информации о себе и по контексту, такой невербальный текст может служить поводом для вхождения в группу диалога.

Видеоинформация, размещаемая на страницах социальных сетей, вызывает иногда больший интерес у пользователей, чем традиционная текстовая. Об этом говорит изучение реакции в группах общения, проявляемой в виде комментариев.

Анализ содержания комментариев к видео выявил те интенции (намерения), которые демонстрировали пользователи, когда осуществляли различными способами обратную связь на просмотры. Их можно свести к следующим:

- видео как повод — желание выйти на контакт, ожидание реакции других пользователей Сети (вопросительная форма высказывания, в том числе риторические вопросы, обращения, разные виды троллинга), провоцирование;

- желание самоидентификации (высказывания о себе, оценка, эмоциональная оценка, демонстрация собственных ценностей («Я бы так не сделал/сделал»), отождествление себя с конкретной группой людей);

- проявление деструктивного поведения (обесценивание личности оппонента путем употребления слов с осуждающей семантикой, временами сниженная лексика, в том числе обценная, тактика упреков и обвинений, сарказм по отношению к собеседнику — навешивание ярлыков);

- невербальная демонстрация своего мнения за счет смайликов и иных знаков, отсутствие комментариев.

В материалах часто отсутствует предикативная структура высказывания, характеризующая динамичность развития ситуации, смысловые связи и отношения, логичность и последовательность речевых или образительных действий.

В рисунках, как правило, предметный план вербального либо невербального высказывания (изображения, схемы, инфографика) характеризуется полнотой, адекватностью и точностью отражения действительности и может быть представлен в виде обобщенной денотативной структуры (схемы) высказывания.

В символическом ключе (если авторы вкладывают определенный смысл, идею в свои произведения) предметно-денотативный уровень текста в значительной мере

связан с характером его воплощения в смысловом содержании. Смысловое содержание может быть рассмотрено с разных точек зрения: категорий смысловой информации, выделения смысловых связей, построения предикативной структуры текста [Лотман 2000: 98—103].

Любое изображение на смысловом уровне представляет собой конкретную информацию, оформленную последовательностью смысловых категорий, реализованных в различных вербальных и невербальных формах (слово как знак, форма рисунка, набор геометрических фигур, цвет, световое решение, расположение знаков в пространстве). С помощью смысловых категорий происходит идентификация предметов и явлений, сходных по признаку сущности данной категории, и установление их отношений между собой и с человеком. Смысловые категории являются как бы структурными инструментами мысли, реализованными в языковых формах и обеспечивающими кодировку информации, которую один индивид сообщает другому. Существуют общие закономерности интерпретации рисунков. В рисуночных знаках существует два рода показателей, которые являются объектом внимания психолингвиста и подлежат интерпретации: 1) что нарисовано — содержательные признаки рисунка, 2) то, как нарисовано, — структурные и формальные признаки рисунка [Денисенко, Чеботарева 2008; Литвинова]. Однако в большинстве случаев размещения **смысловое значение надписей, рисунков и предметов одежды не соотносится с социальным контекстом (кому принадлежат, когда сделаны, какую роль выполняют в жизни человека). В таких ситуациях ответы о наличии признаков экстремизма отрицательные.**

Интеннт-анализ таких материалов показал: с помощью указанных приемов человек пытается анонимно заявить о себе, продемонстрировать свою силу или хотя бы отсутствие слабости, применить вербальную угрозу в связи с социальной депривацией. Кибернетизация общества последних десятилетий привела к развитию такого явления в социальных сетях, как отчуждение, «опредмечивание» человека [Фромм 1979: 24—28]. Деструктивная личность пытается навязать собственные иллюзии другим, по социальным сетям годами «гуляют» одни и те же изображения и фразы, приписываемые различным известным людям, они выстраиваются в речевое сообщение по типу анекдотов с тем различием, что вместо ироничного смеха за словом может стоять риск исполнения угрозы.

Реплики по своему характеру и составу

слов показывают намерения авторов, особенности их личности (активная позиция автора и читателя по поводу появления информации, а также желание быстро вербально отреагировать на нее); конкретную коммуникативно-речевую тактику, общую речевую культуру собеседников, а также степень официальности/неофициальности обстановки (разговорные слова, слова высокого стиля).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульфвич Р. М., Гимельштейн Я. Г. Управляемый город: прошлое, настоящее, будущее. — СПб., 2009.
2. Гришанина А. Н. Психология и педагогика высшей школы. — СПб., 2015.
3. Гришанина М. Ю. Культурная медиасреда: неограниченный потенциал и ограниченные возможности людей [Электронный ресурс] // СМИ в современном мире. Молодые исследователи. — СПб., 2018. С. 106—108. URL: http://jif.spbu.ru/upload/files/file_1521129959_2247.pdf (дата обращения: 13.04.2019).
4. Денисенко В. Н., Чеботарева Е. Ю. Современные психолингвистические методы анализа текста. — М., 2008.
5. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста / под ред. М. В. Горбаневского. — М., 2006.
6. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследо-

вания по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство. — СПб., 2014.


7. Курпатов А. Информационная псевдомобильность [Электронный ресурс] // СНОБ. 2015. № 10. URL: <https://snob.ru/selected/entry/99993> (дата обращения: 23.04.2019).
8. Курпатов А. Информационная псевдомобильность. — М., 2015.
9. Леонтьев А. Н. Л. С. Выготский // Советская психоневрология. 1934. № 6. С. 188—190.
10. Леонтьев А. Н., Криччик Е. П. Переработка информации человеком в ситуации выбора // Инженерная психология. — М., 1964. С. 295—325.
11. Литвинова А. И. Общие закономерности интерпретации рисунка [Электронный ресурс]. URL: <http://psylab.flybb.ru/topic622.html> (дата обращения: 17.04.2019).
12. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2000.
13. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. — М.; Воронеж, 1996.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М., 1979.
15. Экстремизм в современном мире / под ред. А. И. Бастрыкина и др. — СПб., 2018.
16. Gurieva S. D., Tararukhina O. V., Chiker V. A., Yanicheva T. G. Features of Professional Interpersonal Relationships: An Example of Organizational Cultures in Russia and the United States // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Ep-SBS. 2017. 12 May. Vol. 35. No 51. P. 436—444.

A. N. Grishanina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5782-8584 

M. Yu. Grishanina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6282-8079 

 *E-mail:* a.grishanina@spbu.ru; mashagrishanina@mail.ru.

Questions of Psycholinguistic Study of the Motives of Extremist Speech Behavior of Young People on Social Networks

ABSTRACT. *The article analyzes the issues of motivation of extremist behavior of users of social networks; the main theme is the communication of young people on social networks and their preferences in the choice of means of communication. The article talks about the importance of studying and differential approach to the issue, as the formation of speech structures of utterances, the creation of non-verbal messages, context and content are influenced by the characteristics of youth. In this regard, the main important socio-psychological characteristics of the young age and the problems of its boundaries are identified. The methodology is determined by the subject and the focus of the study. First of all, the personality was studied in the media coordinates, so the research was carried out within the framework of socio-psychological methods and techniques, as well as media research. The authors have undertaken primary training monitoring of social networks within the framework of expert activity of St. Petersburg state University and have revealed those pages and links on which aggressive-destructive texts, speech threats and information of extremist orientation are most often found. The study uses the comparative analysis of texts, the method of "observation" and intent analysis, and the data from some open sources of operational services on detection of extremism. Intent analysis has become the main method in the study of the effects on the individual, and elements of content analysis of media texts (text, image, video, creolized texts) have also been involved. On the basis of their own research, the authors of the article have made an attempt to work out a strategic plan of work to identify extremism and outline the main modern strategies of anti-extremism at the intersection of linguistics and psychology. Studies have shown that a special role in the prevention of extremism is given to media resources, and specifically to mass media.*

KEYWORDS: *extremism; social networks; speech behavior; psycholinguistics; psycholinguistic studies; media discourse, aggressive behavior; young people.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Grishanina Anastasiya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Theory of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Grishanina Mariya Yur'evna, Graduate of Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Grishanina, A. N. Questions of Psycholinguistic Study of the Motives of Extremist Speech Behavior of Young People on Social Networks / A. N. Grishanina, M. Yu. Grishanina // Political Linguistics. — 2019. — No 3*

(75). — P. 120-125. — DOI 10.26170/pl19-03-15.

REFERENCES

1. Vul'fovich R. M., Gimmel'shteyn Ya. G. *Managed City: Past, Present, Future.* — St. Petersburg, 2009. [Upravlyаемый город: прошлое, настоящее, будущее. — СПб., 2009]. — (In Rus.)
2. Grishanina A. N. *Psychology and Pedagogy of Higher Education.* — St. Petersburg, 2015. [Psikhologiya i pedagogika vyshey shkoly. — SPb., 2015]. — (In Rus.)
3. Grishanina M. Yu. *Cultural Media Environment: Unlimited Potential and Limited Opportunities of People* [Electronic resource] // *Mass Media in the Modern World. Young Researchers.* — St. Petersburg, 2018. P. 106—108. [Kul'turnaya mediatsreda: neogranichennyy potentsial i ogranichennyye vozmozhnosti lyudey [Elektronnyy resurs] // SMI v sovremennom mire. Molodye issledovateli. — SPb., 2018. S. 106—108]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1521129959_2247.pdf (date of access: 13.04.2019). — (In Rus.)
4. Denisenko V. N., Chebotareva E. Yu. *Modern Psycholinguistic Methods of Text Analysis.* — Moscow, 2008. [Sovremennyye psikholingvisticheskiye metody analiza teksta. — M., 2008]. — (In Rus.)
5. *How to Conduct a Linguistic Examination of the Controversial Text* / ed. M. V. Gorbanevskij. — Moscow, 2006. [Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta / pod red. M. V. Gorbanevskogo. — M., 2006]. — (In Rus.)
6. Kuznetsov S. A., Olenikov S. M. *Expert Studies on the Cases of Declaring Informational Materials Extremist: Theoretical Foundations and Methodological Guidance.* — Saint Petersburg, 2014. [Ekspertnye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskiye osnovaniya i metodicheskoe rukovodstvo. — SPb., 2014]. — (In Rus.)
7. Kurpatov A. *Information Pseudo-mobile* [Electronic resource] // SNOB. 2015. № 10. [Informatsionnaya psevdomobil'nost' // SNOB. 2015. № 10]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/99993> (date of access: 23.04.2019). — (In Rus.)
8. Kurpatov A. *Information Pseudo-mobile.* — Moscow, 2015. [Informatsionnaya psevdomobil'nost'. — M., 2015]. — (In Rus.)
9. Leont'ev A. N. L.S. *Vygotsky // Soviet Psychoneurology.* 1934. № 6. P. 188—190. [L. S. Vygotskiy // Sovetskaya psikhonevrologiya. 1934. № 6. S. 188—190]. — (In Rus.)
10. Leont'ev A. N., Krinchik E. P. *Processing of Information by a Person in a Situation of Choice // Engineering Psychology.* — Moscow, 1964. P. 295—325. [Pererabotka informatsii chelovekom v situatsii vybora // Inzhenernaya psikhologiya. — M., 1964. S. 295—325]. — (In Rus.)
11. Litvinova A. I. *General Patterns of Picture Interpretation* [Electronic resource]. [Obshchie zakonomernosti interpretatsii risunka]. URL: <http://psylab.flybb.ru/topic622.html> (date of access: 17.04.2019). — (In Rus.)
12. Lotman Yu. M. *Semiosphere.* — St. Petersburg, 2000. [Semiosfera. — SPb., 2000]. — (In Rus.)
13. Pryazhnikov N. S. *Professional and Personal Self-determination.* — Moscow ; Voronezh, 1996. [Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie. — M. ; Voronezh, 1996]. — (In Rus.)
14. Fromm E. *Anatomy of Human Destructiveness.* — Moscow, 1979. [Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti. — M., 1979]. — (In Rus.)
15. *Extremism in the Modern World* / ed. A.I. Bastrykina et al. — St. Petersburg, 2018. [Ekstremizm v sovremennom mire / pod red. A. I. Bastrykina i dr. — SPb., 2018]. — (In Rus.)
16. Gurieva S. D., Tararukhina O. V., Chiker V. A., Yanicheva T. G. *Features of Professional Interpersonal Relationships: An Example of Organizational Cultures in Russia and the United States // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Ep-SBS.* 2017. 12 May. Vol. 35. No 51. P. 436—444.


РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'42:811.411.21'25
ББК ШП41.12-51+ШП61-8
DOI 10.26170/pl19-03-16


ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Ибрагим Ваиль Фахим

Айн-Шамский университет, Каир, Египет
ORCID ID: 0000-0002-3314-8672 

Мауад Абануб Адель

Айн-Шамский университет, Каир, Египет
ORCID ID: 0000-0002-7268-1875 

 **E-mail:** wfi1980@yahoo.com; mr.abanoub@yahoo.com.

Приемы перевода текстов русского дипломатического дискурса на арабский язык

АННОТАЦИЯ. Цель нашего исследования состоит в выявлении приемов перевода текстов русского дипломатического дискурса на арабский язык. Материалом исследования послужили тексты выступлений, стенограмм выступлений и вступительные слова министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованных на сайте МИДа России с 2004 по 2018 год, и доступные переводы этих текстов на арабский язык. В нашем исследовании мы также анализируем переведенные на арабский цитаты из выступлений С. В. Лаврова на других арабских сайтах. Рассматривается соотношение терминов «приемы перевода», «переводческие трансформации» и «переводческие соответствия» в работах по переводоведению. В целом все указанные термины используются для обозначения способов видоизменения исходного текста, к которым прибегают переводчики при выполнении своих профессиональных задач. Поскольку трудности перевода вызывают необходимость межъязыковых преобразований, требующих перестройки на разных уровнях языка, мы в своем исследовании считаем более удачным термин «трансформации». При рассмотрении переводческих соответствий важно различать микроперевод (регулярно повторяющиеся соответствия для передачи единиц одного языка средствами другого) и макроперевод (нерегулярные соответствия, часто единичные, контекстуально обоснованные). Анализ перевода выступлений С. В. Лаврова показал, что переводчики прибегают к некоторым трансформациям. Эти трансформации можно разделить на лексические (транскрипции/транслитерации при передаче собственных имен и интернационализмов, калькирование), лексико-семантические (конкретизация, генерализация, модуляция), лексико-грамматические (антонимический перевод (замена отрицательной конструкции оригинала утвердительной в переводе и наоборот), компенсация) и синтаксические (дословный перевод, перестановка, замена, членение предложения, добавление, опущение, в том числе со стилистической правкой исходного текста, содержащего плеоназмы). При анализе переводческих трансформаций, использованных при переводе текстов выступлений С. В. Лаврова, было отмечено отсутствие двух приемов: приема объединения предложений и приема описательного перевода. Это обусловлено необходимой для дипломатического дискурса точностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс; приемы перевода; переводческие трансформации; русский язык; арабский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ибрагим Ваиль Фахим, кандидат филологических наук, преподаватель отделения русского языка, факультет иностранных языков (Аль-Альсун), Айн-Шамский университет, Каир (Египет); 00202, Египет, Cairo, Al-Khalifa Al-Maa'toun St.; e-mail: wfi1980@yahoo.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мауад Абануб Адель, аспирант отделения русского языка, факультет иностранных языков (Аль-Альсун), Айн-Шамский университета, Каир (Египет); 00202, Египет, Cairo, Al-Khalifa Al-Maa'toun St.; e-mail: mr.abanoub@yahoo.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ибрагим, Ваиль Фахим. Приемы перевода текстов русского дипломатического дискурса на арабский язык / Ибрагим Ваиль Фахим, Мауад Абануб Адель // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 126-134. — DOI 10.26170/pl19-03-16.

Деятельность современной российской дипломатии в первую очередь рассматривается в разных аспектах российскими исследователями, в том числе политологами и лингвистами. Однако закономерно возникновение интереса к данной исследовательской области и ученых других стран. Российская дипломатическая служба во главе с министром иностранных дел С. В. Лавровым играет значительную роль в поисках решения

нарастающих проблем в мире. Кроме того, на качественно иной уровень перешли и продолжают развиваться дипломатические отношения между Россией и большинством стран мира, в том числе и Египтом. Следует отметить и то, что сегодня международные отношения охватывают широкий круг проблем, ранее не включавшихся в данную сферу.

В лингвистическом аспекте рассмотренные дипломатической деятельности считает-

ся продуктивным при оперировании термином «дискурс», обозначающим явление, рассматриваемое в разных дисциплинах, таких как литературоведение, семиотика, социология, философия, этнология и антропология. Анализ дипломатического дискурса требует обращения к конкретным текстам, так как дискурс тесно связан с текстом, что отражается, например, в определении дискурса Н. Д. Арутюновой, согласно которой дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами» [Арутюнова 1990: 136].

Прежде чем переходить к рассмотрению дипломатического дискурса, необходимо дать дефиницию термина «дипломатия». На основании толкований разных словарей и исследователей мы сформулировали следующее определение: дипломатия — это деятельность глав государств и официальных лиц, представляющих министерство иностранных дел, по осуществлению задач внешней политики мирным путем, защите прав граждан за границей и ведению международных отношений. Данная деятельность реализуется разными способами и посредством разных мероприятий, таких как конференции и переговоры.

Дипломатический дискурс представляет собой совокупность текстов, связанных с дипломатической деятельностью, организованных вокруг определенных узловых точек и имеющих одни и те же лингвопрагматические характеристики.

Цель нашего исследования состоит в выявлении приемов перевода единиц русского дипломатического дискурса на арабский язык.

Материалом исследования послужили тексты выступлений, обращений министра иностранных дел России С. В. Лаврова, опубликованных на сайте МИДа России с 2004 по 2018 г., переводы которых доступны на арабском языке. Также мы анализируем переведенные на арабский язык цитаты из выступлений С. В. Лаврова, опубликованные на других арабских сайтах.

Ключевым для статьи является термин «приемы перевода», обозначающий способы, к которым прибегают переводчики для выполнения своих профессиональных задач. Наряду с этим, некоторые ученые употребляют термин «трансформации». Соответствующие методы перевода рассматриваются в работах В. Н. Комиссарова [Комиссаров 2002], Р. К. Миньяр-Белоручева [Миньяр-Белоручев 1996], И. С. Алексеевой [Алексеева 2004, 2008], Н. Д. Финкельберг [Финкельберг 2004, 2010] и др.

Важным является мнение одного из виднейших российских ученых в области переводоведения — Я. Р. Рецкера (его труды, по мнению ряда специалистов, в частности В. Н. Комиссарова, заложили основу всего русского переводоведения). Не употребляя выражение «приемы перевода» как самостоятельный термин, Я. Р. Рецкер определяет лексические трансформации как приемы логического мышления, с помощью которых переводчик раскрывает значение иноязычного слова в контексте и находит ему русское соответствие, не совпадающее со словарным [Рецкер 2007: 45]. Исследователь выделяет 7 разновидностей лексических трансформаций: 1) дифференциация значений, 2) конкретизация значений, 3) генерализация значений, 4) смысловое развитие, 5) антонимический перевод, 6) целостное преобразование, 7) компенсация потерь в переводе.

Близким к подходу Я. Р. Рецкера является подход Р. К. Миньяр-Белоручева, который понимает приемы перевода как «дополнительное действие, или конкретные операции, направленные на преодоление возникшей трудности при переводе» [Миньяр-Белоручев 1996: 101]. Однако этот исследователь, в отличие от Я. Р. Рецкера, насчитывает только 6 приемов перевода, а именно: описательный перевод, генерализация, конкретизация, логическое развитие понятий — «модуляция» и «антонимический перевод». Таким образом, Я. Р. Рецкер и Р. К. Миньяр-Белоручев при изучении приемов перевода ограничиваются лексическими трансформациями.

В. Н. Комиссаров понимает приемы перевода как основные типы лингвистических трансформаций [Комиссаров 2002: 14]. Для него переводческая трансформация — это «преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров 2002: 411]. Основные трансформации, по его мнению, разделяются на лексические трансформации (переводческая транскрипция/транслитерации и переводческое калькирование), лексико-семантические трансформации, связанные с модификацией значений лексических единиц (конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические трансформации (дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены), лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, описательный перевод и прием компенсации) [Комиссаров 2002: 159—165].

Таким образом, приемы перевода В. Н. Комиссаров трактует шире, чем Я. Р. Рецкер и

Р. К. Миньяр-Белоручев, поскольку включает сюда все лингвистические трансформации, не ограничиваясь лексическими.

И. С. Алексеева вместо термина «приемы перевода» использует термин «переводческие соответствия», в состав которых входят трансформации. По ее мнению, трансформации — это такие соответствия, которые переводчик «выстраивает» сам, не пользуясь готовым арсеналом средств. И. С. Алексеева определяет трансформации как «межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне» [Алексеева 2004: 158]. Исследовательница выделяет четыре элементарных типа переводческих трансформаций: перестановки, замены, добавления и опущения.

И. С. Алексеева, в отличие от В. Н. Комиссарова, объединяет соответствие и трансформацию в понятие «соответствие». Однако понятие трансформации у В. Н. Комиссарова включает в себя приемы, которые могут использоваться в качестве соответствий для однозначного эквивалентного перевода, такие как калькирование, транскрипция, транслитерация на лексическом уровне и соответствия, применимые на лексико-семантическом уровне как модуляция.

Под приемами перевода Н. Д. Финкельберг в книге «Арабский язык. Теория и технология перевода» понимает процедуры, обеспечивающие адекватное воспроизведение текста оригинала, т. е. конкретные действия и операции, которые вызваны трудностями перевода [Финкельберг 2010: 98].

При изучении переводческих действий и операций на этапе создания текста перевода Н. Д. Финкельберг обращается к двум терминам: микроперевод и макроперевод. Данные термины были введены в научный обиход английским ученым Дж. Кэтфордом. Микроперевод указывает на «использование регулярно повторяющихся соответствий, существующих в языке перевода для передачи значений единиц исходного языка», а макроперевод обозначает «использование нерегулярных соответствий, часто контекстуально-единичного характера» [Финкельберг 2010: 100—103].

К приемам микроперевода относится использование эквивалентов и вариантных соответствий. А при рассмотрении приемов макроперевода Н. Д. Финкельберг оперирует термином «переводческие трансформации», введенным Л. С. Бархударовым, который включает в трансформации перестановки, замены, добавление, опущение. Замены, в свою очередь, разделяются на грамматические (замены формы слова, части речи, чле-

нов предложения, типов синтаксической связи), лексические (генерализация, конкретизация и замена, основанная на изменении причинно-следственных отношений) и лексико-грамматические (антонимический перевод) [Бархударов 1975 ; Финкельберг 2010].

На наш взгляд, приемы перевода в трактовке Н. Д. Финкельберг по сути соотносятся с переводческими соответствиями в терминологии И. С. Алексеевой: микроперевод включает приемы перевода с использованием эквивалентов и вариантных соответствий, а приемы макроперевода включают трансформации. Однако Н. Д. Финкельберг вслед за Л. С. Бархударовым относит к вариантам трансформации замену, основанную на изменении причинно-следственных отношений, что можно считать синонимом термина «смысловое развитие», отсутствующего у И. С. Алексеевой.

Таким образом, в концепциях Р. К. Миньяр-Белоручева и Н. Д. Финкельберг совпадают цели использования приемов перевода: они, согласно данным исследователям, направлены на преодоление возникающих при переводе трудностей. В работах И. С. Алексеевой и Н. Д. Финкельберг в приемы перевода включаются эквивалентные соответствия (наблюдаются, когда переводчик вне зависимости от контекста может использовать только одно соответствие) и зависимые от контекста соответствия, которые регулярно применяются при переводе единиц исходного языка и не демонстрируют преодоление проблем перевода. В настоящей работе нас интересуют только те случаи, когда из-за трудностей перевода возникает необходимость прибегать к межъязыковым преобразованиям, требующим перестройки на разных уровнях языка, поэтому в нашем исследовании мы придерживаемся использования термина «трансформации».

Анализируя наш рабочий материал, мы выделили следующие переводческие трансформации.

А. Лексические трансформации

1. Транскрипция/транслитерация.

«Прием транскрипции означает, что в переводе воспроизводится звучание слова оригинала, в отличие от транслитерации, передающей его графическую форму» [Комиссаров 2002: 159]. Данный прием используется в нашем материале преимущественно для передачи имен официальных лиц или географических названий. При этом переводчик должен знать расшифровку инициалов имен и отчеств, поскольку в арабском языке не принято писать имя и отчество сокращенно:

Дж. Хантсман (посол США в России)	جون هنتسمان
М. Помпео (госсекретарь США)	مايك بومبيو
Д. В. Мантуров (министр промышленности и торговли Российской Федерации с 21 мая 2012 г.)	دينيس فالنتينوفيتش مانتوروف
С. Е. Нарышкин (Председатель Государственной думы РФ)	سيرجي ناريشكين
Астана	استانا
Анкара	أنقرة
Россия	روسيا
Сочи	سوتشي
Узбекистан	أوزبيكستان
Дананг	دانانج

При транскрипции следует обратить внимание на то, что буква <о> всегда передается арабской буквой *و*, которая произносится как ударный [o]. Буква <г> передается арабской буквой *غ*, поскольку в литературном арабском языке звука [ɣ] не существует и наиболее близок к нему арабский звук *غ*, поэтому большинство арабских переводчиков придерживается такой передачи. Однако в египетском диалекте арабского языка существует звук [ɣ] — *ج*, поэтому египетские переводчики при транскрипции передают букву <г> как *ج*.

Наряду с этим, прием транскрипции используется при передаче интернационализмов, под которыми понимают слова, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством. Такие слова имеют общее происхождение (чаще всего восходят к греческому или латинскому языку) и одно и то же значение, но, как правило, приспосабливаются под фонетические и морфологические нормы каждого языка [Нелюбин 2003: 64]. Такие лексические единицы относятся к заимствованиям, которые адаптировали и арабизировали. Приведем примеры отмеченных интернационализмов:

дипломатия	دبلوماسية
стратегический	إستراتيجي
протокол	بروتوكول
консульство	قنصلية

2. Калькирование. Под калькированием понимается «образование новых слов или введение в язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнения их морфемами данного языка»

[Ахманова 1969: 188]. При этом приеме переводятся составляющие элементы слова или словосочетания и затем переведенные части объединяются в единое целое [Комиссаров 2002: 160].

В нашем материале данный прием используется для передачи названий международных организаций и учреждений, договоров, программ и других аналогичных документов.

– Мы провели шестое заседание **Российско-турецкой совместной группы стратегического планирования.**

عقدنا الاجتماع السادس لمجموعة التخطيط الاستراتيجية الروسية - التركية المشتركة، التي هي جزء من مجلس التعاون رفيع المستوى برئاسة رئيسي روسيا وتركيا

– Мы полностью выразили поддержку активной работе **смешанной Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, а также согласились с необходимостью активизировать деятельность Российско-турецкого Форума общественности.**

واعرينا عن دعمنا التام للعمل النشط الذي تقوم به اللجنة الحكومية المشتركة للتعاون التجاري - الاقتصادي، وكذلك اتفقنا على ضرورة تفعيل أنشطة منتدى الدوائر الاجتماعية الروسي - التركي

Б. Лексико-семантические трансформации

1. Конкретизация понятий. Заключается в переходе от родового понятия к видовому. Конкретизация указывает на «замену слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением на слово или словосочетание ПЯ с более узким референциальным значением» [Алексеева 2004: 164—165]. Обратимся к примерам.

– **Россия заинтересована в том, чтобы Ливан оставался суверенным, территориально целостным, независимым государством.**

نحن مهتمون بالحفاظ على لبنان كدولة ذات سيادة، موحدة ومستقلة

– **Заявляется, что никто, кроме России, это отравляющее вещество провезти в Великобританию не мог.**

ويشار في الرسالة، بان ليس هناك احد غير روسيا يستطيع جلب هذه المادة الكيميائية الى بريطانيا، ولا أحد غير روسيا لديها دوافع لإستهداف هؤلاء الضحايا

2. Генерализация. Единица исходного языка, которая имеет более узкое значение, заменяется в переводе элементом с более широким значением.

– **Мы, как и все искренние друзья Ливана, приветствовали состоявшиеся в мае этого года парламентские выборы, которые**

позволили положить конец длительному внутривнутриполитическому кризису, продолжавшемуся два с половиной года.

روسيا شأنها شأن جميع أصدقاء لبنان المخلصين، رحبت بالانتخابات البرلمانية التي أجريت في أيار/مايو من هذا العام" والتي سمحت بإنهاء الأزمة السياسية الطويلة

– Британская сторона высокомерно от этого отказалась и взамен выкопала в Конвенции о запрещении химического оружия **технический пункт** о том, что член Конвенции может обратиться за технической помощью.

وامتنعت بريطانيا بكبرياء عن هذا، وبدلاً من ذلك نبشت في معاهدة حظر الأسلحة الكيميائية مادة تقول أن بمقدور الموقعون على المعاهدة طلب المساعدة

– Надеюсь, британская сторона сможет выполнить свои обязательства по Консульской конвенции и Венской конвенции о дипломатических сношениях.

وأعقد الأمل على أن بريطانيا ستنفذ التزاماتها بمقتضى الاتفاقية القنصلية واتفاقية فيينا للعلاقات الدبلوماسية

– Там зафиксировано, что эта декларация, как и сам сочинский Конгресс, является вкладом в продвижение политического урегулирования.

وأشير هناك إلى أن هذه الوثيقة، وكذلك مؤتمر سوتشي تعتبران مساهمة في تقدم التسوية السلمية على أساس قرار مجلس الأمم الدولي رقم 2254

3. Модуляция. «Лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы» [Комиссаров 2002: 410].

– **Член Конвенции может обратиться за технической помощью к Техническому секретариату Организации по запрещению химического оружия.**

بمقدور الموقعون على المعاهدة طلب المساعدة الفنية من الأمانة الفنية لمنظمة حظر الأسلحة الكيميائية

– У нас не возникло никаких вопросов с тем списком, который оппозиция представила С. де Мистуре.

ليس لدينا أي تحفظات حول القائمة التي قدمت من قبل المعارضة إلى ستيغان دي ميستورا

– Глава МИД Великобритании Б. Джонсон и Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш обсудили вчера реформирование ООН.

ناقش وزير خارجية بريطانيا بوريس جونسون والأمين العام لمنظمة الأمم المتحدة أنطونيو غوتيريش امس إصلاح منظمة الأمم المتحدة

В. Лексико-грамматические трансформации

1. Антонимический перевод. Под данным приемом понимают «замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания» [Рецкер 2007: 54]. При этом утвердительная форма в оригинале заменяется на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательная на утвердительную. Например:

– **Несмотря на непростую ситуацию в мировых делах, российско-египетские отношения неуклонно развиваются.**

على الرغم من الأوضاع المعقدة في العالم، إلا أن العلاقات المصرية الروسية تواصل تطورها بشكل مطرد

– Мы уже не раз наблюдали...

لقد لاحظنا بالفعل أكثر من مرة

– **Могу только сказать, что мы позитивно реагируем на просьбу наших турецких партнеров ускорить первоначально планировавшиеся сроки поставки.**

ولا يسعني إلا أن أقول أننا نرد بإيجابية على طلب شركائنا الأتراك بتسريع فترة التوريد التي تم الاتفاق في البداية

2. Компенсация. Прием перевода, когда мысль выражается с помощью иных, чем в оригинале, средств. Переводчик прежде всего прибегает к компенсации, когда в оригинале встречаются народная речь, пословицы, поговорки, идиоматические обороты и другие выражения, имеющие свою специфическую окраску, которая утрачивается при переводе. Данный способ позволяет передать все содержание оригинала в тех случаях, когда нормы ПЯ не позволяют сохранить то или иное слово на том же месте, на котором оно стоит в оригинале. При компенсации средствами языка перевода восполняются неизбежные семантические или стилистические потери [Нелюбин 2003: 83—84].

– **Её не раз ловили „за руку“, уличали в постановке фейковых сюжетов, которые потом раскручивались для того, чтобы обострять ситуацию в контексте усилий по так называемой смене режима в столице САР.**

وتم مرة أخرى ضبطهم "متهربين" بانتاج اخبار مزورة يتم نشرها من اجل تفاقم الوضع في سياق الجهود الرامية لما يسمى بتغيير النظام في عاصمة الجمهورية العربية السورية

– **...под контроль правительственных сил перешло уже около 90 % Восточной Гуты.**

وباتت القوات الحكومية تسيطر على حوالي 90% من الغوطة الشرقية

– Мы считали очень важным накануне этого саммита „свернуть часы“ со спецпредставителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой и его командой.

ونرى أن من المهم عشية هذه القمة "تنسيق الجهود" مع المبعوث الخاص للأمين العام للأمم المتحدة الخاص إلى سوريا ستيفان دي مستورا وفريقه

– Как они написали, Юля **быстро идет на поправку**.

وكما كتبوا أن حالة يوليا تتحسن بسرعة

– В письме Т. Мэй (мне кажется это самым интересным) говорится, что все эти утверждения англичане **делают с высокой степенью вероятности**, употреблен английский термин „highly likely“.

وتقول تيريزا ماي في رسالتها (واعتقد ان هذه هي

النقطة الأكثر إثارة للاهتمام بها) ان هناك احتمالا كبيرا

على الأرجح "بصحة تأكيدات الإنجليز، وتستخدم عبارة

– Мы видим, как тема Ирана обсуждается в СМИ на Западе в предельно упрощенном контексте — для не очень искушенного зрителя и слушателя: „Иран должен уйти, и тогда все встанет на свои места“.

نحن نرى كيف يُناقش موضوع إيران في وسائل

الإعلام في الغرب في سياق مبسط للغاية لمشاهد وقارئ

غير مجرب تماما: "يجب على إيران المغادرة، حينها

سيعود كل شيء إلى مجراه الطبيعي

– **Не буду забегать вперед**, но рассчитываем на откровенный разговор по всем вопросам, которые омрачают наши отношения с США.

ولن اسبق الأحداث ولكننا نتطلع إلى حديث صريح

حول كافة القضايا التي تعكر علاقاتنا مع الولايات المتحدة

– Что касается расширения Астанинского формата, не думаю, что **это сейчас актуальная вещь**.

بالنسبة لتوسيع صيغة أستانا، لا أعتقد أن هذا بمحله

الآن

– Конечно, эта активность должна быть **пресечена**, чем сейчас и занимается сирийская армия при поддержке российских ВКС.

يجب قطع الطريق على هذا النشاط، وهو ما يقوم به الجيش السوري الآن بدعم من القوة الجوية الفضائية الروسية

Г. Синтаксические трансформации

1. Дословный перевод — «Нулевая трансформация». В. Н. Коммисаров также называет этот прием синтаксическим уподоблением, поскольку при нем «синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе» [Коммиссаров 2002: 413].

– Провели подробные переговоры о ситуации в регионе и о состоянии наших двусторонних отношений.

أجرينا مباحثات مفصلة حول الوضع في المنطقة وحول حالة علاقتنا الثنائية

– Рассмотрели ход выполнения решений Конгресса сирийского национального диалога, который состоялся в Сочи, в том, что касается скорейшего формирования Конституционного комитета.

نظرنا في سير تنفيذ قرارات مؤتمر الحوار الوطني

السوري الذي عقد في سوتشي، بما في ذلك ما يتعلق بتشكيل اللجنة الدستورية

2. Перестановки. Под перестановкой понимается «изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала. Элементами для перестановки являются слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в тексте» [Финкельберг 2004: 214].

– ...**такого глумления** над международным правом мы очень давно не видели.

لم نشهد منذ وقت طويل مثل هذا الاستهزاء بالقانون

الدولي

– Одним из этапов подготовки к саммиту в Хельсинки, который состоится 16 июля, был визит помощника Президента США по национальной безопасности Дж. Болтона.

وكانت زيارة مساعد رئيس الولايات المتحدة للأمن

القومي جون بولتون لموسكو إحدى المراحل التحضيرية لقمة هلسنكي التي ستعقد في 16 يوليو

– ...**потому что от этого зависит стабильность** в Ливане.

لأن الاستقرار في لبنان يعتمد على ذلك

– Эту работу координировала Турция.

تركيا هي من نسقت هذا العمل

3. Замены. Элемент текста подлинника заменяется элементом текста перевода с нарушением формального соответствия между ними, зафиксированного словарями. Замена могут подвергаться как грамматические единицы — форма слова, часть речи, члены предложения, типы синтаксической связи, так и лексические — слова и словосочетания (согласно принятой нами классификации, такие замены относятся к лексико-семантическим трансформациям и уже рассматривались выше, поэтому в данно пункте речь пойдет только о грамматических заменах). При грамматической замене «грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением» [Коммиссаров 2002: 408].

– Мы всегда выполняем **то, о чём договорились**.

نحن دائما ننفذ اتفاقاتنا

— Мы с удовлетворением констатировали, что в прошлом году товарооборот увеличился более чем на 37 %, составив 21,6 млрд. долл. США.

وقد لاحظنا بارتياح زيادة التبادل التجاري في العام الماضي لأكثر من 37% وبلغ 21.6 مليار دولار أمريكي

— ...остается принципиально важным то положение, которое закреплено в резолюциях СБ ООН.

أن الفكرة المنصوص عليها في قرارات مجلس الدولي، لا تزال ذات أهمية أساسية

— С этой целью в прошлом месяце они начали боевые действия, обстреливали позиции сирийской армии. В результате погибли мирные жители.

ولهذه الغاية، بدأوا الشهر الماضي في القتال، وقصفوا مواقع الجيش السوري، وأسفر ذلك عن مقتل المدنيين

4. Членение предложения. Синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в языке перевода [Комиссаров 2002: 414].

— Вчера поступило и было распространено в Нью-Йорке официальное обращение Т. Мэй на имя Генерального секретаря ООН А. Гутерреша.

بالامس ارسلت تيريزا ماي خطابا رسميا الى الأمين العام للأمم المتحدة انطونيو غوتيريس، تم توزيعه في نيويورك

5. Добавление. Предполагает применение в тексте перевода единиц языка перевода, которые не имеют формального соответствия в тексте на исходном языке.

— Проблемы дезэскалации сейчас решаются, и мы комментировали ситуацию в Идлибе. Она действительно многослойная, очень непростая.

مشاكل خفض التصعيد يجري حلها الآن، ونحن علقنا على الوضع في إدلب، وهو بالفعل متعدد المستويات وصعب للغاية

— Мы провели очень полезные переговоры со спецпредставителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой и его делегацией.

لقد أجرينا محادثات مثمرة للغاية مع المبعوث الخاص للأمين العام للأمم المتحدة إلى سوريا ستيفان دي ميستورا والوفد المرافق له

— ...решить, как мы будем работать по итогам предстоящего 4 апреля в Анкаре очередного саммита президентов стран — гарантов Астанинского процесса — России, Турции и Ирана...

وتحديد كيف سنعمل في ضوء النتائج التي سنسفر عنها القمة الجديدة لرؤساء الدول الضامنة لعملية أستانا: روسيا وتركيا وإيران، التي من المقرر عقدها في 4 أبريل بأنقرة

6. Опускание. При данной трансформации опускаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, т. е. выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи [Бархударов 1975: 266]. Таким образом, при опущении переводчик отказывается от передачи семантически избыточных слов при переводе, поскольку значения опущенных слов можно восстановить по контексту без перевода. Приведем примеры подобных трансформаций.

— В южной части Сирии, как я уже рассказывал и как говорил мой коллега, действует договоренность России, Иордании и США о южной зоне дезэскалации, которая предполагает прекращение боевых действий.

يسري في جنوب سوريا مفعول اتفاق روسيا والأردن والولايات المتحدة بشأن منطقة تخفيف التصعيد الجنوبية، التي تستلزم وقف العمليات القتالية

— Главное внимание уделили ситуации в Сирии. Рассмотрели ход выполнения договоренностей, которые достигаются в рамках „астанинского формата“ на высшем и высоком уровнях, на уровне экспертов.

وأولينا الاهتمام الرئيسي لسوريا، كما بحثنا سير الاتفاقيات التي تم التوصل إليها في إطار صيغة أستانا على أعلى المستويات، وعلى مستوى الخبراء

— Есть множество возможностей сотрудничать без каких-либо формализованных изменений в том, что касается гибкого процесса Астаны, Сочи.

هناك العديد من الفرص للتعاون دون أي تغييرات رسمية في عملية أستانا المرنة، وفي عملية سوتشي

— Обсудили подготовку к намеченному на 2019 г. „перекрестному“ Году культуры и туризма России в Турции и Турции в России.

وناقشنا التحضير لعام الثقافة والسياحة الروسية في تركيا والتركيب في روسيا

— Как они и обещали, они слились с ней в некое объединенное командование, создали объединенный штаб, чтобы выступить с оружием в руках против правительственной армии.

وكما وعدوا اندمجوا بها في ما يشبه بقيادة موحدة وأنشأوا مقرا موحدا، من أجل الهجوم بالأسلحة ضد الجيش الحكومي

При анализе переводческих трансформаций, использованных при переводе текстов выступлений С. В. Лаврова, было отмечено отсутствие двух распространенных приемов: объединения предложений и описательного перевода.

Прием объединения предложений определяется как «способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное» [Финкельберг

2010: 384]. На наш взгляд, данный прием отсутствует, так как в арабском языке предпочитается использование простых повторных слов, что ведет не к объединению предложений, а наоборот, к членению предложений.

Описательный перевод заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. Переводчик прибегает к этому приему, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она неизвестна переводчику [Нелюбин 2003: 129]. Данный прием, на наш взгляд, не был использован, поскольку язык дипломатии характеризуется точностью, не допускающей инотолкования, объективностью, обобщенностью и стандартизованностью.


Итак, анализ перевода выступлений С. В. Лаврова показал, что переводчики прибегают к некоторым трансформациям для осуществления перевода. Эти трансформации можно разделить на лексические, лекси-

ко-семантические, лексико-грамматические и синтаксические.


ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. — М., 2004.
2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. — М., 2008.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 136—137.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М., 2002.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. — М., 1996.
8. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. — М., 2003.
9. Рецкер Я. Р. Теория перевода и переводческая практика. — М., 2007.
10. Финкельберг Н. Д. Арабский язык. Теория и технология перевода. — М., 2010.
11. Финкельберг Н. Д. Арабский язык: курс теории перевода. — М., 2004.

Ibrahim Wael Fahim

Ain-Shams University in Cairo, Egypt
ORCID ID: 0000-0002-3314-8672 

Mauad Abanoub Adel

Ain-Shams University in Cairo, Egypt
ORCID ID: 0000-0002-7268-1875 

 *E-mail*: wfi1980@yahoo.com; mr.abanoub@yahoo.com.

Techniques of Diplomatic Discourse Translation from Russian into Arabic

ABSTRACT. *The aim of the given study consists in exploring the techniques of translation of the texts of Russian diplomatic discourse into Arabic. Full texts of speeches, speech transcripts and opening remarks of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. V. Lavrov published on the site of the Russian Ministry of Foreign Affairs from 2004 to 2018 and the available translations of these texts into Arabic served as material of analysis. The paper also analyzes the quotations from S.V. Lavrov's speeches translated into Arabic and published on other Arabic sites. The paper considers the interpretation of the terms of "translation techniques", "translation transformations" and "translation equivalents" in the works on translation studies. In general, all the terms are used to denote various methods of changing the source text used by translators in their professional activity. As long as translation difficulties bring about the necessity to carry out interlingual changes demanding reorganization at different linguistic levels, the authors of the article prefer the term "transformations". While considering translation equivalents, it is important to differentiate between microtranslation (regular equivalents for translation of the source language units by means of the corresponding target language units) and macrotranslation (non-regular equivalents, which are occasional and contextually bound). The analysis of translations of S. V. Lavrov's speeches has shown that translators use some transformations. These transformations can be subdivided into lexical (transcriptions/transliterations while translating proper names and international words and loan translations), lexico-semantic (concretization, generalization, modulation), lexico-grammatical (antonymic translation – substitution of a negative construction by a positive one in the target language and vice versa –, compensation), and syntactic (word-for-word translation, permutation, substitution, sentence division, addition, omission, including stylistic correction of the source text containing pleonasm). While analyzing the translation transformations in the translations of the texts of S. V. Lavrov's speeches, the authors noted the absence of two techniques: the technique of sentence uniting and the technique of descriptive translation. This fact can be explained by the accuracy typical of diplomatic discourse translation.*

KEYWORDS: *diplomatic discourse; translation techniques; translation transformations; Russian language; Arabic language.*



AUTHOR'S INFORMATION: Ibrahim Wael Fahim, Candidate of Philology, Lecturer of Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages (Al-alsun), Ain-Shams University in Cairo (Egypt).

AUTHOR'S INFORMATION: Mauad Abanoub Adel, Teaching Assistant of Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages (Al-alsun), Ain-Shams University in Cairo (Egypt).

FOR CITATION: *Ibrahim, Wael Fahim. Techniques of Diplomatic Discourse Translation from Russian into Arabic / Ibrahim Wael Fahim, Mauad Abanoub Adel // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P.126-134. — DOI 10.26170/pl19-03-16.*

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Introduction to Translation Studies. — Moscow, 2004. [Vvedenie v perevodovedenie. — M., 2004]. — (In Rus.)
2. Alekseeva I. S. Text and Translation. Theory Problems. — Moscow, 2008. [Tekst i perevod. Voprosy teorii. — M., 2008]. — (In Rus.)
3. Arutyunova N. D. Discourse // Linguistic Encyclopedic Dictionary. — Moscow, 1990. P. 136—137. [Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M., 1990. S. 136—137]. — (In Rus.)
4. Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. — Moscow, 1969. [Slovar' lingvisticheskikh terminov. — M., 1969]. — (In Rus.)
5. Barkhudarov L. S. Language and Translation. — Moscow, 1975. [Yazyk i perevod. — M., 1975]. — (In Rus.)
6. Komissarov V. N. Modern Translation Studies. — Moscow, 2002. [Sovremennoe perevodovedenie. — M., 2002]. — (In Rus.)
7. Min'yar-Beloruhev R. K. Theory and Methods of Translation. — Moscow, 1996. [Teoriya i metody perevoda. — M., 1996]. — (In Rus.)
8. Nelyubin L. L. Explanatory Translation Dictionary. — Moscow, 2003. [Tolkovyy perevodcheskiy slovar'. — M., 2003]. — (In Rus.)
9. Retsker Ya. R. Translation Theory and Translation Practice. — Moscow, 2007. [Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. — M., 2007]. — (In Rus.)
10. Finkel'berg N. D. Arabic. Theory and Technology of Translation. — Moscow, 2010. [Arabskiy yazyk. Teoriya i tekhnologiya perevoda. — M., 2010]. — (In Rus.)
11. Finkel'berg N. D. Arabic Language: a Course of Translation Theory. — Moscow, 2004. [Arabskiy yazyk: kurs teorii perevoda. — M., 2004]. — (In Rus.)

Юе СюеДаляньский университет иностранных языков, Китай
ORCID ID: 0000-0002-1597-3927  **E-mail:** yuex570@126.com.

Эволюция взглядов на этнокультурологические аспекты русского языка в рамках политической лингвистики

АННОТАЦИЯ. Многие ученые отмечают «этническое возрождение», этнокультурный поворот в современной гуманитаристике. Антропоцентрическая научная парадигма выдвигает в поле зрения исследователей новые проблемы, находящиеся на стыке гуманитарных наук, что приводит к появлению новых смежных научных отраслей (лингвокультурология, этнолингвистика, политическая лингвистика и др.). В частности, актуализируется изучение взаимосвязи между языком, культурой и этносом. Это определяется особенностями языка, который является продуктом двух основных факторов: внутреннего (языковое сознание каждого человека) и внешнего (культура, объединяющая говорящих на одном языке, отражающая повседневный эмпирический, исторический и духовный опыт этноса). Тесное переплетение гуманитарных наук проявляется и в том, что в политическую лингвистику проникают концепции лингвокультурологии и этнолингвистики, где привлечение требуется при рассмотрении таких проблем, как взаимодействие языка и мышления, языковое сознание участника коммуникативного акта, национально-культурная языковая картина мира. Характеризуются основные направления исследований, демонстрирующих тесную связь между обозначенными научными отраслями: метафорическое моделирование в политическом дискурсе; сравнительное изучение политической коммуникации на разных этапах русской государственности (позволяет четко выделять в языке «свое» и «чужое», случайное и естественное, универсальное и национально-специфическое); диахроническое изучение политической коммуникации (политический дискурс государства в течение всего срока существования или в определенных период; фрагмент политической реальности и его метафорическое моделирование на разных временных отрезках; идиостиль политика).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этносы; этнолингвистика; национальная культура; политическая лингвистика; этнокультурология; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, аспирантка (специализация «Политическая лингвистика»), Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; e-mail: yuex570@126.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Эволюция взглядов на этнокультурологические аспекты русского языка в рамках политической лингвистики / Юе Сюе // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 135-139. — DOI 10.26170/pl19-03-17.

Введение

Многие ученые, имея в виду использование этнокультурных концепций в исследованиях, относящихся к политической лингвистике, говорят об «этническом возрождении». Отмечается, что число наук, название которых содержит в себе начальный компонент «этно», растет день ото дня. В качестве примера можно привести следующие новые и находящиеся в стадии формирования исследовательские области: этнолингвистика, этнопсихология, этнополитология, этнопедagogика и даже этномузыковедение. Современная, антропоцентрическая научная парадигма именно в политической лингвистике позволила рассматривать язык не как имманентное единство, а как средство выражения мыслей и обучения, а также открывать новые исследовательские горизонты, например при изучении русского языка в таких аспектах, как характеристики русского этноса, национально-культурное своеобразие лингвокогнитивной человеческой деятельности. Рассмотрение тесной и одновременно хруп-

кой взаимосвязи языка, культуры и ментальности этноса в настоящее время является особенно актуальной областью исследований, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и лингвистике [Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики... 2007: 85]. При исследовании указанных взаимоотношений на стыке наук неизбежно формируются новые научные дисциплины: этнолингвистика, этнополитология и др. Внимание многих исследователей в России, работающих в рамках политической лингвистики, привлекают такие проблемы, как взаимодействие языка и мышления, языковое сознание субъекта общения, концептосфера, национально-культурная языковая картина мира, т. е. явления, актуализируемые вследствие развития этнокультурологических концепций применительно к русской ментальности.

В лингвистике накоплен значительный опыт анализа слов в этнокультурном аспекте, т. е. рассмотрения таких лексем, которые

обозначают уникальные явления духовной и материальной культуры, общественной жизни, а также существующих во многих языках слов, таких как «дружба», «воля» и «душа», для основного значения которых не характерна культурная самобытность, но семантика которых в целом, взятая во всех нюансах, демонстрирует оригинальность, национально-культурную специфичность в лингвокогнитивном аспекте [Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики... 2007: 89]. Подобные лексемы делают достаточно богатой область этнолингвистического анализа, который базируется на всестороннем, систематическом рассмотрении контекстуальных особенностей слов и тех или иных интересующих этнокультурологию концептов. Развитие когнитивной лингвистики помещает в центр внимания российских исследователей проблему взаимодействия языка и культуры.

Обзор исследований

В рамках политической лингвистики развиваются исследования этнокультурных концептов применительно к русскому языку, соответственно ученые все чаще концентрируют свое внимание на взаимодействии языка, этнического менталитета и культуры. В соответствии с таким теоретическим подходом структура языка формируется под влиянием двух факторов: внутреннего (языковое сознание каждого человека) и внешнего (культура, которая является единой для людей, говорящих на одном языке) [Бачурин 2015].

Культура и язык отражают повседневный эмпирический, исторический и духовный опыт этноса, связанный с его вековыми традициями и обычаями. Хотя соответствующие исследования в рамках политической лингвистики, являющиеся предметом настоящей статьи, относятся к узкоспециализированному, взаимное влияние этнических свойств, культуры, языка, государственности, политики во все периоды развития русского народа было бесспорным фактом, значение которого трудно переоценить.

В настоящий момент этнокультурологическая проблематика особенно остро встает перед исследователями, в том числе лингвистами-русистами, поскольку на современном этапе русские этнокультурные концепты испытывают не просто инокультурное влияние, но настоящую «атаку» ввиду глобализации и универсальной американизации. Под этим понимается модификация национальных культур и языков, их движение по пути большего согласования с ценностями американской цивилизации. Современное российское общество проявляет максимальную

склонность к «подражанию» английскому языку и в плане лексики, и грамматики.

Развитие и распространение транснациональных политических и языковых институтов обуславливает постепенное размывание четких национальных границ, которые были особенно важны в ходе эволюции русских этнокультурных концептов. Впрочем, концепция происходящих в мире культурных глобализационных процессов противоречива, поскольку «американизация» проявляется также в инновациях и новых тенденциях в английском языке как средстве межкультурной коммуникации и международного взаимодействия [Соколов 2014: 30].

В лингвистике активное научное осмысление взаимосвязи между языком, культурой и факторами глобализации (к которым относится и политика) началось сравнительно недавно — в последнее десятилетие XX в. Накопленный исследовательский опыт позволяет сделать вывод, что политический дискурс представляет собой сложное социальное, институциональное и культурное явление, лингвистическое описание которого не исчерпывается процессами ассимиляции и упрощения языков и культур. Политика и ее влияние на русский язык с лингвистической точки зрения весьма многообразны. В связи с этим актуальным становится вопрос разработки новых теоретических и методологических подходов, учитывающих сложность взаимодействия указанных сфер и соответствующих научных дисциплин.

Эволюция этнокультурологических исследований при рассмотрении русского языка в рамках политической лингвистики способствовала развитию когнитивных, дискурсивных, культурных, языковых, антропологических, сравнительных и корпусных методологий, демонстрирующих неразрывную связь между речевой деятельностью и познанием человека, языком, политикой и культурой [Сергиенко, Семёнова, Харченко 2016: 95].

Перечислим и охарактеризуем основные направления исследований этнокультурных концептов в рамках политической лингвистики.

– Теоретические основы общего направления — политической лингвистики и методология анализа политического общения. Предложены в трудах российских лингвистов А. П. Чудинова, Е. В. Будаева, М. Б. Ворошиловой и других специалистов, работа которых связана с уточнением понятийного аппарата и терминологии политической лингвистики, особенностей фундаментальных характеристик политического общения и т. п.

– Метафорическое моделирование в политическом дискурсе. Представители данно-

го направления развивают концепцию метафоры как когнитивного механизма, посредством которого возникают возможности более точного толкования абстрактных понятий, что является важным инструментом аргументации и эффективным средством воздействия на осведомленность о политике российской общественности.

– Сравнительное изучение политической коммуникации на разных этапах русской государственности. Исследование русских национальных особенностей восприятия и отражения политической реальности и того, как концепты языковой картины мира используются для достижения конкретных политических целей. Изучаются закрепленные в истории результаты применения лингвополитических стратегий и тактик; концептуализация метафорических моделей политики, демонстрирующая менталитет и исторические условия формирования русской политической культуры. Сравнительные исследования политической коммуникации на разных этапах русской государственности позволяют четко определить «свое» и «чужое», случайное и естественное, универсальное и национально-специфическое и т. д. Знание таких моделей способствует лучшему пониманию русского народа, утверждению толерантности и развитию межкультурного общения [Кондратьева 2018: 161].

– Изучение исторической динамики влияния политической коммуникации на систему языка. Диахронические исследования политической коммуникации в рамках лингвистики направлены на рассмотрение взаимодействия разнонаправленных векторов языкового развития, тенденций к стабильности и динамике, сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами.

Предметом диахронического исследования могут являться:

1) политический дискурс конкретного государства на протяжении всего срока его существования или в определенный исторический период;

2) фрагмент политической реальности (образ, событие, персонаж) и метафоры, представляющие его в разное время;

3) метафорическая модель и ее функционирование в политической коммуникации на разных этапах развития российского общества;

4) идиостиль политиков, формирование их метафорического инструментария и т. д.

Заключение

Таким образом, на современном этапе развития этнокультурологических исследований их концепции широко представлены в рамках политической лингвистики. Сформи-


рованы методология и конкретные методологические инструменты, которые были и остаются продуктивными для анализа политического дискурса, характерного для российского общества. Эволюция этнокультурологических концепций невозможна без новых эвристических и обладающих объяснительным потенциалом теоретических положений, в формулировке и разработке которых значительная роль отводится российским лингвистам.


ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин В. В. Проблема взаимоотношений языка и этноса в западной и отечественной философских традициях [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 9. Ч. 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/09/57373> (дата обращения: 04.06.2019).
2. Бочегова Н. Н. Этнос. Язык. Концептосфера : моногр. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 212 с.
3. Головки Е. Рец. на кн.: Е. В. Перехвальская. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 351 с. // Антропологический форум. 2017. № 34. С. 249—258.
4. Евсюкова Т. В., Агабабян С. Р. Эволюция концепта «Община/мир» в русской лингвокультуре // Вестн. УГУ. 2017. Вып. 4 (207). С. 79—84.
5. Кондратьева О. Н. Политика в зеркале языка и культуры: Уральская школа политической лингвистики // Язык и культура. 2018. № 9. С. 153—169.
6. Лалетина А. О. Глобализация как объект лингвистических исследований // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 39—45.
7. Морева А. В. Психолингвистические способы измерения этнической напряженности [Электронный ресурс] // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы 3-й Междунар. науч. конф. (г. Москва, нояб. 2014 г.). — М.: Буки-Веди, 2014. С. 79—84. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/136/6525/> (дата обращения: 04.06.2019).
8. Особенности национального самосознания русских [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки. 2016. № 1 (30). URL: <http://nauchforum.ru/node/9164> (дата обращения: 04.06.2019).
9. Перехвальская Е. В. Этнолингвистика : учеб. для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2019. 351 с.
10. Соколов С. М. Этнологическая концепция евразийства // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 14 (1). С. 28—31.
11. Соловьев В. Ю., Васильев А. А. Особенности национального самосознания и русская национальная идея // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 994—998.
12. Сергиенко Н. Л., Семёнова В. В., Харченко В. Д. Самосознание русского этноса в современных условиях: региональный аспект // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история : сб. ст. по матер. 67—68 Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск : СибАК, 2016. № 12 (61). С. 91—97.
13. Современная политическая лингвистика / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2016. 252 с.
14. Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999—2011 гг. 2-е изд., перераб. и доп. — Оренбург : ОГАУ, 2016. 232 с.
15. Этнолингвокультурология : учеб. пособие / [сост. Т. С. Вершинина, М. О. Гузикова, О. Л. Кочева]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 80 с.
16. Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики : материалы постоянно действующего семинара, 17—21 апр. 2007 г. / [редкол.: В. Н. Мушаев (отв. ред.) и др.]. — Элиста : Калмыцкий гос. ун-т, 2007. 154 с.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

ORCID ID: 0000-0002-1597-3927 

 *E-mail*: yuex570@126.com.

Evolution of Views on Ethnoculturological Aspects of the Russian Language in Political Linguistics

ABSTRACT. *Many scholars report “ethnic renaissance” or ethnocultural turn in modern humanitaristics. The anthropocentric scientific paradigm brings up new problems lying at the borderline between humanitarian sciences, which leads to the emergence of new adjacent branches of science (linguoculturology, ethnolinguistics, political linguistics, etc.). And specifically, it actualizes the study of interrelation between language, culture and ethnos. This is determined by the peculiarities of the language which is the product of two main factors: internal (linguistic consciousness of each person) and external (culture uniting the persons speaking the same language and reflecting the everyday empirical, historical and spiritual experience of the ethnos). Close intertwining of the humanities is revealed also in the fact that political linguistics is permeated with the conceptions of linguoculturology and ethnolinguistics which are employed to solve such problems as interaction between language and thinking, linguistic consciousness of a participant of the communication act, and national-cultural linguistic worldview. The article characterizes the main areas of research demonstrating close relationship between the abovementioned scientific fields: metaphorical modeling in political discourse; comparative study of political communication at various stages of the Russian statehood (allow one to clearly distinguish “own” and “alien”, occasional and natural, universal and nationally specific in language); diachronic study of political communication (political discourse of the state throughout its history or at a certain time; fragment of political reality and its metaphorical modeling at various periods of time; idiostyle of a politician).*

KEYWORDS: *ethnoses; ethnolinguistics; national culture; political linguistics; ethnoculturology; Russian language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Post-graduate Student (specialization “Political Linguistics”), Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue, Xue. Evolution of Views on Ethnoculturological Aspects of the Russian Language in Political Linguistics / Yue Xue // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 135-139. — DOI 10.26170/pl19-03-17.*

REFERENCES

1. Bachurin V. V. The Problem of the Relationship of Language and Ethnicity in the Western and National Philosophical Traditions [Electronic resource] // Modern Scientific Research and Innovation. 2015. № 9. Part 2. [Problema vzaimootnosheniy yazyka i etnosa v zapadnoy i otechestvennoy filosofskikh traditsiyakh // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2015. № 9. Ch. 2]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/09/57373> (date of access: 04.06.2019). — (In Rus.)
2. Bochegova N. N. Ethnos. Language. Conceptosphere : monograph. — Kurgan : Publishing house of Kurgan State Univ., 2010. 212 p. [Etnos. Yazyk. Kontseptosfera : monogr. — Kurgan : Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2010. 212 s.]. — (In Rus.)
3. Golovko E. Review on the book: E. V. Perekhval'skaya. Ethnolinguistics: a textbook for academic undergraduate. — Moscow : Yurayt, 2016. 351 p. // Anthropological Forum. 2017. No. 34. P. 249—258. [Rets. na kn.: E. V. Perekhval'skaya. Etnolingvistika: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M. : Yurayt, 2016. 351 s. // Antropologicheskii forum. 2017. № 34. S. 249—258]. — (In Rus.)
4. Evsyukova T. V., Agababyan S. R. Evolution of the Concept “Community / World” in Russian Linguistic Culture // Proceedings of USU. 2017. Vol. 4 (207). P. 79—84. [Evolutsiya kontsepta «Obshchina/mir» v russkoy lingvokul'ture // Vestn. UGU. 2017. Vyp. 4 (207). S. 79—84]. — (In Rus.)
5. Kondrat'eva O. N. Politics in the Mirror of Language and Culture: Ural School of Political Linguistics // Language and Culture. 2018. No. 9. P. 153—169. [Politika v zerkale yazyka i kul'tury: Ural'skaya shkola politicheskoy lingvistiki // Yazyk i kul'tura. 2018. № 9. S. 153—169]. — (In Rus.)
6. Laletina A. O. Globalization as an Object of Linguistic Research // Political Linguistics. 2011. No 3 (37). P. 39—45. [Globalizatsiya kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 3 (37). S. 39—45]. — (In Rus.)
7. Moreva A. V. Psycholinguistic Methods for Measuring Ethnic Tensions [Electronic resource] // Philology and Linguistics in Modern Society: Proceedings of the 3rd Intern. scientific conf. (Moscow, Nov. 2014). — Moscow : Buki-Vedi, 2014. P. 79—84. [Psikholingvisticheskie sposoby izmereniya etnicheskoy napryazhennosti [Elektronnyy resurs] // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve : materialy 3-y Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, noyab. 2014 g.). — M. : Buki-Vedi, 2014. S. 79—84]. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/136/6525/> (date of access: 04.06.2019). — (In Rus.)
8. Peculiarities of the National Self-consciousness of Russians [Electronic resource] // Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences. 2016. № 1 (30). [Osobennosti natsional'nogo samosoznaniya russkikh // Molodezhnyy nauchnyy forum: obshchestvennye i ekonomicheskoe nauki. 2016. № 1 (30)]. URL: <http://nauchforum.ru/node/9164> (date of access: 04.06.2019). — (In Rus.)
9. Perekhval'skaya E. V. Ethnolinguistics: textbook for academic undergraduate. — Moscow : Yurayt, 2019. 351 p. [Etnolingvistika : ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata. — M. : Yurayt, 2019. 351 s.]. — (In Rus.)
10. Sokolov S. M. Ethnological Concept of Eurasianism // Proceedings of Buryatia State Univ. 2014. No. 14 (1). P. 28—31. [Etnologicheskaya kontseptsiya evraziystva // Vestn. Buryat. gos. un-ta. 2014. № 14 (1). S. 28—31]. — (In Rus.)
11. Solov'ev V. Yu., Vasil'ev A. A. Features of National Identity and the Russian National Idea // Proceedings of Penza State Ped. Univ. named after V. G. Belinsky. 2012. № 27. P. 994—998. [Osobennosti natsional'nogo samosoznaniya i russkaya natsional'naya ideya // Izv. Penzen. gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo. 2012. № 27. S. 994—998]. — (In Rus.)
12. Sergienko N. L., Semenova V. V., Kharchenko V. D. Self-consciousness of the Russian Ethnos in Modern Conditions: the Regional Aspect // Actual Problems of the Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History : collection of articles. Materials of 67—68th Intern. scientific-practical conf. — Novosibirsk : SibAK, 2016. No. 12 (61). p. 91—97. [Samosoznanie russkogo etnosa v sovremennykh usloviyakh: regional'nyy aspekt // Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya : sb. st. po mater. 67—68 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Novosibirsk : SibAK, 2016. № 12 (61). — S. 91—97]. — (In Rus.)
13. Modern Political Linguistics / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2016. 252 p. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika / otv. red. A. P. Chudinov ;

Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2016. 252 s.]. — (In Rus.)

14. Tishkov V. A. Unity in Diversity: Publications from Ethnopanorama Magazine, 1999–2011. 2nd ed., reworked and add. — Orenburg : OGAU, 2016. 232 p. [Edinstvo v mnogoobrazii: publikatsii iz zhurnala «Etnopanorama» 1999—2011 gg. 2-e izd., pererab. i dop. — Orenburg : OGAU, 2016. 232 s.]. — (In Rus.)

15. Ethnolinguoculturology : teaching aid / [comp. T. S. Vershinina, M. O. Guzikova, O. L. Kocheva]. — Ekaterinburg : Publishing house of Ural University, 2016. 80 p. [Etnolingvokul'turologiya : ucheb. posobie / [sost. T. S. Vershinina, M. O. Gu-

zikova, O. L. Kocheva]. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 80 s.]. — (In Rus.)

16. Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics: Materials of a Permanent Seminar, April 17—21, 2007 / [Editorial: V. N. Mushaev (Resp. Ed.) and others.]. — Elista : Kalmykia State Univ., 2007. 154 p. [Etnokul'turnaya kontseptologiya i sovremennye napravleniya lingvistiki : materialy postoyanno deystvuyushchego seminar, 17—21 apr. 2007 g. / [redkol.: V. N. Mushaev (otv. red.) i dr.]. — Elista : Kalmytskiy gos. un-t, 2007. 154 s.]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА


УДК 811.161.1'38:811.161.1'42
ББК Ш141.12-55+Ш141.12-51
DOI 10.26170/pl19-03-18

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.04; 10.02.19

Л. Б. Савенкова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ORCID ID: 0000-0002-2637-679X 

 *E-mail*: savenkova@sfedu.ru.

Информационно-психологические войны сквозь призму лингвистики

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию «Лингвистика информационно-психологической войны» (Книга II. Авторский коллектив: А. А. Бернацкая (1.1; 3.3—3.5); Л. А. Гаврилов (1.2); В. А. Жилина (1.3); Е. С. Игнатова (2.3); М. В. Канавцев (3.12); А. В. Колмогорова (3.8); Г. А. Копнина (3.9; 3.14); Л. В. Коцюбинская (3.1); С. Л. Кушнерук (3.11); М. В. Мигулёва (3.12); А. К. Михальская (1.4); Ю. В. Панова (2.4); Е. Г. Прилукова (3.7); В. Ш. Сабиров (2.1; 2.2); М. А. Самкова (3.13); А. П. Сквородников (3.6; 3.14), предисловие, заключение; О. С. Соина (2.1); Ю. Р. Тагильцева (3.10); Н. М. Татарникова (3.2); С. И. Чудинов (2.5); под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. 488 с.). Рецензируемая монография является продолжением книги, изданной в 2016 году. Можно считать, что при разнообразии частных методов исследования все разделы книги отличает один подход — пристальное прочтение текстов разной дискурсивной принадлежности, позволяющее квалифицировать их как средство ведения информационно-психологических войн. Междисциплинарный взгляд с преобладанием лингвистической позиции позволяет авторам точнее очертить границы проблемного поля, рассмотреть некоторые стратегии и тактики информационно-психологической войны, описать лингвистические приемы воздействия, включая манипулирование аудиторией, при формировании у адресата необходимой адресанту точки зрения на важные социально-политические, этнокультурные, морально-нравственные проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; речевое воздействие; политическая пропаганда; дискурс-анализ; политическая лингвистика; политический дискурс; рецензии; междисциплинарный подход.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (ЮФУ); 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93; e-mail: savenkova@sfedu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Савенкова, Л. Б. Информационно-психологические войны сквозь призму лингвистики / Л. Б. Савенкова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 140-144. — DOI 10.26170/pl19-03-18.

Рецензируемая монография представляет собой продолжение коллективного исследования, предпринятого группой ученых под руководством профессора А. П. Сквородникова в 2016 г. [Лингвистика 2016] и посвященного анализу феномена информационно-психологических войн (далее ИПВ). Конечно, у этих авторов были и предшественники (укажем хотя бы следующие работы: [Караяни 1997; Володенков 2003; Некляев 2008; Фоменко 2008; Манойло 2009; Ткаченко 2013; Фатемах 2013; Шилина 2015; Кошкарлова 2015; Глинская 2015]; естественно, список не является исчерпывающим. Он призван лишь продемонстрировать множественность подходов к объекту исследования), но каждый из них смотрел на феномен ИПВ с какой-то одной позиции, в одном ракурсе. Осознание преимуществ комплексного анализа явления привело к пониманию необходимости осуществления группового проекта.

Специфику монографии составляет междисциплинарность: наряду с собственно

лингвистическим здесь используется и социально-философский подход, в зоне внимания авторов оказываются вопросы этического и религиозного плана, что позволяет полиаспектно осмыслить специфику ведения ИПВ. И все же большая часть объема книги справедливо отведена рассмотрению коммуникативно-речевых явлений.

Авторский коллектив отличает стремление к дискурс-анализу с обращением к разным коммуникативным сферам, что проявляется уже в первом, теоретическом разделе. И если рассмотрение политического дискурса в условиях ИПВ, осуществленное Л. А. Гавриловым, как и углубление в риторике российского пропагандистского дискурса, в которое погружает читателя А. К. Михальская, вполне ожидаемы (ибо именно социально-политическая сфера в первую очередь позволяет наблюдать проявления ИПВ), то поднятый А. А. Бернацкой вопрос о легитимности анализа художественного текста в аспекте ИПВ звучит новаторски. Пред-

ставляется, что его актуальность находит обоснование уже в русской литературной традиции: все великие писатели нашей страны одновременно и философы, и социологи, и наш читатель привык к тому, что автор, оперируя конкретными образами, обсуждает с ним важнейшие вопросы как бытия в целом, так и устройства социума, постулатов морали, человеческих взаимоотношений, ценностной картины мира. Пространство художественной речи позволяет автору не только транслировать аудитории свою идеологию, но и формировать ее в сознании адресата. Решение поставленного вопроса осуществлено А. А. Бернацкой убедительно. Очень важным представляется вывод А. А. Бернацкой о том, что художественный текст может стать средством ведения ИПВ не усилиями автора, а «в результате его (текста — Л. С.) сознательной популяризации заинтересованными институтами и личностями» [Лингвистика информационно-психологической войны, кн. 2: 24]. Хотелось бы только большей доказательности в расстановке научных приоритетов: термин «лингвоидеологический анализ» действительно используется Н. А. Купиной в статье 2015 г., более того, хорошо известна ее книга «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» [Купина 1995], где фактически осуществляется анализ, который можно охарактеризовать как лингвоидеологический. Однако ни в ней, ни в более раннем учебном пособии «Лингвистический анализ художественного текста» [Купина 1980] термин не фигурирует и, следовательно, не разъясняется (можно ли в таком случае без точной отсылки к авторскому тексту считать ученого автором термина?). В то же время в 1995 г. была опубликована книга А. А. Мирошниченко «Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа» [Мирошниченко 1995], где дается термин и его дефиниция (о возможности различного наполнения содержания данного понятия пишет, кстати, в третьем разделе монографии и А. П. Сковородников, см.: [Лингвистика информационно-психологической войны, кн. 2: 237—238]). Поскольку конец XX в. — эпоха активного обращения к социолингвистике и лингвокогнитивистике, а также пора пристального внимания к зарубежной лингвистике, интересующейся функционированием языковой системы, можно предположить, что данный термин мог быть либо калькой, использованной при переводе какого-либо зарубежного лингвистического труда, либо возникшей в отечественной филологии потенциальной специальной номинацией, легко создаваемой по той же модели,

что и *лингвостилистический / лингвокультурологический / лингвокогнитивный* анализ. Заметим, однако, что приведенный комментарий имеет статус à propos.

Л. А. Гаврилов рассматривает особенности ведения ИПВ в политической речи с учетом факторов содержания самих текстов, адресанта и адресата. Демонстративное доминирование референтного элемента, уход автора текста «в тень», по мнению исследователя, часто используется как средство создания видимости объективности. В то же время адресанты других политически ориентированных текстов выступают в качестве выразителей интересов какой-то из противоборствующих социальных групп. В подразделе обобщаются взгляды многих современных специалистов по риторике и собственно политической лингвистике на характеристику адресата политически ориентированных высказываний, на необходимость учитывать как выбор автором речи стратегии, так и разработку им тактики информационного воздействия и, соответственно, распознавать и то и другое, дабы не проиграть в ведении ИПВ. Приведение наглядных иллюстраций позволяет повысить практическую ценность подраздела, который можно рекомендовать и журналистам, и участникам политических дебатов в качестве своеобразного методического подспорья в речевой практике.

Подраздел, созданный В. А. Жилиной, позволяет углубиться в детали современных манипулятивных практик политического дискурса. Автору представляется, что «элементы манипуляции, объективно укорененные в процессах управления, выходят за рамки особенностей человеческой психики и начинают претендовать на некий автономный статус в структуре факторов социального развития» [Лингвистика информационно-психологической войны, кн. 2: 55—56]. В качестве фона, на котором формируется такой статус, В. А. Жилина называет появление «нового коммуникативного субъекта», который воспринимает мир как поликультурный. С одной стороны, это утверждение надо признать верным, но, с другой — хотелось бы его уточнить. Если говорить о *новом коммуникативном субъекте*, то придется признать, что ранее подобного не существовало. Однако было бы категоричным заявить, что в прошлые столетия не было коммуникантов, живших в условиях смешения этнических культур, так как на протяжении столетий существуют государства с полиэтничным составом. Вряд ли по отношению к подобным геополитическим образованиям можно говорить о неких единых куль-

турах — о чисто русской или — аналогично — о китайской, американской и т. д. Видимо, имеет смысл подыскать какой-то иной термин или согласиться с упоминанием о глобализации как процессе, девальвирующем ценность этнокультуры по сравнению с общецивилизационными параметрами существования населения планеты.

Особой значимостью, на наш взгляд, обладает подраздел, написанный А. К. Михальской. Он посвящен анализу современного состояния пропагандистской деятельности в российском политическом дискурсе. Сосредоточив внимание на пропаганде как «современной политико-риторической деятельности, организуемой государством (властью) и используемой в целях управления (манипулирования) поведением масс с помощью символического воздействия на эмоционально-оценочную сферу и картину мира массового адресата» [Лингвистика информационно-психологической войны, кн. 2: 63], автор дает перечень ее характеристик и рассматривает оппозицию «пропаганда — контрпропаганда». По мнению исследователя, в этой паре понятий главной парой признаков становится не распространение/опровержение пропагандистской информации, а наличие/отсутствие у коммуниканта инициативы в воздействии на адресата. Это утверждение представляется совершенно верным, поскольку в сознании человека, который занят не поисками истины, а обоснованием правильности мнения, логика не имеет большой ценности. Известна фраза А. И. Герцена из «Былого и дум»: «...как мало можно взять логикой, когда человек *не хочет* убедить» [Герцен 1969: 619] (курсив мой — Л. С.). Более того, приходится признать склонность аудитории к весьма критическому отношению к оправданиям того, кого в чем-то обвиняют. В русском языке есть поговорка, которая отчасти объясняет склонность людей верить слухам: *Нет дыма без огня*. Гораздо категоричнее формулировка относящейся к той же тематике французской поговорки: *Une sexcuse, saccuse* — «Кто оправдывается, тот себя уличает». Современные информационные технологии позволяют легко тиражировать негативную информацию, повторяя ее бесконечное количество раз и создавая у аудитории эффект привыкания. Поэтому в современных политических дебатах (особенно это проявляется во внешнеполитической деятельности) более выигрышную позицию занимает тот, кто первым создал информационную основу для постановки оппонента в позицию обвиняемого, провоцируемого на оправдание, которое заведомо будет подвергаться сомнению

со стороны публики. Поэтому следует признать верным вывод А. К. Михальской о закономерной бездейственности пассивной контрпропаганды и о необходимости изменения стратегии позитивной пропаганды.

Основной категорией анализа во втором разделе является этос, что представляется правомерным, поскольку информационная война затрагивает отношения не только между государствами, а и между народами как носителями определенных обычаев, традиций, ценностей. Несомненно, правы В. Ш. Сабиров и О. С. Соина, подчеркивающие необходимость пристального изучения этосов как одно из важнейших условий «построения эффективной системы противодействия нашим геополитическим и цивилизационным противникам в обостряющейся информационной войне» [Лингвистика информационно-психологической войны, кн. 2: 89]. Авторы подчеркивают, что мишенью ИПВ оказываются «ментальные и духовно-ценностные характеристики человека или общества» [Там же: 81]. Бесспорно, что именно смена ценностных векторов ведет к трансформации, а затем и разрушению социума. Поэтому имеет смысл исследовать российский этос в целом и субэтосы в их сложных горизонтальных и вертикальных связях. Без этого, как считают авторы, невозможно противостоять геополитическим противникам России в информационных войнах. Естественно, нельзя ограничиться вниманием только к российскому этосу. Поэтому не менее актуальным, с точки зрения В. Ш. Сабирова и О. С. Соиной, видится внимание в причины агрессивного отношения к России, которые могут иметь духовно-ценностную природу и уходить корнями в историю формирования самосознания различных этнокультурных объединений. Общие положения данного подраздела конкретизируются в четырех следующих, авторы которых размышляют об этосах в конкретных культурах, поднимая вопросы о соотношении понятий «этос» и «менталитет» в русской культуре (В. Ш. Сабиров), о влиянии языковой политики Франции на формирование национального этоса (Е. С. Игнатьева), о религиозных основаниях этоса как факторе внешнеполитической деятельности США (Ю. В. Панова), об этосе исламистов, который не замыкается в границах отдельного государства (С. И. Чудинов).

Монография привлекательна и тем, что в третьем разделе ее авторы демонстрируют возможности дальнейшей детализации анализа проблем ведения ИПВ, выступают инициаторами развития многовекторного исследования ИПВ с разных точек отсчета, рас-

смаатривая подобные войны с позиций то среды их возникновения и разворачивания (С. Л. Кушнерук; М. В. Канавцев, М. В. Мигулева), то черт сознания субъектов, вдохновляющих их на агрессивное коммуникативное поведение (А. А. Бернацкая, А. П. Сковородников), то объектов информационной агрессии (Н. М. Татарникова; Е. Г. Прилукова), то стратегий и тактик ведения (Л. В. Коцюбинская; А. В. Колмогорова; Г. А. Копнина; Ю. Р. Тагильцева), то специфических языковых средств и коммуникативных приемов (М. А. Самкова; А. П. Сковородников, Г. А. Копнина).

При том, что авторы рассматривают такие разнообразные частные лингвистические объекты и погружаются в изучение неоднотипных дискурсов, необходимо подчеркнуть, что данное издание действительно является коллективной монографией, а не тематическим сборником, поскольку все пишущие исходят из единого понимания того феномена, который называют ИПВ.

Достоверность выводов, к которым приходят соавторы монографии, обеспечивается добротной методологической и теоретической базой, разработкой новых целесообразных или эффективным применением ранее апробированных методов филологического и общегуманитарного анализа, учетом достижений современной теории текста, дискурс-анализа, лингвокогнитологии, лингвокультурологии, социолингвистики (библиографический перечень к монографии включает 534 наименования, 54 из которых — англоязычные), обширным фактическим материалом и его скрупулезным анализом.

Теоретическая ценность монографии «Лингвистика информационно-психологической войны. Книга II» видится в том, что в ней делается очередной шаг к уточнению границ понятийного и проблемного полей в изучении феномена ИПВ и намечаются перспективы дальнейшего его изучения в содружестве лингвистов с другими гуманитариями.

Вне всякого сомнения, данная книга будет ценным подспорьем в образовательном процессе высшей школы при обучении по направлениям «Филология», «Журналистика», «Связи с общественностью», «Социология», «Политология», «Культурология», «Философия». Не менее важно ознакомиться с ней и


тех специалистов-гуманитариев, кто по роду деятельности является активным участником политического дискурса и — вольно или невольно — имеет отношение к практике ИПВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В. Информационно-психологические войны и массовое сознание // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2003. № 3. С. 130—136.
2. Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1—5. — М.: Художественная литература, 1969.
3. Глинская И. Ю. Роль СМИ в информационно-психологической войне // Вестн. Башкир. ин-та социальных технологий. 2015. № 2 (27). С. 19—22.
4. Караяни А. Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне: учеб. пособие. — М.: Военный университет, 1997. 64 с.
5. Кошарова Н. Н. «Как слово наше отзовется»: почему информационная политика может перерасти в информационно-психологическую войну // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2015. Т. 10. № 3. С. 85—88.
6. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
7. Купина Н. А. Лингвистический анализ художественного текста. — М.: Просвещение, 1980. 78 с.
8. Лингвистика информационно-психологической войны: коллективная моногр. Кн. I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 280 с.
9. Лингвистика информационно-психологической войны: коллективная моногр. Кн. II / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.
10. Манойло А. В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // Национальная безопасность / Nota bene. 2009. № 1. С. 66—71.
11. Мирошниченко А. А. Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа. — Ростов н/Д: Изд. дом «Город N», 1995. 112 с.
12. Некляев С. Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2008. № 5. С. 35—51.
13. Ткаченко С. В. Информационно-психологическая война против России: дискредитация характера Великой Отечественной войны // Право и государство: теория и практика. 2013. № 8 (104). С. 66—75.
14. Фатемех Д. Медиаполитика США в информационно-психологической войне против Ирана // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф. / сост. Т. И. Каришева, Н. Ю. Топчий; под ред. В. В. Барабаша. — М.: Российский ун-т дружбы народов, 2013. С. 87—91.
15. Фоменко П. П. Защита личного состава от информационно-психологического воздействия противника в локальных войнах и вооруженных конфликтах XX века // Проблемы безопасности: электрон. науч. журн. 2008. Т. 3. № 3. С. 2—3.
16. Шилина А. Г. Миротворческая миссия (масс)медиалингвистики в контексте информационно-психологической войны // Высшее образование для XXI века. 12-я Междунар. науч. конф.: доклады и материалы. Круглый стол «Современные тенденции медиаобразования» / отв. ред. О. Е. Коханая. — М.: Москов. гуманит. ун-т, 2015. С. 106—109.

L. B. Savenkova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2637-679X 

 E-mail: savenkova@sfnu.ru.

Information Psychological Wars through the Prism of Linguistics

ABSTRACT. The article contains a review of the monograph “Linguistics of Information Psychological Wars” (Book 2 / Group of authors: A.A. Bernatskaya (1.1; 3.3—3.5); L.A. Gavrilov (1.2); V.A. Zhilina (1.3); E.S. Ignatova (2.3);

M.V. Kanavtsev (3.12), A.V. Kolmogorova (3.8); G.A. Kopnina (3.9; 3.14); L.V. Kotsyubinskaya (3.1); S.L. Kushneruk (3.11); M.V. Miguleva (3.12); A.K. Mikhalskaya (1.4); Yu.V. Panova (2.4); E.G. Prilukova (3.7); V.Sh. Sabirov (2.1; 2.2). M.A. Samkova (3.13); A.P. Skovorodnikov (3.6; 3.14). Preface, Conclusion; O.S. Soina (2.1); Yu.R. Tagiltseva (3.10); N.M. Tarnikova (3.2); S.I. Chudinov (2.5); edited by Prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2019. 488 Pp.). The monograph under review is a continuation of a book published in 2016. With a variety of special research methods, we can assume that all sections of the book are distinguished by one approach — close reading of texts belonging to different discourses, which allows them to be qualified as a means of conducting information psychological wars. An interdisciplinary approach with a linguistic bias allows the authors to draw the boundaries of the problem field more precisely, to consider some strategies and tactics of information psychological wars and to describe the linguistic methods of producing verbal impact, including manipulation of the audience when the addressee gets an idea under the influence of the addresser about important socio-political, ethnocultural, moral and ethical problems.

KEYWORDS: *information psychological wars; verbal influence; political propaganda; discourse analysis; political linguistics; political discourse; reviews; interdisciplinary approach.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Savenkova Lyudmila Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

FOR CITATION: *Savenkova, L. B. Information Psychological Wars through the Prism of Linguistics / L. B. Savenkova // Political Linguistics. — 2019. — No 3 (75). — P. 140-144. — DOI 10.26170/pl19-03-18.*

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. Information-Psychological Wars and Mass Consciousness // Proceedings of Moscow Univ. Ser. 12: Political Science. 2003. № 3. P. 130—136. [Informatsionno-psikhologicheskie voyny i massovoe soznanie // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2003. № 3. S. 130—136]. — (In Rus.)
2. Gertsen A. I. Past and Thoughts. Part 1-5. — Moscow : Fiction, 1969. [Byloe i dumy. Ch. 1—5. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1969]. — (In Rus.)
3. Glinskaya I. Yu. The Role of the Media in the Information-psychological War // Proceedings of Bashkir Inst. of Social Technologies. 2015. № 2 (27). P. 19—22. [Rol' SMI v informatsionno-psikhologicheskoy voyne // Vestn. Bashkir. in-ta sotsial'nykh tekhnologiy. 2015. № 2 (27). S. 19—22]. — (In Rus.)
4. Karayani A. G. Information and Psychological Confrontation in the Modern War : teaching aid. — Moscow : Military Univ., 1997. 64 p. [Informatsionno-psikhologicheskoe protivoborstvo v sovremennoy voyne : ucheb. posobie. — M. : Voenny universitet, 1997. 64 s.]. — (In Rus.)
5. Koshkarova N. N. "How Our Word will Respond": Why Information Policy Can Grow into an Information-psychological War // Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity. 2015. Vol. 10. No. 3. P. 85—88. [«Kak slovo nashe otzovetsya»: pochemu informatsionnaya politika mozhet pererasti v informatsionno-psikhologicheskuyu voynu // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2015. T. 10. № 3. S. 85—88]. — (In Rus.)
6. Kupina N. A. Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions. — Ekaterinburg : Publ. House of Ural. Univ. ; Perm : ZUUNC, 1995. 144 p. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta ; Perm : ZUUNTS, 1995. 144 s.]. — (In Rus.)
7. Kupina N. A. Linguistic Analysis of a Literary Text. — Moscow : Enlightenment, 1980. 78 p. [Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. — M. : Prosvetshchenie, 1980. 78 s.]. — (In Rus.)
8. Linguistics of Information-psychological war : collective monograph. Vol. I / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2016. 280 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kollektivnaya monogr. Kn. I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 280 s.]. — (In Rus.)
9. Linguistics of Information-psychological war : collective monograph. Vol. 2 / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2019. 488 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : kollektivnaya monogr. Kn. II / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. 488 s.]. — (In Rus.)
10. Manoylo A. V. Psychological Operations: Models and Technologies of Conflict Management // National Security / Nota bene. 2009. No. 1. P. 66—71. [Psikhologicheskie operatsii: modeli i tekhnologii upravleniya konfliktami // Natsional'naya bezopasnost' / Nota bene. 2009. № 1. S. 66—71]. — (In Rus.)
11. Miroshnichenko A. A. Interpretation of Speech. Fundamentals of Linguistic and Ideological Analysis. — Rostov on Don : Ed. House "City N", 1995. 112 p. [Tolkovanie rechi. Osnovy lingvo-ideologicheskogo analiza. — Rostov n/D : Izd. dom «Gorod N», 1995. 112 s.]. — (In Rus.)
12. Neklyayev S. E. Informational and Psychological Warfare in the Conditions of Network Warfare as a New Form of National Security Threat // Proceedings of Moscow Univ. Ser. 10: Journalism. 2008. № 5. P. 35—51. [Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v usloviyakh setevoy voyny kak novaya forma ugrozy natsional'noy bezopasnosti // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. 2008. № 5. S. 35—51]. — (In Rus.)
13. Tkachenko S. V. Information-psychological War Against Russia: Discrediting the Nature of the Great Patriotic War // Law and the State: Theory and Practice. 2013. № 8 (104). P. 66—75. [Informatsionno-psikhologicheskaya voyna protiv Rossii: diskreditatsiya kharaktera Velikoy Otechestvennoy voyny // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 8 (104). S. 66—75]. — (In Rus.)
14. Fatemekh D. US Media Policy in the Information Psychological War against Iran // Mass Media in a Multi-Polar World: Problems and Prospects: Materials of the 4th All-Russia. scientific-practical conf. / compiled by T. I. Karisheva, N. Yu. Topchiy; ed. V. V. Barabash. — Moscow : Russian Univ. of Peoples' Friendship, 2013. P. 87—91. [Mediapolitika SShA v informatsionno-psikhologicheskoy voyne protiv Irana // Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy : materialy 4-y Vseros. nauch.-prakt. konf. / sost. T. I. Karisheva, N. Yu. Topchiy ; pod red. V. V. Barabasha. — M. : Rossiyskiy un-t druzhby narodov, 2013. S. 87—91]. — (In Rus.)
15. Fomenko P. P. Protecting Personnel from the Informational and Psychological Impact of the Enemy in Local Wars and Armed Conflicts of the Twentieth Century // Security Problems: Electron. scientific journals 2008. Vol. 3. No. 3. P. 2—3. [Zashchita lichnogo sostava ot informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya protivnika v lokal'nykh voynakh i vooruzhennykh konfliktakh KhKh veka // Problemy bezopasnosti : elektron. nauch. zhurn. 2008. T. 3. № 3. S. 2—3]. — (In Rus.)
16. Shilina A. G. Peacekeeping Mission (of the Masses) of Medialinguistics in the Context of the Information-psychological War // Higher education for the 21st century. 12th Intern. scientific conf. : reports and materials. Round table "Modern trends in media education" / resp. ed. O. E. Kokhanaya. — Moscow : Moscow Humanities Univ. Pr., 2015. P. 106—109. [Mirotvorcheskaya missiya (mass)medialingvistiki v kontekste informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Vyshee obrazovanie dlya XXI veka. 12-ya Mezhdunar. nauch. konf. : doklady i materialy. Kruglyy stol «Sovremennye tendentsii mediaobrazovaniya» / otv. red. O. E. Kokhanaya. — M. : Moskov. gumanit. un-t, 2015. S. 106—109]. — (In Rus.)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
 - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер= 366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2019. ВЫПУСК 3 (75)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 20.06.2019. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 26.06.2019.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 16,7. Усл. печ. л. — 18,3. Тираж 500 экз. Заказ 5052.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me